

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

*И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4*

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2025

Периодичность 4 номера в год

*Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым*

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О.** – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – кандидат юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории», Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душаклова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н.** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Момотов В. В.** – доктор юридических наук, профессор, судья, секретарь Пленума, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).
- **Овсепян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического факультета, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмаилов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В.** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

“To be ahead of the nation, show the way
to its people directing their legal awareness
towards the benefit and truth in human
relations – that is the genuine duty of juris-
prudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 2, 2025

Regularity 4 times a year

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

*The journal is included into the «List of reviewed scientific
publications where main research results of dissertations
for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovskiy** – Doctor of Law, Professor of the Department of State and Law Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of Public Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Head of the Tyumen Branch of the Interregional Association of Constitutionalists of Russia, Member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Association of Lawyers of Russia" (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor, Head of the Department "General History and Technology of Teaching History", Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Victor V. Momotov** – Doctor of Law, Professor, Judge, Secretary of the Plenum, Member of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsaid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Faculty of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after X. X. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambul H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

<http://vestnik.uriu.ranepa.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.....	9
<i>А. В. Савченко, Г. С. Працко.</i> Теория правового государства в юридическом наследии Ивана Александровича Ильина	9
<i>Л. В. Акопов, И. А. Сизько.</i> Сергей Андреевич Котляревский о теории конституционного государства в контексте политической морфологии	19
<i>С. П. Федоренко, Р. Г. Непрланов, Т. М. Шогенов.</i> Актуальные вопросы правового регулирования общественных отношений в постоянно действующем виртуальном пространстве метавселенной	26
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	34
<i>А. Г. Кузьмин.</i> Судебный конституционализм: новые вехи после конституционных поправок.....	34
<i>Т. В. Шатковская, Д. А. Андросова.</i> Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по законодательству Российской Федерации	41
<i>М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова.</i> Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации	50
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ.....	59
<i>С. В. Петрова.</i> Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права	59
<i>Р. А. Алексеев.</i> Новеллы российского избирательного законодательства в эпоху цифровизации: проблемы и перспективы применения.....	69
<i>А. С. Лолаева.</i> Проблемы публично-правового регулирования традиционных институтов демократии посредством электронных технологий	79
<i>Н. Е. Шакурова.</i> Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса в России в условиях цифровизации	88
ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО, УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ.....	95
<i>Д. А. Корецкий.</i> Юриспруденция: «ножницы» между теорией и практикой	95
<i>В. И. Крупницкая.</i> Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона	104
<i>С. И. Кузина, М. О. Пухалова, А. В. Цыкора.</i> Мошенничество в цифровом пространстве и его особенности.....	112
<i>Е. А. Мирошниченко, И. И. Короленко, Е. А. Паламарчук.</i> К вопросу об организации оказания медицинской помощи лицам, отбывающим принудительные работы в исправительных центрах	125
<i>В. Н. Зайцев.</i> Оценка эффективности работы следственных подразделений районного уровня: от сложности уголовного дела к срокам его расследования.....	132
<i>Д. С. Исакова, Н. А. Василенко, Ю. В. Гончарова.</i> Бесплатная правовая помощь в пенитенциарной системе: перспективы развития	142
<i>А. С. Дворянинов.</i> Использование и развитие высоких информационных технологий в уголовном судопроизводстве зарубежных азиатских государств: Сингапура, Казахстана, Китайской Народной Республики.....	149
ПЕРСОНАЛИИ.....	157
<i>Дж. Х. Сайдумов</i> Вклад профессора Ш. Б. Магомедова в развитие отечественной юриспруденции	157
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	167
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ.....	172
Жизнь в науке и для науки (к Юбилею П. П. Баранова).....	172
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	174

CONTENT

PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE.....	9
<i>Anastasia V. Savchenko, Gennady S. Pratsko</i>	
The theory of the rule of law in the legal legacy of Ivan Alexandrovich Ilyin.....	9
<i>Leonid V. Akopov, Igor A. Sizko</i>	
Sergey Andreevich Kotlyarevsky on the theory of the constitutional state in the context of political morphology	19
<i>Svyatoslav P. Fedorenko, Ruslan G. Nepranov, Timur M. Shogenov</i>	
Current legal issues of regulation of public relations in the constantly operating virtual space of the metaverse...	26
PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND CIVIL LAW	34
<i>Andrey G. Kuzmin</i>	
Judicial constitutionalism: new milestones after constitutional amendments	34
<i>Tatiana V. Shatkovskaya, Daria A. Androsova</i>	
The regime of legal protection of multimedia products under the legislation of the Russian Federation	41
<i>Marina V. Alekseeva, Yulia I. Isakova</i>	
The specifics of public administration development in the context of modern digital transformation.....	50
DIGITALIZATION OF THE ELECTORAL PROCESS: PROSPECTS AND RISKS	59
<i>Svetlana V. Petrova</i>	
Constitutional and legal challenges of electoral digitalization: remote electronic voting in the focus of law	59
<i>Roman A. Alekseev</i>	
Novelties of Russian electoral legislation in the era of digitalization: problems and prospects of application.....	69
<i>Albina S. Lolaeva</i>	
The problems of public-law regulation of traditional institutions of democracy by E-technologies.....	79
<i>Natalia E. Shakurova</i>	
Organizational and legal support of the electoral process in Russia in the context of digitalization	88
PROBLEMS OF PROCEDURAL, CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	95
<i>Danil A. Koretsky</i>	
Jurisprudence: "scissors" between theory and practice.....	95
<i>Valeria I. Krupnitskaya</i>	
Admissibility of evidence and "other" violations of the criminal procedure law	104
<i>Svetlana I. Kuzina, Marina O. Pukhkalova, Anna V. Tsykora</i>	
Fraud in the digital space and its features	112
<i>Ekaterina A. Miroshnichenko, Irina I. Korolenko, Evgeny A. Palamarchuk</i>	
On the issue of the organization of medical care for persons serving forced labor in correctional centers....	125
<i>Vladislav N. Zaitsev</i>	
Assessment of the effectiveness of the investigative units at the district level: from the complexity of the criminal case to the timing of its investigation	132
<i>Darya S. Isakova, Natalia A. Vasilenko, Yulia V. Goncharova</i>	
Free legal aid in the penitentiary system: development prospects.....	142
<i>Aleksander S. Dvoryaninov</i>	
Use and development of high unformation technologies in criminal procedure of foreign Asian states: Singapore, Kazakhstan, People's Republic of China.....	149
PERSONALITIES.....	157
<i>Dzhambulat Kh. Saidumov</i>	
Contribution of professor Sh. B. Magomedov to the development of national jurisprudence	157
SCIENTIFIC LIFE.....	167
ANNIVERSARY DATES.....	172
Life in science and for science (for the Anniversary of P. P. Baranov).....	172
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES.....	174

Научная статья

УДК 340

EDN [ACQPLH](#)

Теория правового государства в юридическом наследии Ивана Александровича Ильина

Анастасия Васильевна Савченко¹, Геннадий Святославович Працко²

^{1,2}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

¹n.cavchenko.98@yandex.ru

²dasha_sam94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7875-0085>

Аннотация

Введение. Работы И. А. Ильина представляют большой исследовательский интерес, поскольку правосознание являлось основной темой в философии мыслителя, но большой пласт материала изучен далеко не до конца. И. А. Ильин затрагивал темы морали, нравственности, политики, государственного устройства. Идеи, выдвигаемые им, отличались осмысленностью, пониманием основ жизни своей страны, хотя им также присуща некая идеализация. Творчество философа, а также идеи, высказываемые им на разных этапах своего профессионального пути, неоднозначно оценивались как современниками, так и поздними исследователями его взглядов.

Цель. Рассмотреть историческое наследие русского философа-правоведа И. А. Ильина в контексте развития России как правового государства. Авторы поставили своей задачей (как конкретизацией общей цели) выделить наиболее интересные и основоположные идеи философа, которые обозначают роль права в российской государственности, формируют пути развития страны, продолжая оставаться актуальными для изучения и рассмотрения современной юридической системой. Задачи авторов – показать, как, с точки зрения И. А. Ильина, должно работать право в государственном устройстве, на что должно опираться в своем развитии. Государство не может являться правовым, если нормы права в нем искажены. Вопрос о том, как именно Россия может достичь новых высот развития своей государственности, который так глубоко изучал И. А. Ильин, остается очень интересным для современных исследователей, которые и сегодня разнятся в оценке его трудов.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучный и частнонаучный методологический инструментарий: историко-правовой метод, системный анализ, диалектический метод, метод актуализации, социологический и сравнительно-правовой методы. В статье также использованы описание и обобщение по теме исследования.

Результаты. Выделены наиболее важные аспекты философского наследия И. А. Ильина, которые, по мнению авторов, до сих пор остаются актуальными при изучении российской правовой системы в целом. Дано авторское понимание правовых мыслей в работах философа, которые и сегодня можно использовать в построении и в усовершенствовании современного правового общества нашего государства.

Выводы. В статье обосновывается, что становление России полноценным правовым государством (как с точки зрения И. А. Ильина, так и с точки зрения современных реалий) – это не единовременный процесс отдельных систем, это глубокая полноценная проработка всех сфер

человеческой жизни, иногда – ее полная трансформация, которая может длиться годами. Современная правовая система России не может существовать и развиваться, не оглядываясь и не опираясь на свое историческое наследие, которое оказало глубокое влияние на формирование современного образа права в нашей стране. И. А. Ильин в своем, пусть и противоречивом для многих исследователей, творчестве обосновал философско-методологические основы путей развития России как правового государства, основанных на идее национального самосознания, самоидентичности и уникальности русского народа.

Ключевые слова: наследие, правосознание, юриспруденция, право, ценности, государство, нравственность, ответственность, свобода, правовая система, духовность, народ

Для цитирования: Савченко А. В., Працко Г. С. Теория правового государства в юридическом наследии Ивана Александровича Ильина // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 9–18. EDN [ACQPLH](#)

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

The theory of the rule of law in the legal legacy of Ivan Alexandrovich Ilyin

Anastasia V. Savchenko¹, Gennady S. Pratsko²

^{1,2}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

¹n.cavchenko.98@yandex.ru

²dasha_sam94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7875-0085>

Abstract.

Introduction. I.A. Ilyin's works are of great research interest, since legal awareness was the main topic in the thinker's philosophy, but a large amount of material has not been fully studied. I.A. Ilyin touched on the topics of morality, morality, politics, and the state structure. The ideas he put forward were distinguished by their meaningfulness and understanding of the foundations of his country's life, although they also had a certain idealization. The philosopher's work, as well as the ideas expressed by him at different stages of his professional career, were ambiguously evaluated by both contemporaries and later researchers of his views.

Purpose. To examine the historical legacy of the Russian philosopher and legal scholar I.A. Ilyin in the context of the development of Russia as a state governed by the rule of law. The author set himself the task (as a concretization of the general goal) of highlighting the most interesting and fundamental ideas of the philosopher, which designate the role of law in Russian statehood, form the paths of development of the country, continuing to remain relevant for study and consideration by the modern legal system. The works of I.A. Ilyin present significant research interest as legal consciousness was a central theme in the philosophy of the thinker; however, a substantial body of material has not yet been fully explored. I.A. Ilyin addressed topics such as morality, ethics, politics, and state structure. The ideas he put forward were distinguished by their meaningfulness, understanding of the foundations of his country's life, although they also had a certain idealization. The author's task in this article is to show how, from I.A. Ilyin's point of view, law should work in a state structure, what it should rely on in its development. A state cannot be legal if the rules of law in it are distorted. The question of how exactly Russia can reach new heights of development of its statehood, which I.A. Ilyin studied so deeply, remains very interesting for modern researchers, who even today differ in their assessment of his works.

Methods. The methodological framework of the research comprises both general scientific and specific scientific methodological tools: historical-legal method, systematic analysis, dialectical method, method of actualization, sociological and comparative-legal methods. Additionally, description and generalization on the subject of research were employed in the article.

Results. The article identifies the most significant aspects of I.A. Ilyin's philosophical heritage that, in the author's view, remain relevant in the study of the Russian legal system as a whole. An author's interpretation of the legal ideas in the philosopher's works is provided, which can still be utilized in building and refining the modern legal society of our state.

Conclusions. The article substantiates that the formation of Russia as a full-fledged legal state (both from the point of view of I.A. Ilyin and from the point of view of modern realities) is not a one-time process of individual systems, it is a deep, full-fledged elaboration of all spheres of human life, sometimes its complete transformation, which can last for years. Contemporary legal system of Russia cannot exist and develop without looking back on and relying on its historical heritage, which has had a profound impact on the formation of the modern image of law in our country. In his work, I.A. Ilyin substantiated the philosophical and methodological foundations for the paths of development of Russia as a legal state, based on the idea of national self-awareness, self-identity, and the uniqueness of the Russian people.

Keywords: heritage, legal consciousness, jurisprudence, law, values, state, morality, responsibility, freedom, legal system, spirituality, people

For citation: Savchenko A. V., Pratsko G. S. The theory of the rule of law in the legal legacy of Ivan Alexandrovich Ilyin. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):9–18. (In Russ.). EDN [ACQPLH](#)

Введение

Иван Александрович Ильин остается выдающимся российским философом, правоведом и мыслителем, чье наследие продолжает оказывать влияние на правовую и политическую мысль. Его работы охватывают широкий круг тем, включая право, мораль, государственность и развитие российского общества. Творчество философа, а также идеи, высказываемые им на разных этапах своего профессионального пути, неоднозначно оценивались как современниками, так и поздними исследователями его взглядов.

С одной стороны, философ вошел в российскую историю как вдохновитель возвышенной русской идеи, возведенной на основе политических и юридических норм, ценностей и прав. Можно по-разному воспринимать мысли философа, но его наследие имеет огромное значения для современников именно теми идеями, что не имеют временных рамок для их реализации, могут использоваться на благо России в любой этап ее развития. И. А. Ильин основу для построения описанного правового государства искал именно в русском народе, в идеях познания особенностей народа, который является базисом всего государства на любом историческом этапе [1–2].

С другой стороны, в вину философу ставят его высказывания в поддержку фашизма, и это остается предметом острой критики и является серьезным препятствием для полного принятия его философского наследия. В таком режиме философ видел силу, способную противостоять большевизму – именно его он считал главной угрозой для России и Европы¹. И. А. Ильина привлекала идея сильного государства, способного навести порядок и восстановить традиционные ценности. Он надеялся, что опыт фашистских режимов может быть полезен для будущего возрождения России. Однако, по мере того, как становилась очевидной преступная сущность нацизма, философ пересмотрел свои взгляды и не раз отмечал опасность тоталитарного подавления личности. В своих более поздних работах И. А. Ильин критиковал тоталитарные режимы и подчеркивал важность свободы и достоинства человека. Он никогда не был членом нацистской или фашистской партии и не поддерживал их преступных действий. Его интерес к этим режимам был обусловлен прежде всего стремлением найти эффективные способы борьбы с большевизмом [3]. Почему?

И. А. Ильин был, прежде всего, убежденным монархистом. Он считал монархию наилучшей формой правления, способной обеспечить единство, порядок и справедливость в государстве. В его понимании, идеальный монарх – это не самовластный деспот, а слуга Божий, призванный осуществлять высшую справедливость и заботиться о благе народа. Монархия, по теории И. А. Ильина, должна быть основана не на насилии и принуждении, а на авторитете, традиции и нравственных принципах. Философ мечтал о восстановлении монархии в России, но при условии духовного преображения общества и формирования ответственного правосознания граждан. Существует даже концепция «православной монархии», в которой православная вера играет ключевую роль в формировании нравственных основ государства [4].

¹ Лисица Ю. Ильин предостерегал Россию. // электронный ресурс. Дата обращения 12.05.2024. URL <https://omiliya.org/article/yurii-lisitsa-ilin-predosteregal-rossiyu.html>

Патриотизм – та основа, которая лежит в основе творчества философа. И. А. Ильин, будучи истинным патриотом своей Родины, жаждал ее выхода из кризиса, восстановления и расцвета, основываясь на укоренившемся в политической системе выведенного юридического нарратива через призму духовности и самобытных основ русского духа. Сегодня наша страна нуждается в тех столпах, основах, на которые можно опираться и развиваться как правовое, духовное государство, основываясь на принципах закона и права, именно поэтому современникам необходимо обратить внимание на те идеи и взгляды, которые уже вывел для этого пути И. А. Ильин, ведь он искренне хотел того же самого для России. Объективное рассмотрение наследия И. А. Ильина может открыть для современного развития верные ориентиры, более четкое понимание особенностей нашей страны, заложить ценностный правильный фундамент дальнейшего развития России как правового государства.

Объемное наследие философа, которое лишь недавно структурировали и сгруппировали по областям исследования, носило разрозненный характер и не имело основной концепции, однако те тезисы, которые вложил автор в свои труды и сегодня остаются интересными и спорными для правовой и юридической мысли России.

Теоретические основы

Как упоминалось выше, пласт идей философа крайне разнообразен, однако в итоговую концепцию эти мысли не были выведены. Если говорить о правовом наследии И.А. Ильина, то его можно разделить на несколько ключевых направлений.

Концепция права и государства – основополагающая тема профессионального исследования философа. И. А. Ильин рассматривал право как выражение высшей справедливости и морального закона. Право не может существовать вне моральной основы. Оно должно защищать личность и обеспечивать ее свободу, а государство должно быть моральным институтом, существующим для служения людям. Разочаровавшись в тоталитарных режимах, И. А. Ильин в своей критике подчеркивал, считая, что такая форма правления угнетает личные права и свободы, поэтому так активно выступал против революции 1917 года, видя в ней крах всей государственности для России.

Концепция государства и права базировалась на знаменитых аксиомах правосознания, выведенных философом. Напомним их: закон автономии, закон духовного достоинства и закон взаимного признания. *Закон автономии* утверждает, что каждый человек обладает внутренней свободой и ответственностью за свои поступки, поскольку человек – это не просто биологическое существо, а духовная личность, способная к самоопределению и самостоятельному выбору между добром и злом. Государство и общество не должны подавлять эту внутреннюю свободу, а, наоборот, обязаны создавать условия для ее развития. Автономия личности является основой для формирования правового государства и гражданского общества. Это означает, что право не должно навязываться извне, а должно исходить из самой личности, из ее свободного признания нравственных норм. *Закон духовного достоинства* провозглашает безусловную ценность каждой человеческой личности. Философ считал, что каждый человек, независимо от своего социального статуса, национальности, вероисповедания и других внешних характеристик, обладает врожденным духовным достоинством, которое должно быть уважаемо всеми. Государство, в свою очередь, должно защищать духовное достоинство своих граждан, гарантируя им основные права и свободы. *Закон взаимного признания* объединяет два предыдущих и подчеркивает, что гармоничное общественное устройство возможно только на основе взаимного признания автономии и духовного достоинства всех членов общества. Правосознание должно быть основано не на принуждении и насилии, а на добровольном согласии и сотрудничестве. Каждый человек признает право других людей на свободу и достоинство, а также принимает на себя ответственность за свои поступки перед другими людьми и перед обществом в целом. Этот закон является основой для формирования правовой культуры и развития гражданского общества. Эти три закона взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга [5–14].

Основные аспекты концепции права и государства И. А. Ильина актуальны и сегодня. В чем основа? Ее следует искать в обосновании права как проявление нравственного порядка. Это не просто набор норм и правил, это – отражение глубинного нравственного порядка. Право должно строить фундамент на нравственных ценностях и служить высокому идеалу справедливости. Природа права имеет духовную природу и связывается с идеей о Боге и вечных истинах, что делает его вечным и неизменным.

Государство же должно рассматриваться как инструмент общественного порядка для поддержания справедливости в обществе. Такое государство, в основе которого лежит правовое начало, сможет воспитать граждан в рамках добродетели и морали. И здесь нет вседозволенности, государство тоже должно быть ограничено в своих полномочиях, но ориентировано на благо своих граждан. И. А. Ильин выступал против произвола диктатуры и тирании, подчеркивая важность защиты индивидуальных прав и свобод. Политики и люди, управляющие государством, должны соответствовать высокой степени доверия и искренне служить на благо народа: «... тот, кто облечен властью, имеет священную обязанность поддерживать уважение к ней. «Престиж» власти и «авторитет» власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу» [8, с. 381–382].

Идеалы либерального национализма – еще одна мысль политического наследия философа. Здесь речь идет об идее национального единства и самоуправления в сочетании их с либеральными принципами. Государство, основанное на таких принципах, будет сильным, справедливым и будет поддерживать дух гражданственности. В основе его идеи национализма лежал патриотизм как важная составляющая общественной жизни. Философ вообще писал, что патриотизм должен исходить из собственного историко-культурного наследия, поэтому и право, и государство должны брать его в расчет за константу. Универсальные права должны адаптироваться к специфическим условиям жизни и менталитету народа. Фактически, эта мысль об исторической и культурной обусловленности права способствовала его критике утопических и однообразных моделей права и государственного управления. В рамках таких моделей управления невозможна настоящая свобода индивида, ведь истинная свобода существует лишь в условиях нравственности, когда индивид осознает свои обязанности перед обществом и другими людьми. Свобода для И. А. Ильина связана не только с правами, но и с ответственностью. Индивидуальная свобода должна сочетаться с социальным долгом и служением общему благу. В правовом принуждении утопического государственного управления это становится невозможным. В таких условиях теряется и такой важный аспект в философии мыслителя, как понятие социальной справедливости. Именно она является ключевым аспектом функционирования государства и права. Поэтому нет ничего удивительного, что И. А. Ильин одним из первых мыслителей осудил тоталитарные режимы и описал их негативные последствия для общества и человека. Критикуя тоталитаризм, он подчеркивал, что такие режимы нарушают естественные права человека и разрушают моральные основы общества. Государство должно быть ограниченным и не вмешиваться в личные дела граждан без необходимости, подчеркивал философ [6].

Концепция права и государства И. А. Ильина является важным вкладом в развитие русской философской и правовой мысли. Его идеи о нравственном праве, ответственности, социальной справедливости и необходимости учета культурной специфики сохраняют свою актуальность и в современном дискурсе о праве и государстве. Право и государство должны служить человеку, обеспечивая его свободу, безопасность в сочетании с нравственными обязательствами перед обществом.

Продолжая рассматривать правовое наследие философа, нельзя не коснуться такого важного пункта, как исследование корней правовой системы, поскольку И. А. Ильин уделял внимание историческим и культурным корням русского права. Между правом и исторической традицией народа есть прочная связь: правоспособность и правосознание формируются под влиянием культурных и духовных факторов, таких как религия и моральные принципы.

И здесь нельзя не коснуться самой идеи права, которое И. А. Ильин рассматривал как неотъемлемую часть духовной жизни общества. Право – это не просто система норм и правил, а проявление высших моральных и этических принципов. Право должно служить основой социальной гармонии и справедливости. Именно поэтому право не может существовать автономно, отрываясь от моральных и этических оснований. Есть некое единство права и морали, а правовая система должна опираться на дух народа, его культурные традиции и ценности. И в этом заключены духовные корни правовой системы.

Центральное же место в его работах занимала категория естественного права – высший порядок, основанный на природе человека и его стремлении к истине, добру и справедливости. Именно правовая система должна отражать этот естественный порядок, обеспечивая тем самым защиту личной свободы и достоинства [12].

Такое государство является правовым государством, в нем есть верховенство закона, и его применение обеспечивает защиту прав и свобод граждан. Гарантией справедливости и порядка в нем является суд. Но ни одно государство не может существовать вне своего народа. Народ – это носитель правовой культуры, и именно на его основе должна строиться правовая жизнь. Для этого право и существует – выражать волю народа и служить его интересам. Но, как уже подчеркивалось выше, философ прописал определение ответственности как важный элемент правовой системы. Каждый человек должен осознавать свою ответственность за свои действия – как перед обществом, так и перед собой. Это понимание ответственности формирует правосознание и правовую культуру общества.

Вообще, с точки зрения философа, многие правовые традиции и институты имеют глубокие корни и должны быть бережно сохраняться и адаптироваться к современным условиям. Это глубокое философское осмысление правовой системы и её корней, его идеи о единстве права и морали, значимости естественного права и роли народа в творении права остаются актуальными и в современном правоведении, подчеркивая важность духовных и культурных основ правовой системы в контексте современных вызовов и изменений.

Еще одна тема, актуальная для современников и подробно рассматриваемая в работах И. А. Ильина, – это личность и право. Человек является центром правовой системы, поэтому индивидуальные права и свободы должны стоять на первом месте, именно они создают основную ценность общества. Права человека должны охраняться законом и любое законодательство должно быть направлено на защиту достоинства личности. А что такое личность в понимании философа? В чем ее ценность? Личность – основа для построения правового государства. Это не просто индивидуум, это – носитель высших моральных и духовных ценностей, обладающая внутренней свободой и ответственностью, что делает её основной единицей общества. Достоинство личности не подлежит ни дискуссии, ни оспариванию. Оно представляет собой базис, на котором строится вся правовая система. Личность имеет право на защиту своего достоинства как от государства, так и от общества. Моральные принципы личности должны учитываться правом, поскольку закон без морали теряет свою силу и значение.

Именно право, как выражение общей воли, призвано защитить личность и ее свободу. Для этого оно должно основываться на естественных принципах, которые отвечают требованиям разума и нравственности. На этих принципах философ и охарактеризовал само естественное право – основу для создания и функционирования позитивного права. Те законы, которые противоречат естественному праву, должны быть признаны недействительными.

Собственно, право и свобода неразрывно связаны. Только благодаря праву личность реализовывает свою свободу. Концепция права И. А. Ильина направлена на защиту свободной и ответственной личности в обществе. Но только в гражданском обществе личность может проявить свою свободу и творческий потенциал. В рамках гражданского общества складываются естественные социальные связи и отношения. Личность, общество и государство – суть одно в правовом поле. Государство служит интересам личности и защищает её права.

Основа любого права – это сформированное правосознание. Именно оно формирует правопорядок и жизнь общества в целом: «Жить – значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни» [8, с. 155]. Правосознание должно быть основано на высоких моральных ценностях и поделено между всеми членами общества. Без соответствующего правосознания законы могут потерять свой смысл. Это очень важный момент в изучении правового наследия И.А. Ильина – исследование взаимосвязей между личностью, правом и государством. Только в свободном обществе, где уважаются права личности, возможно стремление к справедливости и благосостоянию. Эти идеи остаются для современных исследований в области права и философии чрезвычайно актуальными [13].

Основываясь на озвученных позициях, философ передал исследователям и свою критику позитивизма. Юридический позитивизм делал акцент на формальных аспектах права, часто игнорируя моральные и этические аспекты. И.А. Ильин не соглашался с тем мнением, что право – это лишь система норм, без учета высших ценностей. Отделение права от морали ведет к деградации правовой системы, считал философ. Этика должна учитываться в правовой системе, чтобы избежать произвола и несправедливости.

Сама критика была многоаспектной и охватывала как методологические, так и философские стороны. Например, в вину этому направлению вменялось отрицание метафизики, а отвергая метафизику и трансцендентные идеи ограничивается понимание человеческого существования. Метафизические вопросы о смысле жизни, морали и духе являются необходимыми для полноценного понимания человеческого опыта. Позитивизм, с его *emphasis* на эмпирическом исследовании, игнорирует эти важные аспекты. Или, например, позитивизм часто сводит сложные социальные и культурные явления к простым природным закономерностям. Такой редукционистский подход приводит к обеднению человеческой жизни и культуры, а человеческие отношения и мораль нельзя свести к простым научным законам, такие попытки игнорируют богатство человеческого опыта. Еще один аспект критики – отсутствие этической базы. Позитивизм часто избегает вопросов о добре и зле, преподнося их как относительные и субъективные. Философ же считал, что моральные нормы имеют объективные корни и должны основываться на более глубоком понимании человеческой природы и духа. Вообще, позитивизм, возникший в контексте научной революции XIX века, игнорирует историческую и культурную специфику. Философские концепции и социальные процессы нельзя понимать вне их исторической среды. Позитивистское стремление к универсальным истинам лишь упрощает и искажает историческую реальность.

Отдельная критика юридического позитивизма, ярко проходившая в его творчестве, касалась человека как духовного существа. Человек – это не просто разумное или социальное существо, но также и духовное. Философ, будучи глубоко набожным и верующим человеком, считал, что позитивизм не может объяснить этот аспект человеческой жизни, игнорируя внутренний мир и стремления человека к высшим идеалам [10, с. 68]. Он так же не в состоянии внятно объяснить, соответственно, природу власти и общественных институтов. Социальные и политические процессы требуют более глубокого философского анализа, чем просто механистическое рассмотрение.

Фактически, критика позитивизма в работах И.А. Ильина объясняется его стремлением к более полному и глубокому пониманию человеческой природы, социальной жизни и духовных измерений, основанном на философских и метафизических принципах [9, с. 475-476]. Его идеи подчеркивают необходимость интеграции науки с гуманитарными и этическими аспектами, что, по его мнению, является ключом к более полному пониманию мира и человека.

Говоря о правовом наследии И. А. Ильина, нельзя не затронуть тему демократии в правовом государстве. Демократия рассматривалась им как форма управления, в которой выражается воля народа, но при этом в ней содержится и позитивная духовная основа для демократических процессов. Без высокой моральной культуры и ответственности гражданская свобода может привести к анархии. Его взгляды на эти темы стали особенно актуальными в контексте исторических изменений, происходивших в России в первой половине XX века. В чем же сущность демократии? Это не просто механическое устройство для управления обществом, а особая форма жизни, основанная на духовных и моральных ценностях. Демократия предполагает активное участие граждан в публичной жизни, но это участие должно быть основано на высоком уровне ответственности и самосознания. В демократическом обществе ключевую роль играет личность, каждый гражданин должен осознавать свою ответственность, обладать нравственными качествами и стремиться к самосовершенствованию. Демократия без высоких ценностей и идеалов может привести к хаосу и деспотизму. И философ отмечал, что русский народ, к сожалению, не понимает суть демократии: «Русские люди понимают демократию как систему угождения темной массе; как систему управления, основанную на лести и потакании; как систему уговаривающего безвластия; как словесный турнир партий, подкупающих темную массу неосуществимыми и противогосударственными посулами. Вот почему демократия превратилась у нас в систему подкупа...» [7, с. 356-357]. Как это отлично характеризует нашу современность, которая продолжает подчеркивать важность тех исследований философа, что были сделаны когда-то, которые сегодня могут помочь нам изменить ситуацию. Истинная демократия должна сочетать элементы народного участия с вопросами права и этики, а чрезмерный акцент на социологические аспекты демократии, может приводить к популизму и манипуляциям [15, с. 28-39].

Краеугольный камень истинной демократии – правовое государство (или «правовая система»). В таком государстве существуют четкие нормы и принципы, которые защищают права и свободы граждан. В таком государстве сохраняется независимость судебной власти. Только независимый суд

может обеспечить справедливое разрешение споров и защиту прав личности от произвола. Помимо этого, можно говорить о некоей гармонии между правами и обязанностями, поскольку в таком государстве права граждан должны сочетаться с их обязанностями. Сама свобода успешна только в том случае, если она не нарушает свободу других. Эта идея о взаимозависимости прав и обязанностей стала центральной в его разработках по правовому порядку. Все правовые нормы государства должны основываться не только на светских принципах, но и на духовных и моральных основах. Философ видел в праве выражение вечных истин, которые помогают управлять обществом и поддерживать его стабильность. Через объяснение демократических принципов в правовом государстве И.А. Ильина пытался осмыслить роль личности, ценностей и нравственности в политической жизни. Его подходы к демократии и праву отражают стремление к созданию общества, основанного на высочайших моральных принципах, где свобода и ответственность идут рука об руку, что делает его работы особенно актуальными и по сей день.

Обсуждение

Интеграция основ правосознания И.А. Ильина в современное право и юридическую науку – вопрос сложный и неоднозначный. Прямого, формального включения его идей в учебники по юриспруденции не произошло. Однако его философия права оказывает определенное, хотя и косвенное, влияние на современное правовое мышление, особенно в постсоветском пространстве. В чем именно? Например, в возрождении интереса к естественному праву. Как известно, И.А. Ильин оставался убежденным сторонником идеи естественного права, которое предшествует позитивному и основано на нравственных принципах. В современной юридической науке, особенно после смены тоталитарной идеологии, наблюдается возвращение интереса к естественно-правовой доктрине, к поиску нравственных оснований права. Поэтому интерес к работам философа вновь стал активным. Также можно выделить аспект нравственного измерения права. У современных юристов, которые подчеркивают важность этических аспектов правоприменения и правотворчества прослеживается критика формализма и позитивизма в праве, убеждение в неразрывной связи права и нравственности, которые отстаивал И.А. Ильин. Можно проследить и взаимосвязь с наследием И.А. Ильина в вопросе внимания к проблеме правовой культуры, которой философ уделял большое внимание и которая основана для него на внутреннем правосознании, уважении к праву и справедливости. Помимо этого стоит обозначить и такие факторы, как критику тоталитаризма и защиту прав личности в философии И.А. Ильина, которые созвучны современным демократическим ценностям и находят отражение в правозащитном движении.

Безусловно, в самих взглядах философа достаточно сложных аспектов восприятия. Здесь и очень религиозный характер его философии, поскольку убеждения И.А. Ильина глубоко укоренены в религиозном мировоззрении, что затрудняет их прямое применение в светском правовом дискурсе [16, с. 189]. Также – консерватизм некоторых его взглядов, например, в области государственного устройства, может восприниматься как закосневший и не вполне соответствующий современным демократическим принципам. Сильно усложняет исследование философии И.А. Ильина отсутствие системного изложения юридических взглядов, поскольку философ не был юристом, и его философия права не представляет собой готовой системы юридических понятий и конструкций. Можно сказать, что влияние взглядов И.А. Ильина на современное право и юридическую науку носит скорее косвенный характер, проявляясь в отдельных аспектах правового мышления. Его идеи стимулируют размышления о нравственных основаниях права, о связи права и свободы, о важности правовой культуры, но не являются непосредственно интегрированными в юридическую теорию и практику.

Критиков у И.А. Ильина оставалось много и при жизни. Либералы и демократы ставили ему в вину антидемократические взгляды, поддержку авторитаризма и монархии, а также – неприятие либеральных ценностей, таких как свобода слова и плюрализм мнений. Советская философия и историография рассматривали философа как реакционного мыслителя и идеолога контрреволюции. Некоторые представители экзистенциализма, например, Н.А. Бердяев, критиковали И.А. Ильина за излишний рационализм и недостаточное внимание к экзистенциальным проблемам человеческого существования. Н.А. Бердяев, в частности, обвинял его в «онтологической слепоте» и непонимании трагедии человеческой свободы. Его взгляды подвергались критике и со стороны некоторых представителей православного богословия. Например, протоиерей Сергей Булгаков критиковал философа

за недостаточно глубокое понимание православной догматики и за увлечение политическими идеями [11, с. 654]. Многие критики сходились на том, что признавали его талант писателя и глубину его религиозно-философских размышлений, но отделяли их от спорных политических взглядов, хотя это все остается взаимосвязанным для глубинного понимания философских взглядов И.А. Ильина.

Заключение

Работы И.А. Ильина оказали заметное влияние на последующее развитие философии права и политической теории. Его взгляды были важны для формирования концепций правовой державы и социального государства. Многие его идеи нашли отражение в современных подходах к праву, правам человека и гражданскому обществу. Правовое наследие И.А. Ильина включает в себе глубокое взаимодействие права, морали и духовности. В юридическую теорию он привнес идеи о важности личности, культурных традиций и исторической памяти [17]. Его работы остаются актуальными для изучения современными юристами, философами и общественными деятелями, стремящимися понять и развивать концепции справедливости, свободы и правового государства.

Список источников

1. Працко Г.С. Философия права: учебник. М: РИОР, 2021. 424 с.
2. Философия права: Учебное пособие. М.: Стаут, 2018.
3. Климов Е. Воспоминания о профессоре И. А. Ильине // Русское возрождение. 1983. № 23 (III).
4. Працко Г.С. Порядок общества: генезис образа и концепта в политико-правовой теории. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 320 с.
5. Иванов С. А. История отечественного государства и права. М.: Юрайт, 2023. 181 с.
6. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 2. 616 с.
7. Ильин И. А. О патриотизме // Собр. соч.: Справедливость или равенство? / Сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 2006.
8. Ильин И. А. О сущности правосознания / Ильин И. А. Собр. соч. В 10 томах. Т. 4 / Сост. и комм. Ю. Т. Лисицы. М., 1994.
9. Ильин И. А. Учение Гегеля о реальности и всеобщности мысли // Вопросы философии и психологии. М., 1914. – № 25, кн. 123 (3). – С. 413–476.
10. Евлампиев И. И. Драма говорящего духа: Бог и человек в философии И. Ильина // Ступени: философский журнал. 1992. №3(6). С. 66–89.
11. Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б. История отечественной философии XI–XX веков. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 830 с.
12. Конюхова И. А. История государственного и конституционного права России. М.: Юрайт, 2024. 334 с.
13. Манакова Л.К. Правосознание как творческая воля к цели права (на основе концепции правосознания И.А. Ильина) // Ленинградский юридический журнал. 2018. №1(51).
14. Никодимов И. Ю. История государства и права России. Учебное пособие для магистров. М.: Дашков и Ко. 2018. 338 с.
15. Хрестоматия по истории отечественного государства и права / Под ред. О. И. Чистякова, Г. А. Кутыгина. М.: Юрайт, 2024. 521 с.
16. Антонов М. В. История правовой мысли России. М.: Юрайт, 2023. 184 с.
17. Полторацкий Н. К 30-летию со дня смерти И.А. Ильина // Русское возрождение. 1984. № 27–28.

References

1. Pratsko G.S. *Philosophy of law: textbook*. Moscow: RIOR; 2021. 424 p. (In Russ.)
2. *Philosophy of law: A textbook*. Moscow: Stout; 2018. (In Russ.)
3. Klimov E. *Memoirs of Professor I. A. Ilyin. Russian Renaissance*. 1983;23 (III). (In Russ.)
4. Pratsko G.S. *The order of society: the genesis of image and concept in political and legal theory*. Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov State University; 2004. 320 p. (In Russ.)
5. Ivanov S. A. *The history of the national state and law*. Moscow: Yurayt; 2023. 181 p. (In Russ.)

6. Ilyin I.A. *Our tasks. The historical fate and future of Russia. Articles of 1948-1954*. Moscow: MP "Papir"; 1992. Vol. 2. 616 p. (In Russ.)
7. Ilyin I. A. On patriotism. In: *Collected works: Justice or equality?* Comp. and comm. Yu. T. Lisitsy. Moscow; 2006. (In Russ.)
8. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. In: *Ilyin I. A. Collected works. In 10 volumes. Vol. 4*. Comp. and commentary by Yu. T. Lisitsy. Moscow; 1994. (In Russ.)
9. Ilyin I. A. Hegel's doctrine of reality and universality of thought. *Questions of philosophy and psychology*. Moscow; 1914. – No. 25, book 123 (3):413–476. (In Russ.)
10. Evlampiev I. I. Drama of the speaking spirit: God and man in I. Ilyin's philosophy. *Steps: philosophical journal*. 1992;3(6):66–89. (In Russ.)
11. Yemelyanov B. V., Ionaitis O. B. *The history of Russian philosophy of the XI-XX centuries*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2015. 830 p. (In Russ.)
12. Konyukhova I. A. *History of State and Constitutional law of Russia*. Moscow: Yurayt; 2024. 334 p. (In Russ.)
13. Manakova L.K. Legal consciousness as a creative will to the goal of law (based on the concept of legal consciousness by I.A. Ilyin). *Leningrad Law Journal*. 2018;1(51). (In Russ.)
14. Nikodimov I. Y. *History of the State and Law of Russia*. Textbook for masters. Moscow: Dashkov and Co., 2018. 338 p. (In Russ.)
15. *A textbook on the history of the Russian state and law*. Edited by O. I. Chistyakov, G. A. Kutin. Moscow: Yurait; 2024. 521 p. (In Russ.)
16. Antonov M. V. *The history of the legal thought of Russia*. Moscow: Yurayt; 2023. 184 p. (In Russ.)
17. Poltoratsky N. On the 30th anniversary of the death of I.A. Ilyin. *Russian Renaissance*. 1984; 27–28. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Савченко – аспирант ДГТУ.

Г. С. Працко – докт. филос. наук, докт. юрид. наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права ДГТУ; зав. кафедрой гражданского права и процесса РГУПС.

Information about the authors

A. V. Savchenko – Postgraduate Student of the Don State Technical University.

G. S. Pratsko – Dr. Sci. (Philos), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University; Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Rostov State Transport University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 14.05.2025.

Сергей Андреевич Котляревский о теории конституционного государства в контексте политической морфологии

Леонид Владимирович Акопов¹, Игорь Александрович Сизько²

^{1,2}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Леонид Владимирович Акопов, norin.gospravo@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

Аннотация

Введение. Видный российский историк, правовед и политик в одном лице, многолетний профессор Московского университета – С. А. Котляревский, родившийся в 1873 г. и безвинно расстрелянный в 1939 г., внес выдающийся вклад в обоснование политической морфологии конституционного государства, написал ряд знаковых трудов о критериях правовой государственности, юридической кратологии, истории и теории политико-правовых учений.

Цель. Обоснование необходимости более глубокого и аутентичного анализа научных достижений С. А. Котляревского, освоение апробированной им оригинальной методологии исследования трансформаций конституционных государств в контексте его опыта политико-морфологического обзора.

Теоретические основы. В статье проанализирован крупный вклад в развитие политико-правовой теории конституционного государства и его морфологии, который был внесен в российскую правовую науку известным российским ученым конца XIX – первой половины XX века профессором С. А. Котляревским. Подробно рассмотрена его монография «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора» во взаимосвязи с некоторыми другими его исследованиями. Авторы обращают пристальное внимание на допущенные неточные суждения и выводы отдельных современных российских диссертантов в оценке тех или иных положений и обобщений С. А. Котляревского, а также недостаточное освещение его важнейших оригинальных текстов и резюме о различных исторически сформировавшихся политических режимах. Упускаются из виду и другие немаловажные достижения С. А. Котляревского в компаративно-правовом анализе исторических источников и концепций теории государства и права.

Результаты и выводы. Представлена критическая оценка некоторых не вполне корректных и приписываемых С. А. Котляревскому суждений современных авторов. Высказаны необходимые аргументы в защиту подлинного содержания научных выводов и теоретических достижений этого российского энциклопедиста. Обоснованы авторские взгляды на роль и значение ключевых концептуальных положений правовых работ С. А. Котляревского и сохраняющих свою актуальность его научных выводов и методологии анализа властеотношений в государствах различных форм. В заключительной части статьи презюмирован вывод о необходимости создания фундаментального монографического исследования о научных достижениях С. А. Котляревского.

Ключевые слова: конституция, конституционное государство, политическая морфология, правовое государство, теория государства, народовластие, формы правления, публичная власть, формы государства, политические режимы, суверенитет государства, права и свободы, представительные органы, глава государства, демократия, парламенты, законодательство, распределение власти, общество, граждане, народ, свободное развитие личности, нравственные устои, непосредственная демократия, федерализм, децентрализация власти, методы юридической науки, политическое право

Для цитирования: Акопов Л. В., Сизько И. А. Сергей Андреевич Котляревский о теории конституционного государства в контексте политической морфологии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 19–25. EDN AEAUIB

Sergey Andreevich Kotlyarevsky on the theory of the constitutional state in the context of political morphology

Leonid V. Akopov¹, Igor A. Sizko²

^{1,2}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Leonid V. Akopov, norin.gospravo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-7919>

Abstract

Introduction. A prominent Russian historian, jurist and politician in one person, a long-time professor at Moscow University, S. A. Kotlyarevsky, who was born in 1873 and innocently shot in 1939, made an outstanding contribution to the substantiation of the political morphology of the constitutional state, wrote a number of landmark works on the criteria of legal statehood, legal kratology, history and theory. political and legal doctrines.

Purpose. Substantiation of the need for a deeper and more authentic analysis of the scientific achievements of S.A. Kotlyarevsky, mastering the original methodology of the study of transformations of constitutional states tested by him in the context of his experience of political and morphological review.

Theoretical foundations. The article analyzes the major contribution to the development of the political and legal theory of the constitutional state and its morphology, which was made to Russian legal science by the famous Russian scientist of the late 19th – first half of the 20th century, Professor S.A. Kotlyarevsky. His monograph "The Constitutional State. The experience of a political-morphological review" in conjunction with some of his other studies. The authors pay close attention to the inaccurate judgments and conclusions of some modern Russian dissertators in assessing certain provisions and generalizations of S.A. Kotlyarevsky, as well as insufficient coverage of his most important original texts and summaries on various historically formed political regimes. Other important achievements of S.A. Kotlyarevsky in the corporate-legal analysis of historical sources and concepts of the theory of state and law are overlooked.

Results and conclusions. A critical assessment of some of the opinions of modern authors that are not entirely correct and attributed to S.A. Kotlyarevsky is presented. The necessary arguments are made in defense of the true content of the scientific conclusions and theoretical achievements of this Russian encyclopedist. The author's views on the role and significance of the key conceptual provisions of S.A. Kotlyarevsky's legal works and his scientific conclusions and methodology for analyzing power relations in states of various forms that remain relevant are substantiated. In the final part of the article, the conclusion is made about the need to create a fundamental monographic study on the scientific achievements of S.A. Kotlyarevsky.

Keywords: constitution, constitutional state, political morphology, rule of law, theory of the state, democracy, forms of government, public authority, forms of the state, political regimes, sovereignty of the state, rights and freedoms, representative bodies, head of state, parliaments, legislation, distribution of power, society, citizens, people, free personal development, moral principles, direct democracy, federalism, decentralization of power, methods of legal science, political law

For citation: Akopov L. V., Sizko I. A. Sergey Andreevich Kotlyarevsky on the theory of the constitutional state in the context of political morphology. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):19–25. (In Russ.). EDN [AEUIB](https://eindex.ru/EDN/AEUIB)

Введение

Видный российский историк, правовед и политик в одном лице, многолетний профессор Московского университета – С. А. Котляревский, родившийся в 1873-м году и безвинно расстрелянный в 1939 году, внес выдающийся вклад в обоснование политической морфологии конституционного государства, написал ряд знаковых трудов о критериях правовой государственности, юридической кратологии, истории и теории политико-правовых учений. Вместе с тем его подлинные заслуги в этих научных поисках современными авторами иногда принижаются и даже вовсе не упоминаются, о чем подробнее будет сказано далее.

В качестве **цели** статьи авторы ставят обоснование необходимости более глубокого и аутентичного анализа научных достижений С. А. Котляревского, освоение апробированной им оригинальной методологии исследования трансформаций конституционных государств в контексте его опыта политико-морфологического обзора.

Теоретические основы

В статье проанализирован крупный вклад в развитие политико-правовой теории конституционного государства и его морфологии, который был внесен в российскую правовую науку известным российским ученым конца XIX – первой половины XX века профессором С. А. Котляревским. Подробно рассмотрена его монография «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора» во взаимосвязи с некоторыми другими его исследованиями. Авторы обращают пристальное внимание на допущенные неточные суждения и выводы отдельных современных российских диссертантов в оценке тех или иных положений и обобщений С. А. Котляревского, а также недостаточное освещение его важнейших оригинальных текстов и резюме о различных исторически сформировавшихся политических режимах. Упускаются из виду и другие немаловажные достижения С. А. Котляревского в компаративно-правовом анализе исторических источников и концепций теории государства и права.

Результаты и обсуждение

Нельзя не отметить энциклопедически универсального характера научного творчества С. А. Котляревского, который после окончания историко-филологического факультета Императорского Московского университета (1897) и начала его преподавательской деятельности в качестве приват-доцента (1899) уже в 1904 году заслужил присвоения ему степени доктора всеобщей истории. Позднее после сдачи экстерном экзаменов на юридическом факультете университета и защиты магистерской диссертации на тему «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора» (1908) он также успешно защитил диссертацию на присвоение ему степени доктора государственного права по проблематике «Правовое государство и внешняя политика» (1909 – февраль 1910 года).

С начала XX века С. А. Котляревский активно включился в политическую деятельность в качестве члена Совета «Союза земцев-конституционалистов», а с 1905 года в ипостаси одного из учредителей и члена Центрального комитета Конституционно-демократической партии («кадетов»). В 1906 году он был избран от Саратовской губернии депутатом первой Государственной думы Российской империи, после разгона которой подписал так называемое «Выборгское воззвание», за что был наказан тремя месяцами тюремного заключения.

В качестве ординарного (штатного) профессора кафедры государственного права юридического факультета Московского университета (с 1911 по 1919) читал лекции по курсам «Государственное право важнейших иностранных держав», «Российское государственное право» и «История публичного права».

С июня 1917 года одновременно служил директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий в Министерстве внутренних дел, товарищем (заместителем) обер-прокурора Синода и министра исповеданий тогдашнего Временного правительства¹. После Октябрьской революции в августе 1919 года арестовывался за бывшую принадлежность к партии «кадетов», но вскоре был освобожден, повторно его арестовали в начале 1920 года, освободили в конце апреля того же года под подписку о невыезде. Затем до 1928 года включительно преподавал на факультете общественных наук МГУ, являлся юрисконсультом Наркомата юстиции РСФСР, а с 1921 года также был сотрудником Института советского права и журнала «Советское право». В 1928 – 1930 годах был профессором финансового права в Московском промышленном институте, после чего был отправлен на пенсию.

Чтобы продолжить свою юридическую деятельность он обратился с письмом к И.В. Сталину, следствием которого стало его назначение в 1937 году профессором-консультантом Всесоюзной правовой академии Наркомата юстиции СССР. Однако, в апреле 1938 года его вновь арестовали, а 14 апреля 1939 года по сфабрикованному обвинению в якобы «руководстве антисоветской террористической кадетско-монархической организацией» приговорили к расстрелу, который был исполнен на территории совхоза «Коммунарка» в Московской области. 8 августа 1956 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР дело в отношении С. А. Котляревского было прекращено «за отсутствием состава преступления» и он был реабилитирован [1, с. L].

В связи с вынесенным в заголовок настоящей статьи названием далее подробно проанализировано важное значение того компаративно-правового и вместе с тем политико-юридического исследования теории конституционного государства в вышеупомянутой монографической работе С.А. Котляревского. Укажем прежде всего на то, что непосредственно во введении к этой научной

¹ См.: [1, с. XXXVIII]. Примечание: далее цитаты по этому изданию.

работе автор четко разъяснил, что «целью исследователей явлений государственной жизни выступает изучение политической действительности, ее форм и причинных зависимостей, цель же публицистов – оценка этой действительности с точки зрения мыслимого идеала» [1, с. 3]. По убеждению С.А. Котляревского в интересах самой государственной науки необходимое своего рода соединение (мы бы сказали, - синергия) этих двух целей, вероятно, может иметь место лишь тогда, когда «эта (то есть, государственная, – *примечание наше, Л. А., И. С.*) наука делается предметом чисто отвлеченного интереса, когда утратится сознание жизненной важности политических форм и учреждений, сознание зависимости от них человеческого счастья или несчастья, свободного развития личности или ее деспотического подавления, сознание возможности закономерного культурного подъема или необходимости оставаться в заколдованном кругу унаследованного быта» [1, с. 3].

«Если прежде всего выступает вопрос, как распределяется власть в государстве, – поясняет С.А. Котляревский в том же введении к указанной работе, – то и метод изучения должен отличаться и от формально-юридического, и от социально-исторического. Здесь главная цель – изучить механизм политических учреждений сам по себе, независимо от того, в каких юридических категориях он мыслится и эквивалентом каких социальных сил он является, конечно, это не означает исключения других точек зрения, а лишь их подчинение основной, которую, может быть, всего точнее назвать политико-морфологической. Главное внимание здесь поэтому обращается на политические формы, на распределение их по основным типам» [1, с. 7–8]. И далее С.А. Котляревский отмечает, что группируя в соответствии с их особенностями политические образования, он получает материал, позволяющий предугадывать господствующие процессы, совершающиеся в конкретном государстве и показывающий какие учреждения являются лишь пережитками давно пройденного периода и какие носят в себе зародыши будущего развития. Таким образом, по его мнению, «от морфологии ... дается переход к физиологии, если позволительно употреблять эти термины, заимствованные из чужой области» [1, с. 8].

Вместе с тем С.А. Котляревский подчеркивает, что «одинаково несправедливо оспаривать права формально-юридического понимания государства, как и утверждать, что оно есть единственно истинное и законное», замечая при этом в сноске: «Весьма ярко, хотя и односторонне, освещает контраст метода юридических наук и государствоведения Гумплович» [1, с. 6]. Исходя из этого утверждения, вряд ли можно считать вполне корректным вынесенное на защиту положение в автореферате диссертации А.В. Кривенцовой, в котором говорится, что «в трактовке происхождения государства С.А. Котляревский – сторонник теории насилия», якобы солидарный с Л. Гумпловичем [2, с. 11]. Аналогичное мнение было высказано и А.В. Лапаевой, а именно: «В вопросе происхождения государства С.А. Котляревский отстаивал идеи Л. Гумпловича, считавшего основной причиной возникновения государства завоевание, насилие, порабощение одних племен другими» [3, с. 67]. При этом она ссылается на то место из монографии Котляревского «Власть и право. Проблема правового государства» (1915), где Котляревский похвально отозвался в сноске об известных работах Л. Гумпловича. Однако, как раз в этом издании мы видим недвусмысленное высказывание С.А. Котляревского, доказывающее, что он не являлся сторонником теории насилия, как-то: «... Природа государственного властвования, несомненно, может быть понята только на фоне гораздо более широком, чем тот, который в состоянии дать изолированная наука о государстве. Основой здесь является сознание зависимости, которое вырастает из самого первобытного опыта и которое бесконечно укрепляется его одновременным переживанием у массы людей... Принуждение в буквальном смысле, как его обыкновенно представляют, играет при этом ничтожную роль. В огромном большинстве случаев нельзя даже физическими воздействиями вынудить повиновение» [4, с. 211] (*подчеркнуто нами, – Л.А., И.С.*).

Политическая действительность по убеждению Котляревского ясно указывает на то, что «власть являлась предметом совершенно самостоятельных желаний, что часто само экономическое могущество было лишь средством достижения власти, и что вообще в этой последней мы имеем некоторое первоначальное психическое состояние. Несомненно еще требующее своего истолкования» [1, с. 7].

Раскрывая суть своего политико-морфологического обзора конституционных государств, Котляревский предложил расположить существующие политические соединения в один ряд в соответствии с тем, как распределена в них власть между правительством и нацией либо по тому критерию, в какой мере само право зависит от нации, и какого характера эта зависимость, – по признаку политического самоопределения. И здесь всюду постепенность – от крайнего абсолютизма к чистому народоправству, постепенность, которую часто склонен игнорировать юрист, строго держащийся почвы формального значения законодательных актов, но которая приобретает величайший интерес

для политика -морфолога, находящего здесь драгоценный материал для раскрытия законов политической жизни» [1, с. 13–14]. «В конституционном государстве, – пишет С.А. Котляревский, – всякий полноправный гражданин через своих представителей является участником в создании того акта государственной воли, который именуется законом» [1, с. 10].

Дефиниция «политическая морфология» в качестве своеобразной коннотации, судя по контексту монографии о конституционном государстве, служит у Котляревского для осуществления компаративного анализа исторически складывающихся и развивающихся форм политического устройства государств, а также реальной сущности властеотношений, проявляющихся в деятельности органов публичной власти.

В концепции Котляревского власть государства по своему источнику едина, вместе с тем она может быть распределена различным образом, изучение этого распределения дивергентно, то есть по органам государства и по их полномочиям. Причем, как указывает Котляревский, «оставаясь на почве политической морфологии», он выбрал путь исследования распределения публичной власти по органам государства в их синкретичном взаимодействии, опираясь на аксиому: «познание форм есть необходимая ступень, подготовляющая к познанию жизни, совершающейся в этих формах» [1, с. 85].

Как отмечала Н.В. Кроткова в одном из первых положений, вынесенных на защиту в ее диссертации, «при исследовании конституционных актов Котляревский использует в качестве основного «политико-морфологический» метод (его собственный термин), фактически представляющий собой синтез юридино-догматического и социологического (функционального) методов» [5].

Однако, суть политико-морфологического метода, как это видно из контекста работы Котляревского не имеет непосредственного отношения к функциональному методу, а скорее к исследованию именно организационной власти в ее соотношении с властью органической, о чем весьма убедительно писал Г.В. Мальцев, как то: «Сложные социальные организации, из которых самой крупной является государство, управляют людьми и отношениями между людьми из какого-либо центра или центров для достижения известных каждому члену организации целей. Власть организации вторична, поскольку она существует в формах управления (администрирования) общественными процессами, включая первичные базовые властеотношения. Применительно к последним, она выступает как социально-контролирующая надстройка, система корректировки, усиления или ослабления отношений первичной власти в интересах данной системы. Организации, конечно, способны порождать собственные внутриорганизационные управленческие отношения, но именно они подчеркивают вторичный характер организационной власти, через них управляются и контролируются массивы общественных отношений, которые в ином случае развивались бы по-своему, то есть неорганизованно» [6, с. 296].

Большое внимание учению С.А. Котляревского о конституционном государстве в своей фундаментальной монографии о российском конституционализме уделит академик Кутафин О.Е., который, в частности, писал: «Рассматривая общий характер распределения власти в современных ему конституционных государствах, С.А. Котляревский приходит к выводу, что эти государства могут быть основаны на началах октроированного порядка или народного суверенитета; население может участвовать в политической работе непосредственно или через своих представителей; конституция страны может быть гибкой, т.е. изменяться в том же порядке, как и обыкновенные законы, или малоподвижной, причем для ее изменения устанавливаются особые сложные условия; вся власть может сосредоточиваться в рамках центрального правительства или быть разделена между ним и местными органами или несамостоятельными государствами, входящими в федеральный союз, могут быть более или менее признаны и обеспечены субъективные публичные права граждан и, соответственно, ограничена правительственная власть. Все эти различия конституционных государств дают основы для особой классификации – дают возможность расположить ряд государств по тому, насколько сильно в их устройстве развито то или другое начало» [7, с. 158].

Судя по контексту исследования С.А. Котляревского можно согласиться с выводом Л.А. Морозовой о том, что «будучи приверженцем правового государства, С.А. Котляревский исходил из того, что государственная власть должна быть самоограничена во имя справедливости, поскольку она является ключевым критерием правового государства» [8, с. 147]. Только в конституционном государстве по убеждению С.А. Котляревского «и властвующие, и повинующиеся правовым образом сливаются в единое политическое целое» [1, с. 11].

Характеризуя политико-правовые труды С.А. Котляревского, следует, на наш взгляд, указать на их важное значение для обоснования теории политического права как такового¹. Однако, к сожалению, сделав вывод «о довольно обширном, оригинальном и значительном политическом измерении права в трудах М.М. Сперанского, А.П. Куницына, К.П. Победоносцева, С.А. Муромцева (как известного председателя первой в истории России Государственной Думы, – *примечание наше*, – Л.А., И.С.) и других ученых, политических деятелей XVII века» [10, с. 93] (подчеркнуто нами, так как здесь в тексте явная опечатка, *примечание наше*, – Л.А., И.С.), соавторы соответствующей публикации не упомянули весомого вклада С. А. Котляревского в обоснование политико-правовой науки.

Мы также не разделяем отнесение государственно -правовых воззрений С.А. Котляревского к эклектическому смешению, якобы «синтезу идей классического либерализма, религиозного социализма, экономического материализма и социологического позитивизма», о чем говорится в одном из положений, вынесенных на защиту, в диссертации А.Е. Савицкой [11, с. 9].

Полагаем, что в сегодняшних реалиях укрепления Российской государственности и отстаивания ее суверенитета в высшей степени актуальны следующие выводы С.А. Котляревского, а именно:

«Древняя пословица гласит: *Salus populi summa lex* – и, конечно, в это понятие *salus populi* входит не только техническое совершенство законодательных органов, не только обеспечение правильного и целесообразного расходования народных средств. Необходимы такие условия народной жизни, которые наиболее содействовали бы свободному развитию каждого сочлена общества, увеличению в его среде нравственных благ, сознанию прав и обязанностей. Никакая материальная культура не спасет от гибели общество, лишенное этих благ, которые в глазах правящей бюрократии обыкновенно есть нечто нереальное, невесомое и посему малоинтересное. Такой политический материализм в конце концов терпит жестокую расплату»².

И далее: «Лишь там, где власть связана с народом, лишь там, где за этим последним признано в известной степени право политического самоопределения – лишь там во всей полноте может развиться у каждого гражданина чувство его ответственности перед настоящими и будущими поколениями – лишь там, наконец, может прочно взрасти истинный патриотизм, он не возрастет там, где сочлен общества чувствует себя в своей стране иностранцем» [12, с. 8].

Выводы

По нашему мнению политико-правовое научное наследие С.А. Котляревского отчасти недооценено, порой ему приписываются не присущие ему взгляды, выносятся не вполне корректные оценки. Убеждены в том, что его политико-морфологический метод анализа конституционных государств, ключевых признаков правовой государственности, а также принципов политико-правовой науки, изложенные в его сочинениях служат значительным аквизитом научной мысли и вполне могут получить дальнейшее свое развитие в трудах современных российских исследователей конституционалистов, историков, теоретиков государства и права. Конечно же, научное творчество С.А. Котляревского в полной мере заслуживает более обстоятельного и объективного монографического исследования в отечественной юриспруденции.

Список источников

1. Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки Основных Законов / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2004. –392 с. – (Серия «Русское юридическое наследие»).
2. Кривенцова А. В. Концепция конституционного государства С.А. Котляревского. Автореферат дис. ... канд. юрид наук 12.00.01. Владимир, 2008.
3. Лапаева А. В. Соотношение государства, права и нравственности в воззрениях С. А. Котляревского // Социум и власть. 2012. № 1. С. 67–71.
4. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова. Тип. «Мысль» Н.П. Меснянкина и К, 1915, 417 с.
5. Кроткова Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского. Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2007.
6. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы к проблеме. М.: Прометей, 1999. 419 с.
7. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.

¹ Подробнее о политическом праве см.: [9].

² Воспроизводится по: [12, с. 7].

8. Морозова Л. А. Эволюция представлений о юридической природе государства и его признаках в дореволюционной юридической литературе России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2020. №1. С. 143–160.

9. Працко Г. С., Шпак А. В., Шпак В. Ю. Введение в политическое право/ Под ред. д.ю.н., проф. Баранова П.П. Ростов н/Д, 2008.

10. Працко Г. С., Шпак В. Ю. Институционализация политической науки в России // Философия права. 2014. №4 (65). С. 91–95.

11. Савицкая А. Е. Политико-правовая теория С. А. Котляревского. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01. СПб., 2005.

12. Котляревский С. А. Совецательное представительство. Издание Н. Парамонова, «Донская речь», Ростов н/Д. Дозволено цензурой. Ростов-на-Дону, 14 марта 1906 г. -16 с. Электро-печатня А. Тер-Абрамяна, 1906.

References

1. Kotlyarevskiy S. A. *The constitutional state. Legal background of the Basic Laws*. Edited and with a preface by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo Publishing House, 2004. 392 p. (Series "Russian Legal Heritage"). (In Russ.)

2. Kriventsova A. V. *S.A. Kotlyarevsky's Concept of the constitutional state*. Abstract of the dissertation of the Cand. Sci. (Law). 12.00.01. Vladimir; 2008. (In Russ.)

3. Lapaeva A. V. The relationship of the state, law and morality in the views of S. A. Kotlyarevsky. *Society and power*. 2012;(1):67–71. (In Russ.)

4. Kotlyarevsky S. A. *Power and law: the problem of the rule of law*. Moscow: Ed. by G.A. Leman, S.I. Sakharov. Type. "Thought" by N.P. Mesnyankin and Co., 1915, 417 p. (In Russ.)

5. Krotkova N. V. *The state-legal views of S. A. Kotlyarevsky*. The abstract. ... dissertation of the Cand. Sci. (Law). 12.00.01. Moscow, 2007. (In Russ.)

6. Maltsev G. V. *Understanding the law. Approaches to the problem*. Moscow: Prometheus; 1999. 419 p. (In Russ.)

7. Kutafin O. E. *Russian constitutionalism*. Moscow: Norma; 2008. 544 p. (In Russ.)

8. Morozova L. A. The evolution of ideas about the legal nature of the state and its features in the pre-revolutionary legal literature of Russia. *Historical and legal problems: A new perspective*. 2020;(1):143–160. (In Russ.)

9. Pratsko G. S., Shpak A.V., Shpak V. Yu. *Introduction to political law*. Edited by Doctor of Law, professor Baranov P.P. Rostov-on-Don; 2008. (In Russ.)

10. Pratsko G. S., Shpak V. Yu. Institutionalization of political science in Russia. *Philosophy of Law*. 2014; 4 (65):91–95. (In Russ.)

11. Savitskaya A. E. *Political and legal theory of S. A. Kotlyarevsky*. Abstract of the dissertation of the Cand. Sci. (Law). St. Petersburg, 2005. (In Russ.)

12. Kotlyarevsky S. A. *Advisory representation*. Edition of N. Paramonov, "Don speech", Rostov-on-Don. A. Ter-Abrahamyan's electro-printing house, 1906. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. В. Акопов – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

И. А. Сизько – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», ДГТУ.

Information about the authors

L. V. Akopov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

I. A. Sizko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department «Criminal law and public-legal disciplines», Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.

Актуальные вопросы правового регулирования общественных отношений в постоянно действующем виртуальном пространстве метавселенной

**Святослав Петрович Федоренко¹, Руслан Григорьевич Непранов²,
Тимур Мухамедович Шогенов³**

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

³Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия

¹fsp018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9420-0051>

²donvine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8368-6663>

³tima0301977@mail.ru

Аннотация

Введение. Цифровая среда прочно заняла позицию важнейшего компонента общественных и государственных отношений. Она определяет эффективность и конкурентоспособность многих сфер и институтов. Сегодня значительная часть научного дискурса, так или иначе, вращается вокруг цифровых технологий. Это проявляется в различных отраслях знаниях и не обходит стороной юриспруденцию, где четко прослеживается взаимосвязь теоретической и практической составляющей данной темы.

Цель. Анализ существующих правовых проблем, освещение новых вызовов и угроз, и разработка на их основе рекомендаций по особенностям правового регулирования общественных отношений в постоянно действующем виртуальном пространстве метавселенной.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общие и специальные методы научного познания: диалектический; исторический; формально-логический, включая дедукцию, индукцию, анализ и синтез, абстракцию, экстраполяцию, формально-юридический; сравнительно-правовой; структурно-правовой, метод правового моделирования и др. В качестве инновации были использованы Legal Tech-анализ, цифровая конфликтология и бихевиоральные исследования, краудсорсинговые правовые исследования, социальные сети и анализ общественного мнения.

Результаты. Рассмотрены юрисдикция и применимое право в метавселенной. Продемонстрировано, что нивелировка государственных границ создает сложности в определении юрисдикции и применимого права. Подтверждено, что вопросы регулирования конфликтов, возникающих между пользователями из разных стран, остаются открытыми. Показано, что защита персональных данных в метавселенной является важным аспектом. Она собирает огромное количество данных о пользователях, включая биометрические данные (например, через VR-устройства). Это требует разработки эффективных юридических механизмов защиты персональных данных в соответствии с принципом приоритета прав человека.

Констатируется, что вопросы авторского права, торговых марок и патентов в виртуальном пространстве становятся все более сложными. Показана необходимость разработки правовых рамок для регулирования виртуальных активов, налогообложения и предотвращения мошенничества. Доказано, что под угрозой находятся права человека. В метавселенной

возникают новые формы дискриминации, унижения человеческого достоинства, харасмента, тайны частной жизни и многие другие нарушения прав человека. Все это требует разработки новых механизмов защиты пользователей от таких нарушений.

Выводы. Необходимыми действиями являются: адаптация существующего законодательства; повышение государственного контроля в вопросах регулирования виртуальной экономики; повышенная защита интеллектуальной собственности резидентов Российской Федерации; реализация междисциплинарного подхода в исследованиях данной научной проблематики. Регулирование общественных отношений в метавселенной требует комплексного подхода, включающего адаптацию существующих правовых норм, разработку новых механизмов защиты прав и свобод пользователей, а также международное сотрудничество. Будущие исследования должны быть направлены на создание устойчивой правовой базы, которая сможет эффективно регулировать виртуальные пространства и обеспечивать защиту интересов всех участников.

Ключевые слова: метавселенная, виртуальное пространство, правовое регулирование цифровизации, цифровое право, юрисдикция в метавселенной, этика в метавселенной, права человека в виртуальной среде, цифровая идентичность, правовые риски метавселенной, защита цифровых прав человека

Для цитирования: Федоренко С. П., Непранов Р. Г., Шогенов Т. М. Актуальные вопросы правового регулирования общественных отношений в постоянно действующем виртуальном пространстве метавселенной // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 26–33. [EDN BWYNOW](#)

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Current legal issues of regulation of public relations in the constantly operating virtual space of the metaverse

Svyatoslav P. Fedorenko¹, Ruslan G. Nepranov², Timur M. Shogenov³

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

³North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russia

¹fsp018@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9420-0051>

²donvine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8368-6663>

³tima0301977@mail.ru

Abstract

Introduction. The digital environment has firmly taken the position of an essential component of public and government relations. It determines the effectiveness and competitiveness of many fields and institutions. Today, a significant part of the scientific discourse, one way or another, revolves around digital technologies. This is evident in various branches of knowledge and does not bypass jurisprudence, where the relationship between the theoretical and practical components of this topic is clearly traced.

Purpose. Analyzing existing legal problems, highlighting new challenges and threats, and developing recommendations based on them on the specifics of legal regulation of public relations in the permanent virtual space of the metaverse.

Materials and methods. The methodological basis of the research was made up of general and special methods of scientific cognition: dialectical; historical; formal-logical, including deduction, induction, analysis and synthesis, abstraction, extrapolation, formal-legal; comparative-legal; structural-legal, the method of legal modeling, etc. Legal Tech analysis, digital conflictology and behavioral research, crowdsourcing legal research, social media and public opinion analysis were used as innovations.

Results. Jurisdiction and applicable law in the metaverse are considered. It has been demonstrated that the leveling of state borders creates difficulties in determining jurisdiction and applicable law. It is confirmed that the issues of conflict management between users from different countries remain open. It is shown that the protection of personal data in the metaverse is an important aspect. It collects a huge amount of user data, including biometric data (for example, through VR devices). This requires the development of effective legal mechanisms for the protection of personal data in accordance with the principle of

the priority of human rights. It is stated that the issues of copyright, trademarks and patents in the virtual space are becoming more and more complex. The necessity of developing a legal framework for the regulation of virtual assets, taxation and fraud prevention is shown. It has been proven that human rights are under threat. New forms of discrimination, humiliation of human dignity, harassment, privacy, and many other human rights violations are emerging in the metaverse. All this requires the development of new mechanisms to protect users from such violations.

Conclusions. The necessary actions are: adaptation of existing legislation; increased state control over the regulation of the virtual economy; increased protection of intellectual property of residents of the Russian Federation; implementation of an interdisciplinary approach in the research of this scientific issue. The regulation of public relations in the metaverse requires an integrated approach, including the adaptation of existing legal norms, the development of new mechanisms for protecting the rights and freedoms of users, as well as international cooperation. Future research should be aimed at creating a stable legal framework that can effectively regulate virtual spaces and protect the interests of all participants.

Keywords: metaverse, virtual space, legal regulation digitalization, digital law, jurisdiction in the metaverse, ethics in the metaverse, human rights in a virtual environment, digital identity, legal risks of the metaverse, protection of digital human rights

For citation: Fedorenko S. P., Nepranov R. G., Shogenov T. M. Current legal issues of regulation of public relations in the constantly operating virtual space of the metaverse. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):26–33. (In Russ.). EDN [BWYNOW](#)

Введение

Современное развитие цифровых технологий привело к возникновению нового феномена – метавселенной, виртуального пространства, которое становится все более значимым для общественных отношений. Метавселенная объединяет в себе элементы социальных сетей, виртуальной реальности, экономических взаимодействий и культурного обмена, создавая уникальную среду для коммуникации и деятельности множества лиц. Однако стремительное развитие этой сферы порождает значительное количество правовых вопросов, требующих скорейшего регулирования и дальнейшего мониторинга. Анализ развития современных цифровых технологий показывает, что они проникают в общественные отношения сегментарно, обеспечивая реализацию потребностей и интересов личности, общества, организаций, корпораций и государства в различных сферах. В краткосрочной перспективе вырисовывается интеграция всех технологий в единую, целостную систему подконтрольную ИИ. Это позволит с одной стороны универсально решать все задачи, стоящие перед человечеством, но с другой стороны создаст тотальный цифровой контроль того, кто будет управлять цифровыми процессами.

Столетиями в политике и праве шла борьба за недопустимость концентрации власти в одних руках, которая неизбежно влечёт злоупотребление ею. Сформированные политико-правовые институты такие, как конституционализм, разделение властей, демократизм, парламентаризм и приоритет прав человека стали не только аксиологическими ориентирами, но и основой законодательства большинства современных государств. Сегодняшние процессы цифровизации можно охарактеризовать как возврат к концентрации власти в одних руках. Это может привести к злоупотребления ею, но уже в глобальном масштабе.

Одной из ключевых проблем является определение правового статуса виртуальных активов и цифровых валют, которые активно используются в метавселенной. Отечественные и зарубежные авторы анализируют возможные подходы к формированию правового регулирования этих активов, учитывая их специфику и потенциальные риски для пользователей. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав пользователей, включая их приватность и безопасность в условиях постоянного сбора и обработки данных. Также рассматриваются проблемы ответственности за действия, совершаемые в виртуальном пространстве, и сложности установления юрисдикции в условиях отсутствия четких государственных границ.

Зарубежный опыт стран в создании, внедрении и использовании цифровых технологий показывает, что огромное внимание уделяется вопросам организации цифрового пространства. Со времён буржуазных революций право стало общеобязательным и универсальным регулятором, переняв «пальму первенства» у религиозных норм. Принципы права стали иметь транснациональный характер и распространяться на все международное сообщество, например, приоритет прав человека. Сегодня мы видим очередную трансформацию по масштабам и значимости сходную с переходом к Новому времени. Данный процесс предполагает введение и распространение нового регулятора цифровой нормы.

Они также носят общеобязательный универсальный и неотъемлемый характер. Мы предлагаем назвать новый период в развитии государства и права «Цифровое время».

Одним из трендов в цифровых технологиях становится метавселенная. Это направление привлекает передовые транснациональные IT корпорации, что указывает на значимость данных проектов. Сегодня транснациональные корпорации играют важнейшую роль в жизни передовых государств. И если раньше основной диалог власть должна была вести с бизнесом и финансистами, то теперь добавляются ещё те, кто может создавать и распространять цифровые технологии.

Материалы и методы

Методологическая основа написания статьи подбиралась исходя из того, что данная тема имеет междисциплинарный характер и объединяет себе правовую науку, философию, социологию, информационные технологии и другие смежные науки. Поэтому использовался системный подход рассмотрения метавселенной как сложного многосоставного института, где правовые нормы находятся во взаимосвязи с технологическими, социальными, экономическими, психологическими и другими аспектами. Использовался сравнительно-правовой метод в ходе анализа существующих правовых моделей регулирования виртуальных пространств в различных странах, и их применимость к метавселенной в контексте особенностей правового регулирования данной схемы юридическими инструментами российской правовой системы.

Результаты и обсуждение

Пространство метавселенной стало одним из основных элементов цифровых технологий. Как и все остальные цифровые ресурсы, она отличается универсальностью, здесь можно реализовывать свои многие интересы и потребности, связанные с обучением, образованием, общением играми, инвестициями и так далее. Универсализм обусловлен возможностью использовать информацию для достижения различных целей. Как считает доцент Е. В. Холодная: «Метавселенная – это направление (область) развития цифровых технологий по формированию цифрового пространства для различного вида социальной и публичной деятельности с имитацией личного присутствия пользователя» [1, с. 117]. Термин «имитация» часто используется для обозначения участия человека в виртуальном пространстве. Но на наш взгляд он не совсем адекватно отражает сущность и качество происходящего процесса. Происходит не имитация личного присутствия пользователя, а его виртуальное представление (цифровой перформанс). В настоящее время есть технологии создания полностью цифрового аватара, который представляет собой цифровую копию человека, сформированную на основе всех данных, находящихся в сети. «Все больше людей по всему миру интересуются созданием своих «цифровых клонов» – это аватар человека в метавселенной, который помогает ему в реальном мире. Так, компания Delphi из Великобритании предлагает продукты на базе собственного искусственного интеллекта (ИИ), который использует видео- и звукозаписи, PDF-файлы, изображения и другой контент для создания клона, на 100% похожего на человека»¹. Обращаясь к футурологическому разделу науки, можно предположить, что в ближайшее время появятся цифровые клоны, работающие в колл-центрах искусственного интеллекта, информации о человеке в сети интернет и его собственных решений. Они должны будут получить определённый правовой статус. Это что-то вроде нотариальной доверенности, с помощью которой одно лицо передаёт другому свои права, чтобы оно представляло его интересы. Очевидно, что в настоящее время эти технологии широко не используются, но следует понимать, что в различных сферах цифровые клоны – представители субъекта правоотношений, будут очень востребованы. Например, в судебных заседаниях, при заключении сделок, в ходе бракоразводных процессов и так далее.

В настоящее время стали реальностью технологии нейрочипирования. Компания Илона Маска успешно внедрила первый эффективный нейрочип Нолану Арбо. Он с помощью соответствующей электронной программы, нейрочипа, интернета и периферийного устройства может силой мысли использовать контент, отправлять поисковые запросы, играть в компьютерные игры и т.д.²

Сегодня через интернет удаленно можно работать во многих сферах и производить любые действия в любой точке мира³ при условии наличия соответствующей техники и технологий.

¹ РГ. В мире набирает популярность услуга по созданию «цифровых клонов» людей.

<https://rg.ru/2024/05/07/v-mire-nabiraet-populiarnost-usluga-po-sozdaniuu-cifrovyyh-klonov-liudej.html>

² РБК. Первый человек с чипом в мозге рассказал о расширении своих возможностей

https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/07/2024/66a1deb09a79473667654cf8

³ РБК. Руководители рассказали о проблемах и преимуществах удаленки. Большинство уверено, что эффективность не зависит от формата работы

<https://www.rbc.ru/economics/15/08/2023/64d5fd819a7947c17eef9146>

То есть возможности чипирования становятся очень-очень высокими, а перспективы использования безграничными. Через данный чип подключения к интернету через вай-фай можно пользоваться всем имеющимся в сети интернет контентом. В настоящее время – это практически вся информация, накопленная человечеством за весь период его существования. Поэтому люди с нейрочипами получают превосходство во многих сферах, в том числе и в метавселенной, так как с помощью нейрочипа можно будет обеспечивать режим совмещённой реальности и использовать все имеющиеся ресурсы метавселенной. Здесь возникает вопрос: если люди, которые будут массово чипироваться (а Илон Маск обещает, что в ближайшее время будут чипированы около 5 миллионов человек¹), а затем и смартфон будет массово заменен нейрочипом²), затем эти субъекты трансгуманизма станут претендовать на поступление на обучение, в прием на работу, будет сдавать ЕГЭ и другие экзамены и испытания, участвовать в конкурсах и т.д. Какие правовые основания допуска или не допуска такого лица к образовательным, трудовым, научным, культурным и иным сферам необходимо использовать? Регулируемым правом в контексте стандартных правоотношений, где субъекты данных правоотношений пользуются только своими биологическими интеллектуальными способностями? Необходимо создавать два правовых режима и соответственно две правовых системы? Первая будет регулировать правоотношения с участием нейро-чипированных людей, а другая будет регулировать правоотношения с участием биологически стандартных людей? Или все это будет регулироваться в рамках единого правового режима и правового поля? Это лишь «верхушка айсберга» вопросов. Причем на практике появятся такие вопросы, о которых сейчас мы не можем даже догадываться. Но мы согласны с профессором А. И. Овчинниковым, который считает, что этические и правовые императивы, формировавшиеся на протяжении нескольких тысяч лет, сейчас находятся под угрозой тотального форматирования [2, с. 193].

Метавселенная представляет собой динамично развивающуюся сферу, которая включает всё больший и больший круг пользователей. Уже сегодня метавселенная становится частью системы использования криптовалют, технологии блокчейн, больших данных и других передовых технологий, оказывающих влияние на миллиарды человек. Но нельзя отрицать, что: «... появление новых угроз и рисков в искусственных виртуальных мирах требует выработки и принятия концепции правового понимания метавселенных, а также опережающей проработки российского законодательства, гарантирующего права и свободы человека в метавселенных» [1, с. 119] и за ее пределами. Подавляющее большинство исследователей цифровых технологий сходятся в том, что они не только предоставляют огромные возможности, и открывают широкие перспективы реализации интересов любого субъекта, но и таят в себе угрозы и вызовы. Достаточно подробно о проблемах цифровизации права написали в своих работах профессора А. И. Овчинников [2, с. 191] и А. Ю. Мамычев [3, с. 281]. И значительное количество опасений, высказанных с их стороны, мы полностью разделяем. Безусловно необходимо принимать своевременные меры. И, в идеале, права автор Е. В. Холодная, в том что надо создать систему «опережающей проработки российского законодательства, гарантирующего права и свободы человека в метавселенных». Но невозможность реализации этой идеи обусловлена целым рядом причин. Главная из причин является, что все крупнейшие IT корпорации сосредоточены в США³, которые занимают исключительно утилитарно-конфликтную позицию в отношении Российской Федерации и других государств [4].

Технологии виртуальной реальности возникают во второй половине XX в. Их локомотивом становится игровая индустрия. Она развивается очень динамично и показывает высокую рентабельность. Особенно с распространением мобильных игр. В настоящее время формирование виртуальных цифровых миров привело к созданию обширных сфер не только в игровом пространстве, но и в медийной сфере, в сфере здравоохранения и образования и многих других. Можно согласиться с Е. В. Холодной в том, что: «Метавселенная представляет собой новый шаг в построении цифровой эпохи, прошедшей экспериментальный путь от игрового атрибута до идеи трансграничной интеграции технологических платформ виртуальной реальности, объединяющих искусственные многопользовательские миры» [1, с. 117]. Метавселенная предоставляет цифровые возможности объединения огромного количества информационных ресурсов в единое пространство через единую сеть. Здесь же добавляются новые возможности ИИ, который способен на высокой скорости обрабатывать недоступны

¹ Маск планирует вживить миллионам людей импланты в мозг.

<https://www.rbc.ru/life/news/66c6d31f9a79476a80138ddc>

² РБК Маск заявил, что в будущем чип Neuralink заменит смартфон

<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/666fea449a79477c1d62bb79>

³ Forbes 100 крупнейших цифровых компаний <https://www.forbes.com/top-digital-companies/list/#tab:rank>

человеку объёмы информации. Метавселенная представляет собой некий цифровой интеграл, который объединяет социальные процессы, физические вещи, технологические платформы, виртуальное измерение. Поэтому его перспективы очень высоки и в дальнейшем будут только расширяться.

В настоящее время в юридической литературе формируется подход, в соответствии с которым метавселенная и её составные части представляют собой объекты права. Многие исследователи рассматривают метавселенную с разных позиций, но консолидируя подходы можно утверждать, что эта сфера представляет собой взаимосвязанное взаимозависимое и взаимоподчинённое иммерсивное пространство, в котором происходит интеграция цифрового и физического миров. А также обеспечивается возможность перехода из одного мира в другой и их совмещение.

Автор Е. В. Холодная выделяет следующие признаки метавселенной: «бесконечность и непрерывность (метавселенная не приостанавливает работу в реальном времени и не заканчивается); независимость от внешних факторов с возможностью создавать и планировать события и действия в цифровом пространстве; неограниченный круг аудитории и количества одновременных пользователей (равенство аватаров в осуществлении различных видов деятельности, при этом аватар человека в метавселенной может быть кем угодно и владеть чем угодно, а цифровая смерть не означает смерть в реальном мире» [1, с. 117-118]. Но следует отчетливо понимать, что метавселенная по сути, как и вся цифровая индустрия, в первую очередь держится на возможности извлечения денежных средств из данного ресурса. Поэтому она устроена так, что сама представляет собой ресурс для определенного контингента лиц. И способна извлекать доход и привлекать новых акторов. Одной из основных задач, стоящих перед владельцами цифровых технологий является привитие обществу таковых в качестве базовой потребности наряду с воздухом, водой, температурным режимом и пищей. Очевидно, что без базовых потребностей человек не выживет [5, с. 86–87], поэтому возведение цифровой потребности в ранг базовой обеспечит доминирование владельцев цифровых технологий над государством и правом, и возможность их форматирования по любому шаблону используя принцип конструирования.

В настоящее время человечество стоит на пороге грандиозного изменения рынка труда. Первые отголоски начали проявляться с использованием ИИ в сфере создания музыкального контента, генерации картинок и видеороликов. В дальнейшем это коснётся и других категорий работников, в частности затронет тех, кто предоставляет услуги. Это будут в том числе такие профессии, как преподаватели, врачи, дизайнеры и так далее. Сегодня многими современными компаниями разрабатывается комплекс – «Метавселенная рабочего места». Это, с одной стороны, сделает выполнение обязанностей и реализацию функций более комфортными – без издержек на транспорт, жилье и так далее, но станет ещё одним шагом к замене реальных людей, которые посредством метавселенной реализуют свои функции, на цифровые аватары, способные выполнять большие объёмы работы. Сегодня в этом направлении сделан серьёзный шаг. Имеются образовательные платформы где интегрированы миллионы людей, реализующие образовательные и трудовые права в цифровом формате.

В Юго-Восточном регионе странами-лидерами по внедрению передовых цифровых технологий и соответственно их интеграции в экономико-финансовую, правовую сферы государства выступают Китай и Южная Корея. Китай утвердил трёхлетний план содействия развитию инновационных технологий и индустрии метавселенных. Причём это делается в контексте реализации государственных функций. На основе этого плана создаются цифровые промышленные кластеры, на базе которых будут функционировать метавселенные с реализацией коммерческих научных, образовательных и государственных функций. Власти Южной Кореи объявили, что технологии метавселенной являются одной из приоритетных национальных программ. В них государство будет занимать позицию не только контроля и регулирования, но и инвестиций с целью формирования цифровой общественной среды, где смогут взаимодействовать граждане, публичная власть, представители бизнеса, представители культуры и науки¹. Власти целого ряда стран Европы также разрабатывают механизмы использования метавселенных и контроля над процессами, которые там происходят².

В настоящее время в России отсутствует специальное законодательное регулирование по использованию цифровых миров. Поэтому следует активизировать процесс адаптации существующего законодательства современным возможностям метавселенных. Это необходимо реализовывать,

¹ South Korea launches online metaverse replica of capital city Seoul to improve public services // URL: <https://forkast.news/south-korea-metaverse-capital-city-seoul/>

² Digital Europe Programme: Commission opens calls to invest in data spaces for tourism and cultural heritage // URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/digital-europe-programme-commission-opens-calls-invest-data-spaces-tourism-and-cultural-heritage>

исходя из следующих факторов. Традиционные правовые нормы не всегда применимы к виртуальным пространствам. Требуется адаптация законодательства для регулирования новых форм взаимодействия, таких как виртуальная собственность, цифровые активы и онлайн-идентичность. Особое внимание уделяется вопросам юрисдикции, так как метавселенная не ограничена географическими границами. Усложненный процесс имеет защита персональных данных и приватности граждан Российской Федерации [6, с. 54]. Метавселенная собирает огромные объемы данных, включая биометрическую информацию. Это требует усиления мер защиты персональных данных в соответствии с международными стандартами, такими как GDPR. Поэтому необходимо разработать механизмы, обеспечивающие прозрачность сбора и использования данных.

Особую актуальность представляет собой регулирование виртуальной экономики. Криптовалюты, NFT и другие цифровые активы становятся неотъемлемой частью метавселенной. Требуется создание правовых рамок для их регулирования, включая налогообложение, наследование и предотвращение мошенничества.

Не уходя от «повестки цифрового дня» вопросы интеллектуальной собственности. Авторское право, торговые марки и патенты в виртуальном пространстве становятся все более сложными. Включение в этот процесс ИИ только усложнит схему. Необходимо разработать механизмы защиты прав на виртуальные объекты, созданные пользователями использовать ИИ для отслеживания нарушений, так как объемы данных уже неподвластны восприятию человека. Особое внимание следует уделять защите контента от несанкционированного использования и копирования.

Этика и права человека приобретают в метавселенной отдельное направление правового регулирования. В ней возникают новые формы дискриминации, харассмента и другие способы ущемления достоинства личности. Механизмы защиты пользователей от таких нарушений находятся в зачаточном состоянии и требуют большей эффективности.

Многие эксперты поднимают вопрос соотношения идентичности и анонимности. Как обеспечить баланс между безопасностью и приватностью? Этот вопрос требует отдельной проработки, в том числе специальных научных исследований.

Заключение

Для эффективного регулирования метавселенной требуется международное сотрудничество и гармонизация законодательства разных стран. Возможно, потребуется создание новых международных организаций или органов, которые будут заниматься регулированием виртуальных пространств. Но в данном случае возникает опасность, что контроль в них получат ИТ-гиганты, которые будут использовать международные структуры для лоббирования своих узкокорыстных интересов.

Поэтому, как ни банально это прозвучит, необходимо использовать междисциплинарный подход. Все эксперты сходятся во мнении о необходимости междисциплинарных исследований, объединяющих юриспруденцию, экономику, компьютерные науки, психологию и социологию. Завершающим ключевым этапом можно определить разработку методов прогнозирования правовых рисков, связанных с развитием метавселенной.

Регулирование общественных отношений в метавселенной требует комплексного подхода, включающего адаптацию существующих правовых норм, разработку новых механизмов защиты прав и свобод пользователей, а также международное сотрудничество. Будущие исследования должны быть направлены на создание устойчивой правовой базы, которая сможет эффективно регулировать виртуальные пространства и обеспечивать защиту интересов всех участников.

Список источников

1. Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных // *Lex Russica (Русский закон)*. 2024. Т. 77. № 3 (208). С. 116–128.
2. Овчинников А.И. Этические и правовые императивы в регулировании искусственного интеллекта / В сб.: Искусственный интеллект, традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 191–200.
3. Мамычев А. Ю. Постдуховность в цифровом мире: тенденции и риски / В сб.: Правовая теология и государственно-конфессиональные отношения в современной России. Сборник статей и докладов. Российский фонд фундаментальных исследований; Южный федеральный университет; Донская духовная семинария. Москва, 2022. С. 281–288.
4. Меженская Г. В. Конфликты в сфере государственного управления: теоретико-правовой анализ // *Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2023. № 4 (108). С. 18–23.

5. Емельянова Е. С. Обзор проблемы удовлетворения потребностей по пирамиде Маслоу на основе изучения виртуального пространства сети интернет / В сборнике: Исторические, философские, методологические проблемы современной науки. Сборник статей 2-й Международной научной конференции молодых ученых. Курск, 2019. С. 86–90.

6. Непранов Р. Г., Орлова Н. Е. Юридическая конструкция делегированного законодательства: отечественный и зарубежный опыт // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 54–57.

References

1. Kholodnaya E. V. On the legal concept of the metaverse. *Lex Russica (Russian Law)*. 2024;77(3(208)): 116–128. (In Russ.)

2. Ovchinnikov A. I. Ethical and legal imperatives in the regulation of artificial intelligence. In: *Artificial intelligence, traditional spiritual and moral values and human rights in the era of digitalization*. Collection of scientific articles. Moscow; 2024:191–200. (In Russ.)

3. Mamychiev A. Y. Post-spirituality in the digital world: trends and risks. In: *Legal Theology and state-confessional Relations in modern Russia. Collection of articles and reports*. Russian Foundation for Basic Research; Southern Federal University; Don Theological Seminary. Moscow; 2022:281–288. (In Russ.)

4. Mezhsenskaya G. V. Conflicts in the sphere of public administration: a theoretical and legal analysis. *Law Bulletin of the Rostov State University of Economics*. 2023;4(108):18–23. (In Russ.)

5. Yemelyanova E. S. Review of the problem of meeting the needs of Maslow's pyramid based on the study of the virtual space of the Internet. In: *Historical, philosophical, methodological problems of modern science. Collection of articles of the 2nd International Scientific Conference of Young Scientists*. Kursk; 2019:86–90. (In Russ.)

6. Nepranov R. G., Orlova N. E. The legal structure of delegated legislation: domestic and foreign experience. *Agrarian and Land law*. 2024;10(238):54–57. (In Russ.)

Информация об авторах

С. П. Федоренко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры теории и истории государства и права РГЭУ (РИНХ).

Р. Г. Непранов – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права РГЭУ (РИНХ).

Т. М. Шогенов – кандидат экономических наук, зам. начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России.

Information about the authors

S. P. Fedorenko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics.

R. G. Nepranov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics.

T. M. Shogenov – Cand. Sci. (Econ.), Deputy Head of the Department of Internal Affairs in Special Conditions, North Caucasus Institute of Advanced Training (Branch), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, АДМИНИСТРАТИВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 34–40
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(2):34–40

Проблемы конституционного, административного и гражданского права

Научная статья
УДК 342.56
EDN [BZTDHT](#)

Судебный конституционализм: новые вехи после конституционных поправок

Андрей Георгиевич Кузьмин

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, akuzmin.professor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9458-4008>

Аннотация

Введение. В условиях современного общества, в котором права и свободы граждан становятся все более значимыми, необходимо понимать, как изменения в законодательстве повлияют на реализацию и защиту этих прав и свобод, а также на функционирование судебной власти в целом. В связи с этим, исследование судебного конституционализма в контексте поправок 2020 года представляет собой актуальную задачу, требующую глубокого анализа и осмысления.

Цель. Анализ судебного конституционализма в эпоху конституционных изменений; изменений в полномочиях Конституционного Суда РФ, что позволяет оценить эффективность его работы в свете реализации новых задач.

Материалы и методы. Теоретический анализ понятия «судебный конституционализм», анализ различных точек зрения ведущих ученых-конституционалистов на данную проблему, а также анализ нормативных правовых актов, которые затрагивают вопросы судебного конституционализма. Исследование охватывает период до и после внесения поправок в Конституцию РФ, уделяя особое внимание изменениям в структуре и функциях Конституционного Суда Российской Федерации.

Результаты. Показано, что конституционные поправки 2020 года оказали значительное влияние на эффективность судебного конституционализма. В статье сделан обзорный анализ изменившихся функций Конституционного Суда Российской Федерации, изменений в его компетенции. Это дает возможность оценить, насколько эффективно Конституционный Суд РФ справляется с новыми задачами и как это влияет на его авторитет и независимость.

Выводы. Подчеркнута значимость судебного конституционализма как элемента защиты прав и свобод человека и гражданина, а также его роль в формировании правосознания в обществе. Данная статья направлена на всестороннее исследование судебного конституционализма в контексте конституционных поправок, результаты которого позволят не только понять текущие изменения в правовой системе, но и выявить возможные направления ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: судебный конституционализм, конституционная реформа, поправки 2020 года, Конституционный Суд Российской Федерации, защита прав и свобод человека и гражданина, верховенство права, эффективность судебного конституционализма, судебная власть, конституционный порядок, баланс государственной системы

Для цитирования: Кузьмин А. Г. Судебный конституционализм: новые вехи после конституционных поправок // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 34–40. EDN [BZTDHT](#)

Judicial constitutionalism: new milestones after constitutional amendments

Andrey G. Kuzmin

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia,
akuzmin.professor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9458-4008>

Abstract

Introduction. In a modern society in which the rights and freedoms of citizens are becoming increasingly important, it is necessary to understand how changes in legislation will affect the implementation and protection of these rights and freedoms, as well as the functioning of the judiciary as a whole. In this regard, the study of judicial constitutionalism in the context of the 2020 amendments is an urgent task that requires in-depth analysis and reflection.

Purpose. Analysis of judicial constitutionalism in the era of constitutional changes; changes in the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, which makes it possible to assess the effectiveness of its work in the light of the implementation of new tasks.

Materials and methods. A theoretical analysis of the concept of "judicial constitutionalism", an analysis of various points of view of leading constitutional scholars on this issue, as well as an analysis of normative legal acts that address issues of judicial constitutionalism. The study covers the period before and after amendments to the Constitution of the Russian Federation, paying special attention to changes in the structure and functions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Results. It is shown that the constitutional amendments of 2020 had a significant impact on the effectiveness of judicial constitutionalism. The article provides an overview analysis of the changed functions of the Constitutional Court of the Russian Federation and changes in its competence. This makes it possible to assess how effectively the Constitutional Court of the Russian Federation is coping with new tasks and how this affects its authority and independence.

Conclusions. The importance of judicial constitutionalism as an element of the protection of human and civil rights and freedoms, as well as its role in the formation of legal awareness in society, is emphasized. This article is aimed at a comprehensive study of judicial constitutionalism in the context of constitutional amendments, the results of which will allow not only to understand the current changes in the legal system, but also to identify possible directions for its further development.

Keywords: judicial constitutionalism, constitutional reform, amendments of 2020, Constitutional Court of the Russian Federation, protection of human and civil rights and freedoms, rule of law, effectiveness of judicial constitutionalism, judicial power, constitutional order, balance of the state system

For citation: Kuzmin A. G. Judicial constitutionalism: new milestones after constitutional amendments. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):34–40. (In Russ.). EDN [BZTDHT](#)

Введение

В условиях современного общества, в котором права и свободы граждан становятся все более значимыми, необходимо понимать, как изменения в законодательстве повлияют на реализацию и защиту этих прав и свобод, а также на функционирование судебной власти в целом. В связи с этим, исследование судебного конституционализма в контексте поправок 2020 года представляет собой актуальную задачу, требующую глубокого анализа и осмысления.

Судебный конституционализм представляет собой важный аспект правовой системы, обеспечивающий защиту конституционных прав и свобод граждан, а также гарантирующий соблюдение принципов верховенства права и разделения властей.

Конституционные поправки 2020 года ознаменовали собой важный этап в развитии рассматриваемого явления. Одним из аспектов конституционной реформы стала адаптация механизма конституционного контроля к современным реалиям, что само собой подразумевает определенные изменения в организации публичной власти, а также изменения в полномочиях. В связи с чем, важно провести анализ не только самих законодательных изменений, но и их последствий для правовой системы России в целом, и для функционирования Конституционного Суда Российской Федерации, в частности.

При этом, не стоит забывать о теоретическом анализе судебного конституционализма, который проводится по сей день. Судебный конституционализм давно является объектом научных исследований конституционалистов, дополняя свое содержание новыми аспектами с течением времени и изменениями в правовой, политической, социальной системах государства [1, 2, 3].

Теоретические основы

Начиная анализ влияния конституционной реформы на судебный конституционализм с теоретических аспектов, стоит затронуть, как данный институт рассматривается конституционалистами. Так, И.А. Кравец определяет судебный конституционализм как совокупность решений органов конституционного правосудия и отраженных в них правовых позиций по конституционно-правовым вопросам [4]. Исходя из рассмотренной позиции можно оценивать судебный конституционализм как некий механизм обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции Российской Федерации, который реализуется посредством интерпретационных решений Конституционного Суда Российской Федерации. Тем самым, судебный конституционализм является одним из элементов защиты норм и принципов Конституции.

Конституционный строй государства держится помимо многих элементов на судебном конституционализме. Однако, стоит признать, что с понятием судебного конституционализма связано не только сохранение основополагающих принципов конституционного строя, но и процесс активного участия судов в интерпретации и применении норм права [5, с. 19]. Это обуславливает необходимость переосмысления значимости Конституционного Суда Российской Федерации как института, отвечающего за концепцию правосудия на основании Конституции РФ.

Судебный конституционализм демонстрирует взаимосвязь между правовой и политической сферами государства, в которых судебные органы становятся опорой для защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечивая направление всей системы к выполнению государственных конституционных обязательств. С данной позиции следует учитывать, что эффективность судебного конституционализма зависит от устойчивого взаимодействия различных правовых институтов.

Стоит также отметить тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации играет важную и активную роль в реформировании судебной системы. Это обусловливается самой природой конституционного контроля в системе разделения властей Российской Федерации, которая, как следует из взаимосвязанных положений статей 10 и 125 Конституции РФ, предполагает обеспечение Конституционным Судом РФ гармонизации отношений между ветвями государственной власти [6, с. 25].

Конституционный Суд Российской Федерации всегда оказывал значительное влияние и вносил вклад в формирование судебной власти как независимой и самостоятельной ветви власти в системе разделения властей. Данный тезис подтверждается тем, что во многих постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации был дан анализ природы судебной власти в России, включая такие аспекты как принцип независимости, состязательности, принцип обеспечения свободного доступа к правосудию, принцип публичности и гласности судопроизводства.

Конституционный Суд РФ также неоднократно давал разъяснения по вопросам конституционных принципов разделения властей, самостоятельности самой судебной власти.

Конституционные поправки 2020 года дали новый виток в понимании судебного конституционализма, а также роли Конституционного Суда РФ.

Поправки 2020 года стали ответом на накопленные проблемы правового регулирования ряда отношений, требующие осмысления и, возможно, переосмысления основополагающих принципов работы правовой и политической систем. Проведенные изменения были вызваны ограниченностью нормативного инструментария, а также необходимостью актуализации Конституции РФ 1993 года под современные реалии.

Основные цели реформы сводились к совершенствованию механизмов власти и устранению ранее существующих противоречий между формально-установленными правилами и фактическими реалиями. По замыслу ее инициаторов, реформа 2020 года должна была привести к созданию более устойчивой и прозрачной правовой системе. Суть изменений можно трактовать как способ систематизации разрозненных норм, выбивавшихся из привычной практики, что, в свою очередь, могло гарантировать более предсказуемую и стабильную политическую обстановку.

Поправки 2020 года повлияли на реформирование принципов государственного устройства, а также на функционирование судебной власти. Конституционные поправки были направлены на создание новой институциональной системы власти, необходимой для функционирования в современных реалиях, а не опирающуюся на выработанные принципы постсоветского общества.

Конституционная реформа оказала значительное влияние на систему конституционного контроля. Существенные изменения в полномочиях Конституционного Суда РФ и его взаимодействии с другими государственными институтами послужили обеспечению гораздо более высокого уровня правозащитности. Данное обстоятельство может расцениваться как уверенный шаг в создании прочной правовой базы и непосредственно защиты прав граждан с использованием новых инструментов конституционного контроля.

Поправки, принятые в 2020 году, существенно расширили полномочия Конституционного Суда РФ, обеспечив ему новые механизмы воздействия на правоприменение и систему нормоконтроля. Основной акцент изменений сделан на то, чтобы судебные органы не просто охраняли нормативную базу во главе с Конституцией РФ, но и занимали активную позицию в ее интерпретации и развитии.

При этом судебный конституционализм становится «живой» практикой, основанной на взаимодействии различных судебных инстанций, что подтверждает важность качественного анализа практического применения новых норм [7].

Результаты

Поправки, внесенные в Конституцию РФ, а также в Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ стали важной вехой в развитии судебного конституционализма в России. В результате реформы многие статьи закона подверглись изменению, что, безусловно, повлияло на структуру и функции Конституционного Суда РФ.

Одним из наиболее значимых изменений стало уточнение состава Конституционного Суда РФ, который теперь состоит из 11 судей, включая Председателя и его заместителя. Данное изменение численного состава было направлено на улучшение эффективности работы Суда и обеспечение лучшей согласованности в судебных решениях.

Согласованность мнений судей зачастую является необходимым условием для обеспечения стабильности правоприменительной практики, однако стоит отметить, что меньшее количество судей Конституционного Суда РФ означает меньшую возможность для выражения разнообразных подходов к правовым вопросам.

Также необходимо учитывать, что изменения коснулись самих процедур рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ, что, согласно аналитическим исследованиям, должно привести к более высокому уровню правовой определенности и соблюдения принципа верховенства закона.

Еще один важный аспект конституционной реформы в рамках судебного конституционализма – ликвидация уставной судебной системы субъектов Российской Федерации. Данное изменение должно привести к более централизованной системе, где региональные особенности будут подчиняться общим правилам.

Изменения в деятельности Конституционного Суда предоставили ему новые возможности, позволив Суду занимать более активную роль в укреплении правовой системы. Несмотря на уменьшение численности судей, Конституционный Суд РФ может достаточно гибко реагировать на запросы, что отражает определенную динамику в его работе. Это создает запрос на качественное рассмотрение дел в контексте нововведений и может способствовать повышению доверия к судебной власти.

Стоит отметить, что так как судебный конституционализм подразумевает непрерывное развитие, его современное состояние и, что еще важнее, будущее развитие будут во многом определяться тем, как эффективно Конституционный Суд РФ будет реализовывать нововведения, осуществляя контроль за соблюдением прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ. Действительно важно добиться того, чтобы конституционные поправки 2020 года стали не просто точечным изменением правовой системы, а основой для дальнейшего совершенствования и углубления роли судебного конституционализма, что подразумевает не только защиту норм, но и их актуализацию для современной реальности.

Также немаловажным является тот факт, что судебный конституционализм сегодня выступает не только в роли инструмента обеспечения конституционного порядка, но и в качестве инструмента формирования правосознания в обществе. С учетом того, что Конституционный Суд РФ призван поддерживать баланс между традициями конституционного регулирования и новыми вызовами

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

времени, необходимо уделять внимание и практическому применению судебного конституционализма в рамках политико-правового дискурса.

Важно добиться такого результата, когда судебная власть будет учитывать реальное общественное восприятие и потребности граждан, что в свою очередь обеспечит развитие правового государства, основанного на принципах справедливости и равенства [8]. Это становится возможным в свете того, что изменения, внесенные в Конституцию РФ, продемонстрировали, что Конституционный Суд РФ способен выступать не только в роли интерпретатора норм, но и активного участника процесса создания правового порядка.

В данной связи важным изменением в тексте Конституции Российской Федерации и, соответственно, ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», является новое полномочие Конституционного Суда РФ проверять конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом РФ.

Если среди всех объектов конституционного контроля выделить именно проекты законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, то можно тогда дать характеристику Конституционному Суду РФ как органу учредительной власти [9, с. 7]. То есть опять же Конституционный Суд стал играть более важную роль в системе государственной власти, тем самым повышая важность реализации и эффективности судебного конституционализма.

Однако в науке не все восприняли данные изменения в качестве положительных. Так, Т. Морщакова отмечает, что «Конституционный Суд фактически вмешивается в законодательную процедуру – не постфактум проверяет положения принятого закона на соответствие Конституции, а встраивается в работу президентской власти, помогая Президенту по существу осуществлять право вето» [10].

Оценивая новое полномочие Конституционного Суда Российской Федерации как негативное явление, ученые, в первую очередь, говорят о нарушении баланса между ветвями власти, и, в частности, баланса между полномочиями Президента РФ и полномочиями законодательных органов.

Рассмотрение баланса между ветвями власти и их взаимоотношениями с Президентом РФ лежит за рамками исследуемой темы, однако, по существу нововведенного полномочия Конституционного Суда Российской Федерации можно отметить все-таки его положительный аспект. Предварительное рассмотрение Судом проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ направлено на всестороннее изучение данного документа, с целью недопущения каких-либо противоречий фундаментальным основам нашего государства, а также целям в виде обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

В результате конституционных и законодательных изменений, российский судебный конституционализм отражает новый взгляд на взаимодействие всех ветвей власти с судебной системой. Конституционные поправки привели к перераспределению полномочий и изменению баланса в государственной системе.

Важнейшим элементом судебного конституционализма является признание верховенства Конституции РФ, на что еще раз был сделан акцент в контексте поправок. Новое регулирование предоставило Конституционному Суду РФ возможность более активно вмешиваться в процесс контроля за соблюдением конституционных норм. В данном ключе значение имеет не только формальное признание норм Конституции РФ, но также и фактическое осуществление правосудия на основании ее основополагающих принципов.

Обсуждение

Отдельные аспекты вступивших изменений в регулировании роли судебной системы безусловно требуют внимания к возможности возникновения новых форм взаимодействия между различными ветвями власти и их уровнями. Переход к более активной роли Конституционного Суда РФ в интерпретации правовых норм открывает перспективы для более глубокого анализа правоприменительной практики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Такое положение позволяет говорить о необходимости создания эффективных механизмов контроля, способствующих обеспечению соблюдения конституционных прав и свобод человека, а также их защите.

Безусловно при обсуждении дальнейшего развития судебного конституционализма, невозможно обойти стороной вопрос об общественном восприятии судебной власти. В условиях необходимости повышения доверия к судебной системе необходимо продолжать работу над правовым просвещением населения, которое должно включать в себя в первую очередь разъяснение новых

положений Конституции РФ. Такая работа будет содействовать не только усилению легитимности существующих правовых институтов, но также и формированию более активного участия граждан в осуществлении контроля за соблюдением правовых норм [11].

В этой связи важным становится тот факт, что решения Конституционного Суда Российской Федерации характеризуются значительной информационно-правовой насыщенностью, воплощающей высшие конституционные ценности и объединяющие разнообразные научные и теоретические концепции с реалиями современного конституционализма, что наделяет их признаками конституционной доктрины. В связи с вышеизложенным мы можем определять судебный конституционализм как механизм модернизации российской государственности, а также формирования конституционной идеологии.

Заключение

Таким образом, перспективы развития судебного конституционализма в России связаны с необходимостью углубленного научного и исследовательского изучения данного института, что будет способствовать пониманию и анализу как позитивных, так и негативных аспектов конституционных изменений. Важно не только оценить проведенные законодательные изменения, но и подвергнуть их критическому анализу для разработки дальнейших шагов по развитию правовой системы, которая бы максимально полно обеспечивала защиту Конституции РФ и прав граждан.

Стоит признать, что реальные последствия конституционных поправок еще предстоит оценить, и их анализ в контексте судебного конституционализма будет иметь ценность для понимания дальнейших направлений развития правовой системы в России.

Несомненно, проведенная конституционная реформа открывает новые горизонты для судебного конституционализма в России, однако требует глубокого и всестороннего анализа. Это необходимо для обеспечения эффективного функционирования судебной власти в условиях изменяющейся политико-правовой реальности.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: смысл и процедура. Санкт-Петербург, 2021 // <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents/Конституционное%20правосудие.pdf>.
2. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Инфра-М, 2011. 544 с.
3. Арановский К. В., Князев С. Д. Российский конституционализм: судебный, судебский, судный... // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3. С. 30–38.
4. Кравец И. А. О понятии судебного конституционализма // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 46 / Под ред. М.М. Журавлёва, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2010. С. 58–59.
5. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования / Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 1. М.: Формула права, 2012. 106 с.
6. Бондарь Н. С. От судебного конституционализма – к судебному правотворчеству: доктрина и практика / Актуальные проблемы правотворчества, правоприменения и социально-экономического регулирования: сборник статей / под ред. А. Н. Ратькова, Е. Н. Гуниной. Ростов-н/Д : Спутник науки, 2024. С. 6-31.
7. Кокотов А. Н. Судебный конституционализм и конституционное правосудие. Журнал российского права. 2011. №6 (174). С.130-134.
8. Кравец И. А. Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. Москва: Юстицинформ, 2017. 400 с.
9. Кравец И. А. Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года. Журнал конституционного правосудия. 2022. № 1. С. 1-11. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-1-1-11
10. Морщакова Т. Комментарий к заключению Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года. <https://academia.ilpp.ru/kommentarij-k-zaklyucheniyu-konstitutsionnogo-suda-rossijskoj-federatsii/>
11. Саленко А. В. Конституционная реформа 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности. Вестник Тюменского государственного университета. 2020. Т. 6. №3 (23). С. 188–211.

References

1. Zorkin V. D. *Constitutional justice: meaning and procedure*. Saint Petersburg, 2021. Available from: [https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents/Constitutional %20 justice.pdf](https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Documents/Constitutional%20justice.pdf). (In Russ.)
2. Bondar N.S. *Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice*. Moscow: Infra-M; 2011. 544 p. (In Russ.)
3. Aranovskiy K.V., Knyazev S.D. Russian constitutionalism: judicial, judicial, judicial ... *Journal of Constitutional Justice*. 2011;(3):30–38. (In Russ.)
4. Kravets I. A. On the concept of judicial constitutionalism. In: *Legal problems of strengthening Russian statehood*. Part 46. Edited by M.M. Zhuravlev, A.M. Barnashov, V.M. Zuev. Tomsk: National Research Tomsk State University; 2010:58–59. (In Russ.)
5. Bondar N. S. Russian judicial constitutionalism: an introduction to the methodology of research. *Series "Library of Judicial Constitutionalism"*. Issue 1. Moscow: Formula prava; 2012. 106 p. (In Russ.)
6. Bondar N. S. From judicial constitutionalism to judicial law-making: doctrine and practice. In: *Actual problems of law-making, law enforcement and socio-economic regulation: collection of articles*. A. N. Ratkov, E. N. Gunina (eds). Rostov-on-Don: Sputnik nauki; 2024:6–31. (In Russ.)
7. Kokotov A. N. Judicial constitutionalism and constitutional justice. *Journal of Russian Law*. 2011;6(174):130–134. (In Russ.)
8. Kravets I. A. *Constitutional justice. Theory of judicial constitutional law and practice of judicial constitutional process*. Moscow: Justicinform; 2017. 400 p. (In Russ.)
9. Kravets I. A. Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform in 2020. *Journal of Constitutional Justice*. 2022;(1):1–11. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-1-1-11. (In Russ.)
10. Morshchakova T. *Commentary on the conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation* dated March 16, 2020. Available from: <https://academia.ilpp.ru/kommentarij-k-zaklyucheniyu-konstitucionnogo-suda-rossijskoj-federatsii/> (In Russ.)
11. Salenko A. V. Constitutional reform 2020 and judicial power: problems of independence and independence. *Bulletin of the Tyumen State University*. 2020;6(3(23)):188–211. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Г. Кузьмин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Information about the author

A. G. Kuzmin – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the South Ural State University (National Research University).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по законодательству Российской Федерации

Татьяна Владимировна Шатковская¹,
Дарья Александровна Андросова²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Владимировна Шатковская,
shatkovskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1574-4702>

Аннотация

Введение. В числе объектов, именуемых в российском законодательстве, интеллектуальная собственность, мультимедийные продукты остаются самым неопределенным результатом интеллектуальной деятельности (далее – РИД). Однократное упоминание мультимедийных продуктов в ст. 1240 Гражданского кодекса РФ без указания на то, что охраняется в качестве этого объекта, режима правовой охраны оставляет широкий спектр мультимедиа-объектов без должной юридической защиты. Возрастающее экономическое значение мультимедийных продуктов актуализирует этот вопрос.

Цель. Определение правового режима правовой охраны мультимедийных продуктов на основе российского гражданского законодательства.

Материалы и методы. Формально-юридический метод использован для анализа статей части четвертой ГК РФ, судебных решений об определении элементов и защите мультимедийных продуктов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы к охране мультимедийных продуктов в РФ, Европейском Союзе и США. Метод системного анализа применен для рассмотрения мультимедийных продуктов как единой системы взаимодействующих элементов, определения статуса интернет-сайтов и компьютерных игр как сложных объектов. Метод моделирования положен в основу рассуждений о перспективах распространения режима авторских произведений на мультимедийные продукты.

Результаты. Главным недостатком исследований, определяющих правовой режим охраны мультимедийных продуктов как авторских произведений, считаем необоснованное расширение позиции законодателя, изложенной в ст. 1240 ГК РФ. Создание мультимедийного продукта обеспечивается организатором, в качестве которого могут выступать не только физические лица. Подобно производителям фонограмм, баз данных, передач организаций эфирного и кабельного вещания законодатель вклад организатора в создание мультимедийного продукта не признает авторским. Природа исключительного права, возникающего на мультимедийный продукт аналогична смежным правам. Организатор мультимедийного продукта становится правообладателем производного исключительного права на новый состав ранее созданных РИД.

Выводы. Смешение «мультимедийных продуктов» и «мультимедийных произведений» в современной юридической литературе искажает смысл ст. 1240 ГК РФ. Использование для охраны мультимедийных продуктов режима авторского произведения нарушает законные интересы правообладателей иных РИД, которые могут быть в результате цифровой модификации включены в мультимедийный продукт. Выработка устойчивых критериев мультимедийных продуктов в условиях быстрого роста мультимедиа-технологий приведет к их быстрому

устареванию. Помимо этого возникает угроза ограничения творчества. Узкие рамки заставят создателей «подгонять» их РИД под законодательные требования. Конкретный перечень критериев мультимедийных продуктов может быть установлен в обновляемых технических стандартах. Разнообразие судебной практики можно сократить, наделив суд по интеллектуальным правам полномочием давать разъяснения по новым категориям дел.

Ключевые слова: мультимедийный продукт, авторское произведение, интернет-сайт, компьютерная игра, исключительное право, сложный объект, цифровая форма, организатор сложного объекта, результаты интеллектуальной деятельности, автор

Для цитирования: Шатковская Т. В., Андросова Д. А. Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по законодательству Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 41–49. EDN [CQIUMI](#)

The regime of legal protection of multimedia products under the legislation of the Russian Federation

Tatiana V. Shatkovskaya¹, Daria A. Androsova²

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatiana V. Shatkovskaya, shatkovskaya-tv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1574-4702>

Abstract

Introduction. Among the objects referred to in Russian legislation, intellectual property and multimedia products remain the most uncertain result of intellectual activity (RID). The single mention of multimedia products in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation without specifying what is protected as this object, the legal protection regime leaves a wide range of multi-media objects without proper legal protection. The increasing economic importance of multimedia products actualizes this issue.

Purpose. Definition of the legal regime of legal protection of multimedia products based on Russian civil legislation.

Materials and methods. The formal legal method is used to analyze the articles of part of the fourth Civil Code of the Russian Federation, court decisions on determining the elements and protecting multimedia products. The comparative legal method made it possible to compare approaches to the protection of multimedia products in the Russian Federation, the European Union and the USA. The system analysis method is used to consider multimedia products as a single system of interacting elements, determining the status of Internet sites and computer games as complex objects. The modeling method is the basis of reasoning about the prospects for the spread of the regime of copyright works on multimedia products.

Results. The main drawback of studies that determine the legal regime for the protection of multimedia products as copyright works, we consider the unreasonable expansion of the position of the legislator set forth in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation. The creation of a multimedia product is ensured by the organizer, which can be not only individuals. Like manufacturers of phonograms, databases, programs of ethereal and cable broadcasting organizations, the legislator is not recognized as copyright to the creation of the organizer to create a multimedia product. The nature of the exclusive right arising to the multimedia product is like related rights. The organizer of the multimedia product becomes the copyright holder of the derived exclusive right to the new composition of previously created RID.

Conclusions. A mixture of “multimedia products” and “multimedia works” in modern legal literature distort the meaning of Art. 1240 of the Civil Code of the Russian Federation. The use of the author’s work regime for the protection of multimedia products violates the legitimate interests of copyright holders of other RID, which may be included in the multimedia product because of digital modification. The development of stable criteria of multimedia products in conditions of rapid growth of multimedia technologies will lead to their rapid obsolescence. In addition, there is a threat of restriction of creativity. The narrow frames will force the creators to “adjust” their Reed for legislative requirements. A specific list of criteria of multimedia products can be established in updated technical standards. A variety of judicial practice can be reduced by endowing the court on intellectual rights by the authority to explain in the new categories of cases.

Keywords: multimedia product, copyright work, Internet site, computer game, exclusive right, complex object, digital form, organizer of a complex object, results of intellectual activity, author

For citation: Shatkovskaya T. V., Androsova D. A. The regime of legal protection of multimedia products under the legislation of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):41–49. (In Russ.). EDN [CQIUMI](#)

Введение

В числе объектов, именуемых в российском законодательстве, интеллектуальная собственность, мультимедийные продукты остаются самым неопределенным результатом интеллектуальной деятельности (далее РИД). Однократное упоминание мультимедийных продуктов в ст. 1240 без указания на то, что охраняется в качестве этого объекта, режима правовой охраны оставляет широкий спектр мультимедиа-объектов без должной юридической защиты.

Возрастающее экономическое значение мультимедийных продуктов актуализирует этот вопрос. Согласно отчетам Яндекс наблюдается ежегодный прирост подписчиков на стриминговые сервисы, к примеру в 2022–2023 годах на 30 %. Количество подписчиков Яндекс Плюса в России превысило 30 млн чел.¹ Статистика пользователей социальных сетей бьет рекорды. Самая массовая в Российской Федерации социальная сеть VK объединяет более 78 миллионов россиян².

На фоне экспансии мультимедийными технологиями всех сфер жизнедеятельности человека пробелы и споры о механизме их правового регулирования приводят к обоюдоострой проблеме отсутствия защиты результатов творческой мультимедийной работы и невозможности привлечения к юридической ответственности организаторов этих работ в случае их неправомерности.

Отсутствие определенных условий правовой охраны мультимедийных продуктов вызывает затруднения на практике. В отдельных случаях суды самостоятельно вырабатывают признаки рассматриваемого объекта³. Множественность элементов в составе этого сложного РИД, каждый из которых в свою очередь обладает правовой охраной, требует тщательной проработки его понятия и механизма охраны на каждом этапе формирования мультимедийного продукта.

Первым шагом в решении этой комплексной проблемы как представляется должно быть понимание того, что охраняется в качестве мультимедийного продукта. Не менее важно понять место мультимедийных продуктов в системе объектов интеллектуальных прав, установить возможность использования одного из закрепленных в ГК РФ правовых режимов для защиты прав авторов и производителей, вложивших в объект инвестиции.

Проблема определения признаков мультимедийных продуктов по смыслу ст. 1240 стала одним из вопросов, рассмотренных на заседании Научно-консультационного Совета при Суде по интеллектуальным правам в июне 2023 г.⁴ Разнообразие высказанных на заседании научных подходов свидетельствует об отсутствии консолидированной позиции. В связи с этим целью данной статьи стало определение правового режима правовой охраны мультимедийных продуктов на основе российского гражданского законодательства.

Материалы и методы

Для характеристики правового режима мультимедийных продуктов применен комплекс научных методов, позволяющих выявить их правовую природу и практические аспекты регулирования. Так, формально-юридический метод использован для анализа соответствующих статей части четвертой ГК РФ, судебных решений об определении элементов и защите мультимедийных продуктов.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы к охране мультимедийных продуктов в РФ, Европейском Союзе и США. Метод системного анализа применен для рассмотрения мультимедийных продуктов как единой системы взаимодействующих элементов, определения статуса интернет-сайтов и компьютерных игр как сложных объектов. Для понимания роли мультимедиа-технологий в общественных отношениях прибегли к социологическому методу. Метод моделирования положен в основу рассуждений о перспективах распространения режима авторских произведений на мультимедийные продукты.

¹ <https://yandex.ru/company/news/03-07-02-2024> (дата обращения 20.03.2025)

² <https://vk.com/company/ru/press/releases/11757/> (дата обращения 20.03.2025)

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2022 № C01-656/2022 по делу № А40-52103/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁴ Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 02.06.2023 № 30 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Результаты и обсуждение

В действующей редакции ст. 1240 ГК РФ мультимедийный продукт отнесен к сложным объектам вместе с аудиовизуальными произведениями, театрально-зрелищными постановками и базами данных. Помимо исчерпывающего перечня сложных объектов, указания на их комбинированный состав, данная статья регламентирует объем прав лица, организовавшего создание мультимедийного продукта, но не внесшего творческого вклада в его появление. У организатора на договорной основе возникает исключительное право на мультимедийный продукт.

В отличие от организаторов создания других комплексных объектов интеллектуальных прав (производные и составные произведения) организатор сложных объектов, в том числе мультимедийных продуктов приобретает исключительное право в полном объеме на весь объект целиком. Авторских прав организатор создания сложного объекта получить не может.

Другим существенным отличием сложных объектов от иных комплексных РИД, закрепленных законодателем, стал такой признак как неразрывная целостность и единство объекта [1, с. 100, 101]. В судебной практике он интерпретируется по-разному, и как представляется не всегда в соответствии со ст. 1240. К примеру, «единое целое завершённое произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта, в результате чего нарушится целостность результата интеллектуальной деятельности и его дальнейшее применение станет невозможным»¹. Однако в ст. 1240 нет указания на такого субъекта прав на мультимедийный продукт как его автор. Авторский вклад вносят лица, чьи РИД входят в состав мультимедийного продукта по договору.

Законодательное регулирование мультимедийных продуктов порождает ряд вопросов в науке и практике. Некоторые из них, например об объективности цифровой формы [2, с. 74–77] считаем надуманными поскольку на это прямо указано в ст. 1259 ГК РФ. Суды признают цифровую форму в качестве доказательств при защите интеллектуальных прав, с помощью технических средств пользователи могут не только воспринимать, но и взаимодействовать с объектом в цифровой форме.

Однако есть и вполне обоснованные вопросы. Неясна институциональная принадлежность мультимедийных продуктов, так как они определены только в общих положениях части четвертой ГК РФ. В российском гражданском праве как такового исключительного права нет. Его содержание во многом определяется характеристиками РИД, на который оно возникает. И если в отношении других перечисленных в ст. 1240 сложных объектов сомнения в их институциональной принадлежности в качестве РИД отсутствуют, то статус мультимедийных продуктов не определен.

Открытый перечень объектов установлен законом только в отношении авторских произведений. Видимо поэтому большинство юристов относят мультимедийные продукты к авторским произведениям. Данная позиция весьма популярна и ее высказывают как известные ученые (например, В. А. Дозорцев, Е. С. Гринь, А. Ю. Копылов, Д. А. Братусь), так и начинающие исследователи [3, с. 38–40].

В качестве обоснования принадлежности мультимедийных продуктов к авторским произведениям выдвигаются такие доводы как наличие аналогов в зарубежном законодательстве (например, во Франции, где мультимедийные продукты охраняются как коллективные произведения), сходство правовой охраны с аудиовизуальными произведениями, необходимое включение в состав мультимедийного произведения программы для ЭВМ, состав авторов аналогичный аудиовизуальным произведениям [4, с. 113–116].

Подобный подход встречается и в зарубежной судебной практике (США, Япония, Великобритания, Австралия и др.) [5, с. 169]. Многие юристы исходят из понимания мультимедийного продукта как произведения в виде последовательности движущихся изображений, получаемых при помощи механических, электронных и иных устройств. Именно в связи с появлением мультимедийных продуктов вместо понятия «кинофильм» в зарубежном праве стали использовать термин «аудиовизуальные произведения».

Главным недостатком исследований, определяющих правовой режим охраны мультимедийных продуктов как авторских произведений считаем необоснованное расширение позиции законодателя, изложенной в ст. 1240 ГК РФ. Использование мультимедийных продуктов и мультимедийных произведений как синонимов нарушает правила грамматического толкования. Широкому значению юридического понятия следует отдавать предпочтение перед узким. Если бы законодатель хотел сузить значение понятия, то он мог использовать другой термин.

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. ноябрь, 2015.

Полагаем, что позиция о признании мультимедийного продукта авторским произведением не согласуется с действующим законодательством. Авторское произведение создается творческим трудом автора, что подтверждается и правовыми позициями Конституционного Суда [6, с. 6–17]. Создание мультимедийного продукта обеспечивается организатором, в качестве которого могут выступать не только физические лица. Подобно производителям фонограмм, баз данных, передач организаций эфирного и кабельного вещания законодатель вклад организатора в создание мультимедийного продукта не признается авторским. Соответственно и работа по переработке РИД для включения их в мультимедийный продукт не является авторской.

Вместе с тем создание обеих разновидностей комплексных авторских произведений (производных и составных) предполагает творческую переработку, входящих в него РИД, и появление оригинального произведения. Авторские права лиц, создавших подобные объекты, охраняются как самостоятельные, независимо от авторских прав на первичные авторские произведения.

Отличие мультимедийного продукта от иных авторских произведений состоит в том, что вклад в его создание имеет комплексный сложный характер. Последнее проявляется в том, что инициатива создания данного объекта исходит от организатора, вносящего вклад в виде инвестирования и дальнейшего коммерческого использования исключительного права на мультимедийный продукт в целом.

Состав мультимедийного продукта может включать помимо авторских произведений и другие РИД, что подтверждается материалами судебной практики. В современной судебной практике встречаются дела в отношении незаконного использования в сложных объектах товарных знаков¹. Тем самым правовой режим охраны рассматриваемого объекта должен обеспечивать баланс интересов как авторов, так и организатора, внесших интеллектуальный творческий или организационный вклад в создание мультимедийного продукта.

В современных условиях мультимедийные работы носят командный характер, включают замысел и его реализацию, необходимые инвестиции. Мультимедиа переработка не всегда имеют только организационно-технический характер. Здесь авторство и творчество сочетается с промышленной деятельностью. Творчество в медиасреде не может быть реализовано без технологических средств. Информационные технологии и программные продукты необходимые для этого требуют больших затрат, а значит правомочий позволяющих их компенсировать. Поэтому инвестиции в мультимедийной работе играют не меньшую роль, чем оригинальные авторские идеи.

В результате интеграции полученный результат существенно отличается от тех элементов, из которых он был скомбинирован. Сложность интеграции разнообразного медиа контента, обеспечение его интерактивности, внешней привлекательности, технологического удобства использования требует вложения в мультимедийный продукт существенных инвестиций. Это обстоятельство, по нашему мнению, и сподвигло законодателя к закреплению исключительного права за лицом, которого можно признать производителем мультимедийного продукта².

Полагаем, что существенных затруднений с правовой охраной мультимедийных продуктов, созданных творческим трудом не имеется. Для их охраны можно использовать режим составного произведения (ч. 2 ст. 1259). В этом случае составителю мультимедийного произведения будут принадлежать авторские права на состав такого произведения. С авторами РИД, входящими в мультимедийное произведение, в случае заключения лицензионного договора с составителем необходимо дополнительно оговаривать переход исключительного права на весь срок его действия и в полном объеме, а также невозможность реализации автором права на отзыв.

Примером подобного мультимедийного произведения может быть интернет-сайт. По поводу его правовой охраны в юридической науке ведется дискуссия. В ней главным вопросом остается институциональная принадлежность интернет-сайта к сложным объектам или составным произведениям [7, с.83; 8, с. 96]. И здесь вопрос не в правовом статусе интернет-сайта. Он определен в ч. 2 ст. 1260 ГК РФ как составное произведение, но это не останавливает дискуссии. Они как представляется будут продолжаться до тех пор пока не будет установлено различие между мультимедийными продуктами и мультимедийными произведениями. В противном случае каждая новая мультимедиа-технология приравнивается к авторскому произведению, что приводит к размыванию этого и

¹ Решение от 14 декабря 2022г. по делу № А10-4931/ 2022 // sudact.ru/arbitral/doc/oVbD5NwtlVl4/ (дата обращения 1.03.2025).

² Директива № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 22.05.2001) (с изм. и доп. от 17.04.2019) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

без того не точно определенного юридического понятия. Сложность в разграничении различных мультимедийных продуктов только усилится.

Со сложностями сталкиваются не только практики, но и юристы, настаивающие на сходстве вышеназванных объектов. Так, Е. С. Гринь, анализируя разнообразную судебную практику по определению правовой природы онлайн-курсов¹, приходит к выводу о том, что в зависимости от вклада автора курсов и состава участников они могут быть как составными произведениями, так и сложными объектами [9, с. 62–63].

По аналогии с правовой охраной баз данных, которые по закону могут быть креативными (авторскими произведениями) и не креативными (объектами смежного права) как представляется следует разграничить режим правовой охраны мультимедийных продуктов и мультимедийных произведений. В Германии правовая охрана рассматриваемого объекта осуществляется в смешанном режиме программы для ЭВМ и кинематографического произведения². Аналогичной позиции придерживаются и суды Бельгии.

В таком случае условия правовой охраны мультимедийных произведений следует определять по ст. 1259, 1260 ГК РФ. Специфика мультимедийных продуктов не охватывается содержащимися в указанной статье признаками. В этом сходятся большинство юристов. В числе таких признаков называют неразрывное единство объекта, замысел организатора, цифровая форма, интерактивность, обеспечивающая взаимодействие пользователя с объектом. С признаком интерактивности не согласен пожалуй только В.О. Калятин. Он полагает, что этому признаку не всегда соответствуют компьютерные игры.

Мультимедийный продукт представляет собой сложный РИД, обладающий свойствами системного единства и неразрывности. Некоторые подобного рода объекты способны к обучаемости, автономности действий; обладают рядом навыков, заложенных разработчиками, к примеру поиск, обработка и систематизация большого объема данных, моделирование и др.

Мультимедийный продукт создается, воспроизводится, передается и хранится на едином носителе в электронной, в том числе цифровой форме, что обусловлено наличием в сложном составе данного объекта программы для ЭВМ или реализацией, соответствующей топологии интегральной микросхемы, и базы данных как обязательных элементов. Он обладает свойством универсальной или полной интерактивности, обеспечивая активное участие пользователя в процессе воспроизведения носителя.

Цифровая форма, интерактивность, мобильность, комбинаторность, интеллектуальная автоматизация элементов мультимедийного продукта позволяет пользователям взаимодействовать с ним и использовать его по своей воле и в своем интересе, но в пределах, установленных разработчиками.

Исходя из смысла ст. 1240 ГК РФ природа исключительного права, возникающего на мультимедийный продукт аналогична смежным правам. Организатор создания мультимедийного продукта становится правообладателем производного исключительного права на новый состав ранее созданных РИД.

Анализ научной литературы позволяет вывести следующие признаки мультимедийного продукта:

- интеллектуальный вклад в создание данного объекта имеет сложную техническую и юридическую природу, включает творческие усилия автора (соавторов), а также организационно-инвестиционный вклад организатора, инициировавшего его появление;
- создаются, воспроизводятся, выражаются, передаются и хранятся на едином носителе в электронной, в том числе цифровой форме, что обусловлено наличием единого замысла и программы для ЭВМ в составе данного объекта;
- обладают свойством интерактивности и виртуальности, обеспечивая активное участие пользователя в процессе воспроизведения и его взаимодействие с мультимедийным продуктом.

С учётом выделенных признаков мультимедийного продукта можно выделять отдельные его разновидности. В этой связи полагаем, что, во-первых, в связи со стремительным развитием

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2023 N 09АП-59992/2023 по делу N А40-78541/2023 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

² German Law on Copyright and Neighboring Rights (Copyright Law), 1965 // Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности в разделе «Документы ВОИС». – <http://www.wipo.int/wipolex/en>

информационных технологий нельзя формировать закрытый перечень таких продуктов [10, с. 43]. Такой подход станет сдерживающим фактором информационно-технологического развития.

Примерами мультимедийных продуктов могут быть компьютерные игры; приложения; виртуальные музеи, библиотеки и экскурсии и др. Арбитражный суд Саратовской области в 2019г. признал мультимедийную выставку охраняемым сложным объектом интеллектуальных прав¹.

Отдельные компьютерные игры соответствуют признаку целостного, сложного продукта, объединенного единым замыслом результатов и созданного из результатов интеллектуальной деятельности (художественных, литературных, музыкальных произведений и иных объектов), оказывающих в том числе и художественное воздействие на потребителя [11, с. 112]. Такое воздействие обеспечивается помимо прочего и личным участием потребителя в событиях, интерактивно развивающихся в игре, то есть компьютерная игра обладает необходимым для мультимедийного продукта свойством интерактивности.

На примере компьютерных игр отчетливо видна невозможность определения универсальной структуры мультимедийного продукта вследствие ее сложности. В частности, законодательство РФ не позволяет определить институциональную принадлежность пользовательского контента многопользовательских компьютерных игр. Его можно отнести к авторскому дизайну и к промышленному образцу.

Пробелом остается и вопрос взаимодействия между производителями игр и авторами, создающими оригинальный контент. Полагаем, что режим сложного объекта позволяет перераспределить интеллектуальные права на компьютерную игру по ст. 1240 ГК РФ [12, с. 45–55]. Наличие механизма распределения прав между производителем и авторами РИД, включенного в мультимедийный продукт, придает ст. 1240 дополнительную социальную значимость.

Включение интернет-сайтов в число составных произведений в действующем законодательстве (ст. 1260 ГК РФ) считаем ошибочным и присоединяемся к мнению юристов (Е.С. Басманова [13, с. 10], Е.С. Котенко и др.), которые относят этот объект к сложным. Структура интернет-сайта обладает всеми признаками юридической сложности, так как включает не только технический компонент в виде компьютерного кода, но и динамический творческий контент в виде разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (произведения дизайна, компьютерные программы и др.).

Согласимся с Е.С. Котенко в том, что «не следует относить интернет-сайты к самостоятельной разновидности сложных объектов». Она справедливо отмечает, что интернет-сайт отвечает всем критериям мультимедийного продукта и может рассматриваться в качестве его разновидности. Во-первых, этот объект считается созданным, если ему придана целостная объективная форма, которая для данного вида РИД будет электронной. Во-вторых, его воспроизведение возможно только при взаимодействии с пользователем, то есть имеется признак интерактивности. Не только интерактивность, но и сложная структура, включающая помимо авторских произведений (тексты, изображения, музыку, дизайн, программное обеспечение), объекты смежного права (исполнения, фонограммы, базы данных), запатентованные технологии и средства индивидуализации отличает интернет-сайты от прочих цифровых объектов.

После пандемии COVID-19 широкое распространение получили такие мультимедийные продукты как виртуальные музеи, библиотеки, экскурсии и др.² Эти объекты также обладают признаками мультимедийного продукта, представляют собой серию связанных между собой изображений, предназначенных для зрительного и слухового восприятия с помощью определенных технических средств, с мультимедийными продуктами их роднит и интерактивность. Потребители такого рода мультимедийного продукта становятся посетителями виртуального мира, что обеспечивается их вовлечением в процесс воспроизведения посредством достижения эффекта полного присутствия за счет применения новейших компьютерных технологий.

Выводы

Все вышеизложенное позволяет сформулировать заключительные выводы исследования. Полагаем, что смешение «мультимедийных продуктов» и «мультимедийных произведений» в современной юридической литературе искажает смысл ст. 1240 ГК РФ. В ней акцент сделан на защите законных интересов инвесторов, в том числе крупных мультимедийных компаний. Они организуют,

¹ Решение от 28 мая 2019г. по делу № А57 – 16159/2018 // sudact.ru/arbitral/doc/dS0d69Vw7xJK/

² Сайт парка развлечений – <http://www.futuroscope.com>

финансово обеспечивают, управляют коллективными мультимедийными работами. Их вклад в создание мультимедиа продуктов сопоставим с авторским, но имеет иную правовую природу. Замысел изготовителя и его инвестиции приводят к появлению нового состава разнообразных РИД как единого целостного объекта.

Использование для охраны мультимедийных продуктов режима авторского произведения нарушает законные интересы правообладателей иных РИД, которые могут быть в результате цифровой модификации включены в мультимедийный продукт, к примеру исполнителей, изготовителей баз данных, передач организаций эфирного и кабельного вещания, правообладателей топологий интегральных микросхем, промышленных образцов, технических решений, связанных с обработкой данных или взаимодействием с пользователем, а также приравненных к РИД средств индивидуализации.

Постоянное развитие мультимедиа технологий и расширение технологических возможностей цифровой переработки и интеграции широкого круга РИД затрудняет охрану мультимедийного продукта в режиме авторского произведения. Сдерживающим фактором оказывается не гражданское законодательство, а сложившиеся позиции в судебной практике и научной литературе. Ученые и судьи определяют признаки мультимедийных продуктов и новые мультимедийные продукты, не соответствующие им, оказываются вне правовой защиты.

Сложные мультимедийные работы не вписываются в существующий режим защиты авторских прав. Это становится очевидным даже при беглом обзоре отдельных мультимедиа технологий. Консерватизм вряд ли уместен в ситуации, когда общим трендом законодательного регулирования в медиасреде становится его гибкость. При защите интеллектуальных прав приоритет отдается экономическим соображениям. Акценты смещаются в сторону прав инвесторов и работников. Авторское право ориентированное на защиту прав авторов решить эту задачу не может.

Мультимедийный продукт содержит технологические решения требующие комплексного подхода к защите прав всех участников мультимедийной работы и учета новых бизнес моделей их использования. Выработка устойчивых критериев мультимедийных продуктов в условиях быстрого роста мультимедиа технологий приведет к их быстрому устареванию. Помимо этого возникает угроза ограничения творчества. Узкие рамки заставят создателей «подгонять» их РИД под законодательные требования.

Конкретный перечень критериев мультимедийных продуктов может быть установлен в обновляемых технических стандартах. Разнообразие судебной практики можно сократить наделив Суд по интеллектуальным правам полномочием давать разъяснения по новым категориям дел. Поэтому широкий подход законодателя к определению мультимедийного продукта как сложного объекта, позволяющий защитить права инвесторов и создателей целостного сложно структурированного РИД и поддерживать его функционирование, считаем на данном этапе оптимальным.

Список источников

1. Шатковская Т. В. Сложный объект интеллектуальных прав: проблемы определения и правовой охраны // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4(208). С. 99–101.
2. Витко В. С. О возможности признания цифровой формы объективной в смысле п. 3 ст. 1259 ГК РФ // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 5. С. 72–84.
3. Савицкая К. Д. Понятие и признаки мультимедийного произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 37–46.
4. Гринь Е. С. Разновидности сложных объектов интеллектуальных прав: вопросы судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 112–118.
5. Stamatoudi I. A. Copyright and multimedia products: a comparative analysis // Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 318 p.
6. Блинец И. А., Витко В. С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в Постановлении от 16.06.2022 № 25-П // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 5–30.
7. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2019. Т. 1: Общие положения. – 512 с.
8. Право интеллектуальной собственности: Учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2019. Т. 2: Авторское право. – 367 с.

9. Гринь Е.С. Онлайн-курсы как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9. С.61-67.
10. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2013. 128с.
11. Югай И. И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков: Дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2008. 226с.
12. Карпенко А. А. Субъекты интеллектуальных прав на компьютерную игру // Legal Bulletin. 2024. № 3. С. 45–55.
13. Басманова Е.С. Интернет-сайт как объект имущественных прав: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 175с.

References

1. Shatkovskaya T.V. A complex object of intellectual rights: problems of determination and legal protection. *Law and the state: theory and practice*. 2022;4(208):99–101. (In Russ.)
2. Vitko V.S. On the possibility of recognizing the digital form of objective in the sense of paragraph 3 of Art. 1259 of the Civil Code of the Russian Federation. *IS. Copyright and related rights*. 2024;(5):72–84. (In Russ.)
3. Savitskaya K. D. The concept and signs of a multimedia work. *IS. Copyright and related rights*. 2024;(3):37–46. (In Russ.)
4. Grin E. S. Varieties of complex objects of intellectual rights: issues of judicial practice. *Actual problems of Russian law*. 2023;(9):112–118. (In Russ.)
5. Stamatoudi I. A. *Copyright and Multimedia Products: A Comparative Analysis*. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2001. 318 p. (In Russ.)
6. Gemini I. A., Vitko V. S. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Decree dated 16.06.2022. № 25-P. *Intellectual property. Copyright and related rights*. 2022;(7):5–30. (In Russ.)
7. *The right of intellectual property*: Textbook. E.V. Badulina, D.A. Gavrilov, E.S. Grin et al. Under the general. Ed. L.A. Novoselova. Moscow: Statute; 2019. Vol. 1: General provisions. 512 p. (In Russ.)
8. *The right of intellectual property*: Textbook. E.S. Grin, V.O. Kalyatin, S.V. Mikhailov et al.: Under the general. ed. L.A. Novoselova. Moscow: Statute; 2019. Vol. 2: Copyright. 367 p. (In Russ.)
9. Grin E. S. Online courses as a kind of complex objects of intellectual rights. *Actual problems of Russian law*. 2024;(9):61–67. (In Russ.)
10. Kotenko E. S. *Copyright for a multimedia product*. Moscow: Prospekt; 2013. 128 p. (In Russ.)
11. Yugay I. I. Computer game as a genre of artistic creation at the turn of the XX – XXI centuries: dis. ... cand. art criticism. St. Petersburg; 2008. 226 p. (In Russ.)
12. Karpenko A. A. Subjects of intellectual rights to a computer game. *Legal Bulletin*. 2024;(3):45–55. (In Russ.)
13. Basmanova E. S. *Internet site as an object of property rights*: dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow; 2010. 175 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).
Д. А. Андросова – аспирант кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

T. V. Shatkovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.; Professor of Department of Civil Law of Rostov State University of Economics.
D. A. Androsova – Graduate Student of the Department of Civil Law of Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 11.05.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 11.05.2025; accepted for publication 14.05.2025.

Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации

Марина Владимировна Алексеева¹, Юлия Игоревна Исакова²

^{1,2}Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия

¹alekseeva80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>

²isakova.pravo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4096-4640>

Аннотация

Введение. Современные процессы цифровой трансформации оказывают значительное влияние на все аспекты государственного управления, создавая новые вызовы и возможности для повышения его эффективности и прозрачности. Параллельно с этим цифровизация ставит перед государствами необходимость адаптации правовых механизмов к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, диктуемым технологическим прогрессом.

Цель. Исследование особенностей реформирования государственного управления в условиях цифровой эпохи, проведение теоретико-правового анализа зарубежного и отечественного опыта, разработка авторского подхода к адаптации управленческих процессов к вызовам цифровизации.

Материалы и методы. Методологическая основа исследования сочетает теоретические и прикладные подходы, включая системный анализ, сравнительный метод изучения зарубежных практик, а также контент-анализ нормативно-правовой базы, аналитических отчетов и научных публикаций. В контексте правового аспекта применены методы юридической интерпретации с целью выявления проблем и перспектив правового сопровождения цифровизации.

Результаты. Выявлены основные преимущества использования цифровых технологий в государственном управлении: повышение прозрачности, сокращение времени предоставления услуг и улучшение взаимодействия между органами власти и гражданами. Параллельно определено, что развитие цифрового управления требует совершенствования правового регулирования для обеспечения защиты данных, прозрачности процедур и предотвращения злоупотреблений. Для решения данных проблем предложены инструменты адаптации, такие как разработка образовательных программ для госслужащих, создание регуляторных «песочниц» для тестирования инноваций, развитие цифровой экосистемы государственного управления и внедрение механизмов снижения цифрового разрыва. Особое внимание уделено подготовке и обновлению правовых норм, регулирующих аспекты цифровой трансформации, что позволит избежать правовых пробелов и повысить эффективность управления.

Выводы. Подчеркивается важность интеграции современных технологий и комплексного подхода к организации цифровой трансформации государственного аппарата. Анализ правового аспекта выявил необходимость создания универсальной и гибкой нормативной базы, которая способна реагировать на технологические изменения и обеспечивать правовые гарантии защиты интересов всех субъектов управления.

Ключевые слова: государственное управление, государственная политика, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, цифровая трансформация, правовые режимы, современные технологии

Для цитирования: Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 50–58. EDN [CYVJNQ](#)

The specifics of public administration development in the context of modern digital transformation

Marina V. Alekseeva¹, Yulia I. Isakova²

^{1,2}Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

¹alekseeva80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>

²isakova.pravo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4096-4640>

Abstract

Introduction. Modern processes of digital transformation have a significant impact on all aspects of public administration, creating new challenges and opportunities to improve its efficiency and transparency. At the same time, digitalization poses the need for states to adapt legal mechanisms to the rapidly changing socio-economic conditions dictated by technological progress.

Purpose. The authors of the scientific article aim to explore the peculiarities of reforming public administration in the digital age, conduct a theoretical and legal analysis of international and domestic practices, and develop an original approach to adapting management processes to the challenges of digitalization. Special attention is paid to the study of the role of law as a key instrument for regulating digital transformation aimed at balancing innovative development and the protection of public interests.

Materials and methods. The methodological foundation of the study combines theoretical and applied approaches, including systems analysis, a comparative method for studying international practices, and content analysis of legal frameworks, analytical reports, and academic publications. In the context of the legal aspect, methods of legal interpretation were employed to identify the challenges and prospects for the legal accompaniment of digitalization.

Results. The analysis revealed the main advantages of using digital technologies in public administration: increased transparency, reduced service delivery time, and improved interactions between government agencies and citizens. Simultaneously, it was determined that the development of digital governance requires the improvement of legal regulation to ensure data protection, procedural transparency, and the prevention of abuses. To address these issues, adaptation tools have been proposed, such as the development of educational programs for civil servants, the creation of regulatory "sandboxes" for testing innovations, the development of a digital public administration ecosystem, and the implementation of mechanisms to reduce the digital divide. Special attention has been given to the preparation and updating of legal norms regulating the aspects of digital transformation, which will help avoid legal gaps and enhance governance efficiency.

Conclusions. The scientific article emphasizes the importance of integrating modern technologies and taking a comprehensive approach to organizing the digital transformation of the state apparatus. The analysis of the legal aspect revealed the necessity of creating a universal and flexible normative framework capable of responding to technological changes and ensuring legal guarantees for the protection of the interests of all governance participants.

Keywords: public administration, public policy, digitalization, information and communication technologies, digital transformation, legal frameworks, modern technologies

For citation: Alekseeva M. V., Isakova Yu. I. The specifics of public administration development in the context of modern digital transformation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):50–58. (In Russ.). EDN [CYVJNQ](#)

Введение

Современные процессы цифровой трансформации оказывают всё более значительное влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, включая государственное управление. В условиях глобализации, усиления роли информационных технологий и массовой цифровизации возникает необходимость научного анализа особенностей реформирования управленческих процессов на государственном уровне. Цифровые решения превращаются в неотъемлемую часть функциональной структуры органов власти, формируя новый формат их взаимодействия с гражданами, бизнесом и другими социальными субъектами.

Переход к цифровой эпохе оказывает существенное влияние на все аспекты социально-экономического и политического развития государства. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся мощным инструментом трансформации государственного управления, оптимизируя его процессы и открывая новые возможности для взаимодействия между публичной властью и гражданским обществом как на национальном, так и на региональном уровнях [1, с. 141–144]. Это обусловлено способностью ИКТ трансформировать традиционные способы административной деятельности, повышая их эффективность, прозрачность, структурированность и приспособляемость их к изменчивым условиям цифрового общества.

Материалы и методы

В настоящем исследовании для анализа процессов цифровой трансформации в сфере государственного управления применялся комплексный междисциплинарный подход, включающий качественные и количественные методы.

На этапе предварительного анализа был проведен системный анализ существующей литературы по теме цифровизации государственного управления, что позволило выявить основные тенденции, ограничения и проблемы в данной области. Для структурирования собранной информации использовался аналитический метод, который позволил классифицировать данные на основе критериев, таких как уровень цифровизации, доступность цифровых услуг и уровень их использования населением.

Для оценки текущего состояния цифровой трансформации в различных странах был применен сравнительный метод, с использованием конкретных примеров успешного внедрения цифровых технологий в государственном управлении (например, Эстонии, Сингапура, Южной Кореи). Метод анализа позволил оценить возможные результаты применения инновационных технологий (таких как искусственный интеллект, большие данные) в ключевых направлениях государственного управления, включая предоставление государственных услуг, принятие управленческих решений и модернизацию бюрократических процессов.

Эмпирическую базу исследования составили данные об объемах инвестиций в цифровую инфраструктуру, уровень доступа к цифровым услугам граждан, результаты пилотных проектов по внедрению цифровых технологий в управленческую практику, а также примеры использования технологии «регуляторных песочниц» для тестирования новых цифровых решений.

Данное исследование основывается на сочетании теоретического анализа, эмпирических данных и моделирования, что позволило системно подойти к изучению вопросов цифровой трансформации государственного управления и сформулировать научно обоснованные рекомендации для повышения ее эффективности.

Результаты

Государственное управление в контексте цифровой трансформации базируется на системном подходе к созданию и реализации информационной политики, которая действует как основа коммуникационных процессов между публичной властью и различными группами общества. Научные исследования подчеркивают, что формирование таких коммуникаций должно учитывать следующие ключевые факторы: информационные ресурсы, кадровый потенциал, финансовые ресурсы, организационные возможности и уровень социального капитала. Например, успешные модели цифрового управления в таких странах, как Южная Корея, Сингапур, Китай, Япония, эти государства демонстрируют высокую зависимость эффективности управленческой деятельности от наличия профессиональных цифровых кадров и развитой инфраструктуры [2, с. 48]. Внедрение модели электронного правительства потребовало реформирования системы государственного управления для обеспечения открытости и прозрачности деятельности государственных органов. Несмотря на то, что азиатские страны стали несколько позже внедрять модель электронного правительства в своих странах, тем не менее стали мировыми лидерами по использованию цифровых технологий для управления государственным сектором.

ИКТ могут обеспечивать не только оперативное информирование граждан, но также активизировать функции социализации, мобилизации и легитимации государственной политики. При этом механизмы социальной адаптации становятся основными инструментами снижения сопротивления населения изменениям и позволяют свести к минимуму негативные последствия цифровизации как процесса, сопряженного с перераспределением прежних ролей и функций государства.

Для полного раскрытия потенциала цифровизации в государственном управлении необходимо учитывать типологию информационной политики можно выделить следующие типы информационной политики [3, с. 30]:

1. Пассивная информационная политика, которая характеризуется отсутствием стратегического планирования и главным образом сосредотачивается на ситуативных или кризисных реакциях.
2. Реактивная политика, предполагающая мониторинг и планирование, но лишенная стратегической перспективы.
3. Активная информационная политика, сочетающая диагностику и управление информационным пространством в соответствии с динамикой изменений.
4. Рациональная информационная политика, реализуемая в условиях крупных муниципальных образований и обеспечивающая глубокую интеграцию информационных процессов в контексте межведомственного взаимодействия.

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой сложный и многоуровневый процесс изменения традиционных управленческих механизмов под воздействием современных информационных систем. В отличие от предыдущих этапов модернизации, современный этап трансформации характеризуется широким внедрением технологий искусственного интеллекта, больших данных (Big Data), интернета вещей (IoT) и блокчейн-систем. Эти технологии не только повышают эффективность процессов внутри государственных структур, но и создают условия для формирования новых моделей взаимодействия между государством и обществом.

Цифровизация генерирует новые вызовы и одновременно открывает возможности для государства. С одной стороны, появляются перспективы повышения прозрачности функционирования государственных институтов, ускорения административных процессов и обеспечения высокого уровня общественного контроля. С другой стороны, возрастают риски информационной безопасности, угрозы кибератак на критическую инфраструктуру, а также выявляются проблемные аспекты монополизации данных и роста цифрового неравенства среди населения.

Цифровая трансформация сопровождается не только техническими инновациями, но и глубокими изменениями в правовой и культурной сфере. Процесс транснационализации культуры играет здесь ключевую роль, формируя новый уровень правосознания, который складывается на пересечении национальных и глобальных парадигм. Это отмечается в исследованиях О.Ю. Рыбакова, где подчеркивается, что «информационная правовая культура – совокупность принципов, ценностей, знаний, компетенций, обеспечивающих участникам информационных отношений достижение модели правомерного/неправомерного поведения, основанного на осознании ценности права и приоритетной ценности человека» [4, с. 64].

Кроме того, внедрение цифровых технологий приводит к значительной уязвимости в аспекте сохранения конфиденциальности персональных данных граждан, что обуславливает рост угроз информационной безопасности. В связи с этим в государственной политике требуется учёт рисков киберугроз и их интеграция в стратегические планы цифровизации.

В России цифровизация государственного управления активно развивается благодаря реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Одной из её составляющих является проект «Цифровое государственное управление», который нацелен на повышение качества предоставления государственных услуг в электронном виде. Внутри этой программы особый акцент сделан на совершенствовании Единого портала государственных услуг, системы межведомственного взаимодействия и других инфраструктурных элементов, которые обеспечивают функционирование «электронного правительства».

Научные исследования демонстрируют, что российская модель цифрового управления на современном этапе сосредоточена преимущественно на предоставлении услуг в цифровом формате, но пока не уделяет достаточного внимания более широким аспектам улучшения социального благосостояния граждан. Такой подход создает вызовы для гармоничного включения всех социальных групп в цифровое образование, что является не менее важной задачей для формирования инклюзивной цифровой среды.

Международные практики цифровизации государственного управления, такие как шведская модель открытого правительства или южнокорейская платформа для «умных городов», предоставляют богатый материал для сравнения. «Основные преимущества зарубежных подходов выражаются в более быстром принятии решений за счет анализа данных, повышении государственной прозрачности и предоставлении гражданам доступа к дистанционным услугам. Тем не менее, проблемы

межведомственной координации и совместимости законодательной базы с глобальными технологическими изменениями остаются фундаментальными преградами даже для развитых стран» [5].

Особое внимание уделяется участию граждан в процессах цифрового государственного управления. Это позволяет не только повысить открытость и доверие к государственным институтам, но и создать механизмы обратной связи, которые способствуют быстрому реагированию на возникающие проблемы

Глобальный процесс цифровой трансформации формирует уникальный набор проблем и вызовов для государственного управления. Рассматривая эти проблемы, можно выделить следующие ключевые аспекты:

1. Институциональная инертность и сопротивление изменениям. Государственные структуры, как правило, обладают сложной бюрократической системой, что приводит к задержкам в модернизации процессов принятия управленческих решений. Ключевая проблема заключается в недостаточной гибкости государственной системы по сравнению с динамикой внешней технологической среды.

2. Дефицит квалифицированных кадров – успешная цифровизация государственного управления требует наличия в органах власти высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями в области цифровых технологий. Однако на практике часто наблюдается дефицит таких кадров, что тормозит реализацию стратегий цифровой трансформации.

3. Риски цифрового неравенства – один из главных вызовов цифровизации связан с тем, что доступ к новым информационным услугам и возможностям остаётся неравномерным среди различных групп населения. Это может привести к маргинализации наиболее уязвимых слоёв общества и созданию барьеров в доступе к государственным услугам.

4. Угрозы безопасности информации. С увеличением роли цифровых технологий в управлении растёт опасность кибератак, что требует создания комплексной системы защиты государственных информационных систем и данных граждан.

В эпоху цифровой трансформации масштаб использования информационных технологий и сетей продолжает неуклонно расти, что создает новые вызовы для защиты данных. Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, принятый в 2016 году, обеспечение национальной безопасности во многом связано с предотвращением кибератак, направленных на критическую информационную инфраструктуру и цифровое пространство страны. Действительно, кибератаки на энергетику, транспортные сети, банковский сектор или системы управления обороной могут привести к катастрофическим последствиям для национальной безопасности.

Одной из ключевых проблем становится рост числа киберпреступлений. Это демонстрирует необходимость разработки новых подходов в реагировании на информационные вызовы. В свою очередь, проводимые исследования в этой сфере, фокусируются на автоматизации процессов обнаружения угроз с использованием технологий искусственного интеллекта [6, с. 169–171].

В связи с особыми условиями, связанными с геополитической обстановкой в 2022–2023 годах, роль информационной безопасности возросла и с учетом нового направления агрессивной информационной политики недружественных государств. В частности, использование дезинформации и ряд киберугроз, как показано в работе Небренчина С. М., «ставит под угрозу не только внутреннюю политическую стабильность, но и социальные устои общества» [7, с. 212].

В российской практике данная проблема непосредственно регулируется федеральными законами: Закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и специализированный Закон №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Однако, как справедливо отмечает Зиновьева Е.С. в своих исследованиях, «в международном праве отсутствует понятийно-категориальный аппарат в области информационной безопасности, который влияет на международные отношения» [8, с. 235].

Обсуждение

Цифровизация государственного управления становится одной из центральных задач современной России. Такие проекты как «Цифровая экономика Российской Федерации» и обновлённая Доктрина информационной безопасности акцентируют внимание на необходимости проактивных мер, направленных на минимизацию информационных угроз за счёт новых технических решений. Введение электронного документооборота, развитие «Госуслуг», а также платформа «ГосТех» позволяют автоматизировать основные процессы управления, но влекут за собой повышенные риски утечки данных, что потребует дальнейшего усиления мер регулирования.

Использование цифровых технологий также наблюдается в сфере выборов. В 2023 г. электронное голосование дало возможность значительно ускорить процесс выборов и повысить их прозрачность,

но одновременно возникли угрозы кибератак и манипуляции голосами, требующие новых методов защиты информационных операций.

Современные исследования указывают на важность инвестирования в развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) как в защитных, так и в наступательных целях. Сегодня ИИ используются как для анализа больших данных, так и для создания самонаводящихся программ кибершпионажа на инфраструктурные объекты. По данным консенсуса, представленного Организацией Объединенных Наций на саммите в Лондоне 2023 года, необходимо глобальное согласование подходов в регулировании ИИ, что касается и вопроса манипуляции данными.

Способность России удерживаться в лидерах цифровизации требует не только технологий, но и инвестиции в человеческий капитал. Работа с утечками данных, оснащение IT-компаний современными средствами защиты и контроль сетевого трафика являются основой обеспечения внутренней стабильности процессов постиндустриального перехода.

Таким образом, этими процессами обусловлена необходимость формирования новой стратегии управления и мониторинга, связанной с дальнейшей цифровизацией. Фокус должен смещаться на активное использование платформенной экономики, атакующих Институтов кибербезопасности Российской Федерации, включая такие институциональные структуры как ОДКБ, и гранты на научные исследования в области ИИ.

Сложным остаётся вопрос противодействия фишинговым атакам, которые, согласно статистическим данным, входят в топ-3 угроз цифрового мира. В частности, кибератаки, использующие социальную инженерию, остаются наиболее сложными для отслеживания. Россия, будучи крупнейшим интернет-рынком Европы, столкнулась с необходимостью значительного увеличения кибертехнологий, таких как системы автоматического оповещения о попытках взлома.

Учитывая вышеизложенное, противодействие киберугрозам на современном этапе требует стратегического совмещения человеческого, технического и правового аспектов. Регулярное обновление законодательной базы, внедрение систем раннего оповещения о кибератаках и анализ повседневных угроз критической инфраструктуры остаются ключевыми аспектами государственной политики. Особо важной задачей становится разработка и внедрение интеграционной концепции к адаптации юридических норм к инновациям, включая передачу данных.

Важным инструментом защиты является также развитие системы патриотического воспитания в киберпространстве, которое формирует устойчивое мировоззрение и защиту граждан от чуждого влияния. Влияние стандартов ИКТ на восприятие угроз должно быть сбалансированным с сохранением национальной идентичности национальной информационной политики.

Концептуальная стратегия обеспечения информационной безопасности должна быть многокомпонентной и учитывать глобальные вызовы, технологические трансформации, присущие цифровой экономике угрозы, а также культурные защитные механизмы, способные реагировать на любые вызовы информационной эпохи. Критическая информационная инфраструктура (КИИ) включает в себя объекты, от функционирования которых зависит стабильность ключевых отраслей экономики, государственного управления, обороны, здравоохранения, финансирования и других систем, обеспечивающих жизнедеятельность государства.

Цифровая трансформация государственных институтов требует не только внедрения новых технологий, но и создания устоявшейся правовой среды, которая обеспечит адекватное и своевременное регулирование возникающих процессов. Одним из ключевых элементов модернизации является разработка комплекса нормативных актов, ориентированных на гармонизацию традиционного законодательства с новыми реалиями цифрового общества. Без такого подхода цифровизация государственного управления может столкнуться с правовыми пробелами, низким уровнем защиты данных и рисками потери доверия граждан к государственным институтам.

Основу правового регулирования цифровизации составляют нормы, направленные на защиту персональных данных, регулирование ответственности за использование цифровых инструментов и обеспечение информационной безопасности. В российской практике внедрение нового Федерального закона № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» стало одним из ключевых шагов для защиты государственных систем информации. Однако в контексте цифровой трансформации государственной политики потребность в разработке новых правовых механизмов возрастает. Например, важной проблемой остаётся недостаточное регулирование использования искусственного интеллекта в управленческих процессах и принятии решений.

Особую значимость приобретает вопрос юридической силы электронных документов. В условиях активного перехода государственных органов на электронный документооборот необходимо

разработать унифицированные стандарты, регулирующие формат, использование и защиту электронных подписей. На текущий момент в мировых практиках наблюдаются различия в подходах к регулированию электронных документов между странами, что затрудняет трансграничное взаимодействие, особенно при реализации международных цифровых проектов или программ.

Другим важным аспектом является организация законодательных баз для работы с большими данными (Big Data). Государственные структуры, активно использующие большие объёмы данных для анализа и прогнозирования социальных процессов, сталкиваются с необходимостью урегулирования вопросов анонимизации данных, их хранения, обработки и передачи. Примером может служить безопасность данных о гражданах, используемых в программах, таких как система электронных медицинских карт или цифровой паспорт гражданина.

Цифровизация государственного управления требует формирования институциональной правовой базы для реализации механизмов так называемых «регуляторных песочниц», которые позволяют проводить тестирование инновационных цифровых технологий в условиях временного освобождения от ряда норм действующего законодательства. В России данные механизмы используются в финансовом секторе, однако их интеграция в сферу государственного управления позволит ускорить внедрение инновационных решений.

На международном уровне также ведутся активные дискуссии по поводу координации правовых подходов к регулированию цифрового управления. Например, в Европейском Союзе с точки зрения регулирования искусственного интеллекта разрабатывается специальный «Акт об ИИ» (AI Act), который станет первой системой нормативного регулирования в этой области. Россия могла бы адаптировать подобные решения на национальном уровне, включая их в программы цифровой трансформации.

При этом информационная безопасность в системе государственного управления в современных условиях является ключевым фактором стабильности, суверенитета и устойчивого социально-экономического развития государства. Эффективное противодействие угрозам и минимизация рисков требуют интеграции усилий государства, бизнеса и общества, направленных на создание безопасной цифровой среды и надежной защиты данных и технологий [9, с. 86].

Цифровизация изменяет не только технические аспекты государственного управления, но и сами принципы организации работы государственных органов. Традиционная концепция государственной службы, основанная на иерархической структуре, всё чаще уступает место сетевым и гибким моделям управления. Госаппарат переходит к концепциям «цифрового государства» и «госуслуг 2.0», где центральное место занимает взаимодействие с гражданами и обеспечение обратной связи.

Авторы таких подходов подчёркивают, что успешная цифровизация государственных структур зависит от интеграции трех основных компонентов: данных, технологий и культуры внутри управления [10, р. 2]. При этом ключевым элементом становится не только внедрение технологий, но и пересмотр традиционных управленческих парадигм.

На основе анализа мирового опыта цифровизации и выявленных вызовов можно предложить несколько авторских решений, которые помогут ускорить процесс адаптации государственного управления к цифровой эпохе:

1. Комплексное развитие компетенций сотрудников органов государственной власти. Необходимо разработать и реализовать образовательные программы для государственных служащих, направленные на обучение основам цифровой грамотности, работе с большими данными, применению технологий искусственного интеллекта. Программы должны предусматривать как базовую подготовку, так и повышение квалификации.

2. Создание цифровой экосистемы управления. Применение концепции единого цифрового пространства позволит интегрировать различные государственные системы, что обеспечит их совместимость и синхронизацию. В рамках такой экосистемы можно внедрять технологии управления на основе данных (Data-driven governance), что даст возможность более точно анализировать социально-экономические процессы и принимать обоснованные управленческие решения.

3. Регуляторные «песочницы». Для облегчения внедрения инновационных цифровых решений в государственном управлении предлагается внедрить механизм регуляторных «песочниц». Это обеспечит испытание и адаптацию новых технологий в условиях реального времени без излишних законодательных ограничений.

4. Инструменты для снижения цифрового неравенства. В качестве одной из ключевых мер необходимо разработать программы по увеличению доступности интернета и цифровых технологий

в удалённых и сельских территориях. Создание «цифровых центров» позволит обеспечить равный доступ граждан к государственным услугам.

5. Обеспечение информационной безопасности. Реализация программы кибербезопасности на уровне государства должна включать внедрение как технических средств защиты, так и обучение госслужащих основам предотвращения атак, связанных с хакерскими угрозами и утечкой данных.

На основе предложенных решений можно дополнительно включить разработку правового механизма, который будет ориентирован на регулирование цифровой трансформации государственного управления. Для этого необходимо создать комплексную законодательную базу, учитывающую специфику внедрения цифровых технологий. Этот механизм должен предусматривать правовые нормы для защиты цифровых данных, создание стандартов работы с искусственным интеллектом и большими данными, а также обеспечение прав граждан в условиях цифровизации. Фундаментом такого механизма может стать принятие рамочного закона о цифровом управлении, который будет определять основные принципы, ориентиры и методы регулирования данной сферы, а также регулировать использование инновационных решений, формируя баланс между развитием технологий, правовой защитой и свободами граждан.

Заключение

Современный этап цифровой трансформации предъявляет уникальные требования к системе государственного управления, которые возникают из-за необходимости реагировать на быстро изменяющуюся технологическую среду. Успешная цифровизация требует комплексного подхода, включающего как модернизацию технической базы, так и развитие человеческого капитала, нормативных и организационных подходов. Несмотря на существующие вызовы, цифровая трансформация предоставляет государству уникальную возможность повысить свою эффективность, сделать управление более прозрачным и ориентированным на потребности общества.

Правовой аспект цифровизации государственного управления предполагает не только устранение пробелов в законодательстве, но и использование права как инструмента защиты общественных интересов, обеспечения ответственности за нарушения в цифровой среде и создания условий для эффективного взаимодействия граждан и государства. Регулярное обновление законодательства и его адаптация к вызовам цифровой эпохи позволят минимизировать социальные, экономические и правовые риски, сформировав устойчивую правовую среду для цифрового государства.

Предложенные в научной статье решения, включая цифровую экосистему, образовательные инициативы и регуляторные песочницы, могут стать основой для формирования нового поколения государственного управления, адаптированного к реалиям цифрового века. Такой научный подход позволит не только создать новые управленческие парадигмы, но и заложить основу для устойчивого развития государства в условиях стремительных технологических изменений. Переход к цифровой эпохе оказывает существенное влияние на все аспекты социально-экономического и политического развития государства. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся мощным инструментом трансформации государственного управления, оптимизируя его процессы и открывая новые возможности для взаимодействия между публичной властью и гражданским обществом как на национальном, так и на региональном уровнях. Это обусловлено способностью ИКТ трансформировать традиционные способы административной деятельности, повышая их эффективность, прозрачность, структурированность и приспособляемость к изменчивым условиям цифрового общества.

Список источников

1. Назаренко Т. С., Новикова И. В. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо // Стратегирование: теория и практика. 2023. №2. С. 140–157. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-2-140-157
2. Бурденко Е.В. Модели электронного правительства // January 2023. Russian Journal of Innovation Economics. 13(1):59–76. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117234
3. Лихтин А. А., Ковалев А. А. Теоретические аспекты понятия «Информационная политика» и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. 2017. №1 (97). С. 29–36.
4. Рыбаков О. Ю. Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства // Правосудие. 2024. №3. С. 59-74. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.59-74
5. Титова А. И. Предоставление государственных услуг в электронном виде: зарубежный опыт и российская практика // Инновации и инвестиции. 2018. № 5. С. 169–174.

6. Козаев Н. Ш. Киберпреступность в современном мире: тенденции, вызовы и стратегии противодействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 146–153. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-11-9

7. Небренчин С. М. Актуальные вопросы укрепления информационной безопасности России в связи со специальной военной операцией на Украине // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18-1. С. 211–216.

8. Зиновьева Е. С. Перспективные тенденции формирования международного режима по обеспечению информационной безопасности // Вестник МГИМО. 2016. №4 (49). С. 235-247. DOI: org/10.24833/2071-8160-2016-4-49-235-247

9. Алексеева М. В., Определение категории «Информационная деятельность» в юридической науке // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 1 (20). С. 86–90.

10. Janowski T., Estevez E., Baguma R. Platform governance for sustainable development: Reshaping citizen-administration relationships in the digital age. – Government Information Quarterly, 2018. – № 35(4). – PP. 1–16. DOI: 10.1016/j.giq.2018.09.002

References

1. Nazarenko T. S., Novikova I. V. Digital Transformation of Public Administration as a Strategic Public Good. *Strategizing: Theory and Practice*. 2023;(2):140–157. (In Russ.)

2. Burdenko E. V. E-government models. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2023;13(1):59–76.

3. Likhtin A. A., Kovalev A. A. Theoretical aspects of the concept of "Information Policy" and features of its implementation in modern Russian socio-political reality. *Management Consulting*. 2017;1(97):29–36. (In Russ.)

4. Rybakov O. Yu. Legal information culture in the context of digital transformation of society and state. *Justice*. 2024;(3):59–74. (In Russ.)

5. Titova A. I. Provision of State Services in Electronic Form: Foreign Experience and Russian Practice. *Innovations and Investments*. 2018;(5):169–174. (In Russ.)

6. Kozhaev N. Sh. Cybercrime in the Modern World: Trends, Challenges, and Counteraction Strategies. *Humanities, Socio-Economic, and Social Sciences*. 2024;(11):146–153. (In Russ.)

7. Nebrenchin S. M. Current Issues of Strengthening Russia's Information Security in Connection with the Special Military Operation in Ukraine. *Russia: Trends and Development Prospects*. 2023;(18-1):211–216. (In Russ.)

8. Zinovieva E. S. *Perspective Trends in the Formation of an International Regime for Ensuring Information Security*. *MGIMO Bulletin*. 2016;4(49):235–247. (In Russ.)

9. Alekseeva M.V. Definition of the Category "Information Activity" in Legal Science. *Science and Education: Economy and Industry; Entrepreneurship; Law and Management*. 2012;1(20):86–90. (In Russ.)

10. Janowski T., Estevez E., Baguma R. Platform Governance for Sustainable Development: Reshaping Citizen-Administration Relationships in the Digital Age. *Government Information Quarterly*. 2018;35(4):1–16.

Информация об авторах

М. В. Алексеева – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой «Теория и история государства и права» ДГТУ; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала РТА.

Ю. И. Исакова – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» ДГТУ.

Information about the authors

M. V. Alekseeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Don State Technical University; Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Rostov branch of the Russian Customs Academy.

Yu. I. Isakova – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law at Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ*

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 59–68
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(2):59–68

Цифровизация избирательного процесса: перспективы и риски

Научная статья
УДК 342.8
EDN [DJCDQG](#)

Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права

Светлана Владиславовна Петрова

Сочинский государственный университет, Сочи, Россия,
solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

Аннотация

Введение. В условиях цифровой трансформации публичной власти область реализации избирательных прав приобретает новое правовое измерение, требующее конституционно-правового переосмысления. Дистанционное электронное голосование становится правовой формой реализации активного избирательного права, при этом его юридическая природа и допустимость должны оцениваться с точки зрения соответствия базовым конституционным принципам. Расширение цифровых механизмов волеизъявления граждан влечет необходимость строгого нормативного закрепления гарантий свободы, равенства и тайны голосования.

Цель. Конституционно-правовой анализ дистанционного электронного голосования как формы реализации активного избирательного права в условиях масштабной цифровой трансформации публичной власти.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают правовые последствия внедрения электронных форм волеизъявления, а также их соответствие основополагающим принципам демократического избирательного процесса. В качестве основных источников использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда РФ, зарубежная судебная практика (в частности, прецедент BVerfG 2009 г.), а также научные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам цифровизации публичной власти и избирательных процедур. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-системный и институциональный методы.

Результаты. В ходе анализа заявленной темы установлено, что действующее законодательство в области дистанционного электронного голосования носит фрагментарный характер, не обеспечивает достаточного уровня правовой защиты граждан, определенности, прозрачности и процедурных гарантий. В статье обоснована необходимость комплексной правовой и организационной модернизации избирательного законодательства с целью согласования инновационных технологий с фундаментальными конституционными принципами. Дистанционное электронное голосование рассматривается как важный и необходимый, но рискованный инструмент электоральной модернизации, реализация которого требует институциональной системности, нормативной четкости и высокого уровня цифровой достоверности.

Выводы. В условиях цифровой трансформации публичной власти дистанционное электронное голосование представляет собой не только технологическое новшество, но и институциональный вызов, требующий системного конституционно-правового осмысления.

© Петрова С. В., 2025

* В данном разделе опубликованы статьи, написанные авторами в рамках совместного тематического проекта с научными журналами: «Журнал политических исследований» и «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Дальнейшее развитие института электронного голосования должно основываться на конституционной модели выборов, ориентированной на обеспечение публичного доверия, юридической предсказуемости и правовой ответственности. Концептуальный подход к цифровизации выборов требует согласования технологических решений с фундаментальными конституционными принципами, что предполагает не запрет, а нормативную интеграцию инноваций в рамки правового государства.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательное право, цифровизация, конституционные принципы, тайна голосования, свобода волеизъявления, равенство кандидатов, правовая определенность, легитимность выборов, избирательная инженерия, цифровая демократия, цифровое неравенство, нормативное регулирование

Для цитирования: Петрова С. В. Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 59–68. EDN [DJCDQG](#)

Digitalization of the electoral process: prospects and risks

Original article

Constitutional and legal challenges of electoral digitalization: remote electronic voting in the focus of law

Svetlana V. Petrova

Sochi State University, Sochi, Russia, solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

Abstract

Introduction. In the context of the digital transformation of public power, the field of exercising electoral rights is acquiring a new legal dimension that requires a constitutional and legal rethink. Remote electronic voting is becoming a legal form of exercising active suffrage, while its legal nature and permissibility should be assessed in terms of compliance with basic constitutional principles. The expansion of digital mechanisms for the expression of citizens' will entails the need for strict regulatory enforcement of guarantees of freedom, equality and secrecy of voting.

Purpose. Constitutional and legal analysis of remote electronic voting as a form of implementation of active suffrage in the context of a large-scale digital transformation of public power.

Materials and methods. The object of the study is the legal consequences of the introduction of electronic forms of expression of will, as well as their compliance with the fundamental principles of the democratic electoral process. The main sources used are the normative legal acts of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, foreign judicial practice (in particular, the precedent of the BVerfG in 2009), as well as the scientific works of domestic and foreign researchers devoted to the digitalization of public power and electoral procedures. The methodological basis consists of comparative legal, formal legal, logical-systemic and institutional methods.

Results. During the analysis of the stated topic, it was found that the current legislation in the field of remote electronic voting is fragmented, does not provide a sufficient level of legal protection of citizens, certainty, transparency and procedural guarantees. The article substantiates the need for a comprehensive legal and organizational modernization of electoral legislation in order to harmonize innovative technologies with fundamental constitutional principles. Remote electronic voting is considered as an important and necessary, but risky instrument of electoral modernization, the implementation of which requires institutional consistency, regulatory clarity and a high level of digital reliability.

Conclusions. In the context of the digital transformation of public power, remote electronic voting is not only a technological innovation, but also an institutional challenge that requires a systematic constitutional and legal understanding. Further development of the institution of electronic voting should be based on the constitutional model of elections, focused on ensuring public trust, legal predictability and legal responsibility. The conceptual approach to digitalization of elections requires the coordination of technological solutions with fundamental constitutional principles, which implies not a ban, but the normative integration of innovations into the framework of the rule of law.

Keywords: remote electronic voting, electoral law, digitalization, constitutional principles, secrecy of voting, freedom of expression, equality of candidates, legal certainty, legitimacy of elections, electoral engineering, digital democracy, digital inequality, regulatory regulation

For citation: Petrova S. V. Constitutional and legal challenges of electoral digitalization: remote electronic voting in the focus of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):59–68. (In Russ.). EDN [DJCDQG](#)

Введение

В последнее время тема цифровизации и внедрения инновационных информационных технологий во все сферы жизни общества стала одним из основных трендов исследования и обсуждения на всех форумах, конференциях и среди представителей экспертного сообщества Российской Федерации. Для действующих политиков вопрос цифровизации находится в практической плоскости, в которой приходится существовать, на которую необходимо ежедневно реагировать. Для научного сообщества – это вопрос функционирования политических процессов и отдельных их направлений (например, избирательных процессов – «цифровой участок», «электронная демократия» и т.п.). И здесь ключевой сложностью является нахождение оптимального сочетания традиционных демократических институтов и использования цифровых технологий в пространстве публичной политики [1, с. 173–176; 2, с. 192–196].

В условиях цифровой трансформации публичной власти область реализации избирательных прав приобретает новое правовое измерение, требующее конституционно-правового переосмысления. Дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ) становится правовой формой реализации активного избирательного права, при этом его юридическая природа и допустимость должны оцениваться с точки зрения соответствия базовым конституционным принципам. Расширение цифровых механизмов волеизъявления граждан влечет необходимость строгого нормативного закрепления гарантий свободы, равенства и тайны голосования. Возникают обоснованные правовые риски, связанные с недостаточной определенностью правового регулирования, ограничением доступа к избирательной инфраструктуре, а также возможностью нарушения принципа равноправия кандидатов. В условиях действия положений ст. 3 и 32 Конституции РФ требуется системный и комплексный подход к правовому регулированию ДЭГ. Представляется обоснованным проведение конституционно-правового анализа допустимости и пределов внедрения электронного голосования в избирательный процесс.

Обзор научной литературы

Современная научная литература демонстрирует возрастание интереса к вопросам цифровизации избирательных процессов и, в частности, к правовым аспектам дистанционного электронного голосования. Исследователи сходятся во мнении, что цифровизация выборов является не просто техническим этапом развития электоральной системы, а представляет собой серьезный институциональный вызов, требующий переосмысления базовых конституционно-правовых принципов.

Так, А. Филиппов подчеркивает, что современная юриспруденция должна учитывать не только традиционные подходы, но и глобальные сдвиги, обусловленные развитием цифрового уклада, что влечет за собой необходимость переосмысления нормативных основ публичной власти и демократического волеизъявления [3]. Эту позицию разделяет и ученый М. В. Ильичева, отмечая, что масштабная цифровизация трансформирует не только формы взаимодействия граждан с государством, но и саму структуру публичной власти, делая ее более сетевой и интерактивной [4].

Цифровизация, как указывает О. А. Ястребов, – это неотъемлемая часть цивилизационного скачка, охватывающая все сферы, включая выборы, где на первый план выходят вопросы правовой определенности, транспарентности и легитимности процедур [5]. В контексте правового регулирования данных процессов С. А. Степанян акцентирует внимание на необходимости соответствия новых форм волеизъявления основополагающим конституционным принципам, таким как равенство, тайна голосования и доверие к результатам [6–7].

Особую обеспокоенность вызывает проблема соответствия ДЭГ принципу свободы выборов. Исследователи, включая А. А. Ларичева и В. А. Ржановского, обращают внимание на утрату институциональных гарантий добровольности голосования в неконтролируемой среде, а также на риски нарушения тайны голосования и цифрового неравенства [8]. В юридической науке существует консенсус в том, что правовая конструкция ДЭГ в России пока остается фрагментарной и недостаточно детализированной, что снижает уровень юридической определенности и предсказуемости [9–10].

Актуальность системного подхода к реформированию нормативно-правовой базы подчеркивается И. А. Брикульским, который указывает на необходимость внедрения правовых стандартов, адаптированных к специфике цифровой среды, включая механизмы цифрового наблюдения, идентификации избирателей и верификации результатов голосования [11].

Обзор научных позиций свидетельствует о формировании в российской и зарубежной научной литературе критического и одновременно конструктивного дискурса вокруг ДЭГ как феномена цифровой демократии. На повестке дня стоит задача поиска правового баланса между инновациями и соблюдением основ конституционного строя, в рамках которого ДЭГ должно развиваться как демократически легитимная и технологически безопасная форма реализации избирательных прав.

Материалы и методы

В основе настоящего исследования заложен комплекс научных методов, обеспечивающих системный и всесторонний правовой анализ ДЭГ как формы реализации активного избирательного права гражданами. Методологическая база включает в себя: сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-системный и институциональный методы, каждый из которых был применен на отдельных этапах работы.

На первоначальном этапе был использован формально-юридический метод, позволивший проанализировать действующее законодательство Российской Федерации, включая Федеральный закон от 12.06.2002 № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», специальные законы о выборах, а также нормативные акты Центральной избирательной комиссии. В рамках этого подхода была осуществлена систематизация правовых норм, определяющих порядок ДЭГ, с целью выявления пробелов, противоречий и неопределенностей.

Далее применялся сравнительно-правовой метод, с помощью которого исследовано законодательное регулирование электронного голосования в зарубежных странах (Эстония, Германия, Франция, США и др.). Сравнение правовых моделей осуществлялось по следующим параметрам: институциональные гарантии транспарентности, механизмы цифровой идентификации, процедурные формы правового контроля, обеспечение тайны голосования и равенства избирательных прав.

Логико-системный метод использовался на этапе интерпретации правовых норм и их соотношения с базовыми конституционными принципами – свободой выборов, равенством кандидатов, тайной голосования и правовой определенностью. На основе этого подхода были построены аргументы относительно неконституционности текущей редакции отдельных норм, регулирующих ДЭГ, а также предложены концептуальные направления реформы правового регулирования.

Институциональный метод применялся для анализа трансформации правовой природы избирательного процесса в условиях цифровизации. Исследование проводилось с акцентом на изменении роли публичной власти, характера электоральных процедур и принципов демократической легитимности. Особое внимание уделено формированию цифровой избирательной инфраструктуры, распределению компетенций между государственными органами и степени вовлеченности институтов гражданского контроля.

В ходе анализа источников использовались официальные материалы ЦИК РФ, данные зарубежных конституционных судов (например, решение Федерального конституционного суда Германии от 3 марта 2009 г.), а также научные публикации российских и иностранных правоведов. Комбинация указанных методов обеспечила научную достоверность исследования и позволила обосновать выводы относительно конституционной допустимости и рисков институционализации ДЭГ в российской избирательной системе.

Результаты

В условиях развития информационного общества особенно остро встает вопрос о сохранении правовой природы выборов как формы непосредственной демократии. Конституционно-правовая наука сталкивается с задачей переосмысления базовых понятий, таких как легитимность, прозрачность и контроль в новом цифровом измерении. При этом важно учитывать, что техническая модернизация не может подменять собой конституционные гарантии и должна быть им подчинена. Электронное голосование, будучи объектом правового регулирования, должно оцениваться не только с позиции удобства и эффективности, но и сквозь призму обеспечения устойчивости демократических институтов. Вопросы правовой определенности, а также равного доступа и доверия к процедуре голосования становятся ключевыми в дискурсе о цифровой трансформации выборов.

Современное нормативное регулирование нередко отстает от темпов технологического развития, что порождает риски правовой неопределенности и подрыва доверия к электоральным институтам. В этой связи возникает необходимость формирования новых методологических подходов к исследованию соотношения электронного голосования и конституционно-правовых принципов. Настоящее исследование направлено на выявление границ допустимости цифровизации избирательного процесса с точки зрения требований Конституции [6, с. 304–306].

В своем исследовании ученый А. Филиппов справедливо отмечает, что юриспруденция – это сфера не только практической мудрости и не только ремесло, а часть человеческой деятельности, которая тысячу нитями связана с историей авантюры европейского рационализма [3] и динамически меняющийся мировой технологически уклад жизни влечет за собой и переформатирование власти,

а также иного подхода к нормативно-правовому регулированию. В продолжение данной мысли М.В. Ильичева отмечает, что макро масштабная цифровизация всех сфер жизни приводит к кардинальным изменениям не только организаций гражданского общества ну и всего устройства публичной власти, способствует формированию новых форм коммуникации между административными структурами и обществом [4, с. 28].

Важно отметить, что цифровая трансформация – это естественный, необходимый и даже неизбежный процесс технологического развития цивилизации, в его основе лежит поиск инновационных технологий, способных улучшить качество жизни граждан во всех сферах; цифровая трансформация ведет к революционному скачку в цивилизационном развитии общества [5, с. 315–328].

Указанные изменения в полной мере проявляются в электоральной сфере, где цифровизация не только повышает скорость и масштабность обработки избирательных данных, но и трансформирует базовые условия реализации активного избирательного права. Электронное голосование как инструмент цифровой трансформации выборов требует строгой правовой регламентации, соразмерной его потенциальному воздействию на принципы свободных и справедливых выборов [12, с. 165–167]. Внедрение цифровых технологий на стадиях голосования и подсчета голосов обуславливает необходимость проверки их совместимости с императивами конституционного права, включая принципы равенства избирательных прав, тайны голосования, легитимности и подотчетности избирательных процедур [13, с. 465–466]. Правовая среда должна обеспечивать баланс между технологическим прогрессом и сохранением правовых гарантий, закрепленных в Основном законе. В этом контексте цифровизация избирательного процесса выступает не только как средство повышения эффективности голосования, но и как правовая проблема, требующая системного подхода с позиции конституционной допустимости, нормативной предсказуемости и институциональной устойчивости выборов в условиях цифровой реальности. Это – настоящее требование цифровой эпохи и часть модификаций функционирования всей системы институтов электоральной демократии, которая активно развивается в России, ряде иных государств и находится в центре внимания наднациональных органов и организаций [14].

В условиях глобальной цифровизации политико-правовые режимы все активнее интегрируют в избирательный процесс технологии дистанционного голосования, в частности интернет-голосования, которое рассматривается как инструмент модернизации электоральной системы и расширения доступности реализации активного избирательного права. На современном этапе правовой и институциональной апробации данная форма волеизъявления используется, в той или иной степени, в 14 государствах, включая Австралию, Армению, Испанию, Канаду, Мексику, Новую Зеландию, Панаму, Таиланд, Финляндию, Францию, Швейцарию, США, Эстонию и Японию. Во многих из них интернет-голосование осуществляется либо в пилотном порядке, либо в ограниченных масштабах – преимущественно для отдельных категорий избирателей, таких как граждане, проживающие за рубежом, – с целью оценки технологической и правовой устойчивости соответствующих процедур [15].

Особое значение для правовой оценки электронного голосования имеет прецедент из Германии: в 2009 г. Федеральный конституционный суд ФРГ признал неконституционным использование электронных систем голосования, указав на нарушение принципа транспарентности избирательного процесса [16]. Суд обосновал свою позицию тем, что применение компьютерных технологий не позволяет гражданам без специальных технических знаний самостоятельно проверить корректность подсчета голосов, тем самым подрывая легитимность и открытость выборов. Этот случай стал ориентиром для юридических подходов, исходящих из приоритета фундаментальных избирательных принципов над целями технологической эффективности.

Стандарт правовой определенности предполагает, что нормы закона должны быть сформулированы таким образом, чтобы субъекты правоотношений могли ясно понимать как свои права и обязанности, так и правовые последствия своих действий. Особенно актуально это требование в контексте регулирования новых, ранее неизвестных форм волеизъявления, к которым относится ДЭГ. Внедрение новых информационно-цифровых технологий в различные сферы общественной деятельности увеличивает уровень качества жизни, в том числе и цифровизация избирательного процесса позволяет повысить эффективность и результативность этой политической процедуры, но также сопряжено и с рядом рисков и угроз. Это обуславливает необходимость анализа исследования проблем ДЭГ напрямую связанных с защитой избирательных прав граждан Российской Федерации [10, с. 3–10].

В политико-правовом аспекте ДЭГ представляет собой не просто техническую инновацию, а институциональное новшество, затрагивающее основы демократического избирательного

механизма. В отличие от традиционного бумажного голосования, ДЭГ характеризуется высокой степенью цифровой абстракции и технологической опосредованности процедур, что, в свою очередь, требует особой строгости и системности в нормативной проработке всех этапов его осуществления. Отсутствие прямого физического контроля за ходом голосования и подсчета голосов усиливает значение правовых гарантий, направленных на обеспечение транспарентности, верифицируемости и защиты избирательных прав [11].

Однако анализ действующего законодательства Российской Федерации в сфере регулирования ДЭГ выявляет значительные дефекты нормативной конструкции. В частности, положения пункта 14 статьи 64 и статьи 64.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» делегируют Центральной избирательной комиссии право устанавливать порядок проведения ДЭГ, не определяя при этом пределов усмотрения соответствующего органа, а также не фиксируя в законе достаточный объем содержания и процедурных гарантий. Закон фактически абстрагируется от прямого регулирования ключевых элементов ДЭГ, включая механизмы обеспечения тайны голосования, возможности эффективного наблюдения, защиты от внешнего вмешательства, процедур верификации и оспаривания результатов голосования. Такое правовое регулирование не соответствует стандарту правовой определенности и вступает в противоречие с конституционными принципами проведения выборов, закрепленными в статье 3 указанного Закона и в статье 32 Конституции РФ.

Особенно критичной представляется ситуация, в которой положения специальных законов о выборах Президента РФ и депутатов Государственной Думы отсылают к нормам закона общего характера, которые либо регулируют ДЭГ лишь фрагментарно, либо не содержат положений по существу. Подобное законодательное решение нарушает принцип системности правового регулирования и создает нормативную неопределенность, при которой отсутствуют четко зафиксированные правила поведения, а также границы публичных полномочий избирательных комиссий при реализации ДЭГ [9, с. 25–30].

Правовой вакуум, сложившийся вокруг дистанционного электронного голосования, следует квалифицировать не только как правовую неопределенность, но как наличие правового пробела – то есть отсутствие правового регулирования по вопросу, который имеет определяющее значение для содержания и реализации конституционного избирательного права. Согласно правовым позициям, неоднократно сформулированным Конституционным Судом РФ, наличие непреодолимого пробела в законодательстве, касающегося реализации основных прав, является основанием для признания соответствующих норм неконституционными¹. Более того, даже сама по себе правовая неопределенность – без фактического пробела – может служить основанием для вывода о неконституционности, поскольку нарушает требования правовой предсказуемости, юридической безопасности и правовой стабильности².

Одним из центральных конституционно-правовых принципов, подвергающихся трансформации и потенциальному риску нарушения в контексте ДЭГ, является принцип свободы выборов, закрепленный в Конституции Российской Федерации (ст. 3, 32).

Принцип свободы выборов предполагает, с одной стороны, отсутствие внешнего давления на волеизъявление граждан, а с другой – реальную возможность для избирателя реализовать свое активное избирательное право в условиях, исключающих принуждение, давление, контроль или вмешательство третьих лиц [17]. Ключевой характеристикой свободных выборов является автономия избирателя в момент голосования, защищенная как институциональными, так и техническими гарантиями, включая конфиденциальность избирательной воли и независимость процедуры голосования.

В условиях дистанционного электронного голосования данный принцип подвергается целому ряду девиаций.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56508; Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 5-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98203; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019/

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220701/; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123851/

Во-первых, отсутствует эффективный контроль за соблюдением добровольности волеизъявления в неконтролируемой среде – например, при голосовании из дома, с личного устройства, где избиратель потенциально может находиться под давлением членов семьи, работодателей, иных заинтересованных лиц. В отличие от традиционного голосования на избирательном участке, где организована институциональная защита тайны и добровольности волеизъявления, электронная среда исключает возможность обеспечения подобных условий в равной степени [18, с. 316–322]. Следовательно, де-факто нарушается базовая презумпция того, что акт голосования совершается в условиях полной свободы [8, с. 35–52].

Во-вторых, специфика электронного голосования в цифровой инфраструктуре порождает сомнения в самостоятельности выбора, обусловленные техническими рисками – от уязвимостей программного обеспечения до возможности скрытого вмешательства в процесс передачи и подсчета голосов. Эти аспекты снижают не только субъективное ощущение свободы у самого избирателя, но и объективную проверяемость исполнения принципа свободы выбора, поскольку избиратель не обладает средствами проверки корректности учета своего голоса, а также отсутствует возможность убедиться в том, что его волеизъявление не было искажено.

В-третьих, принцип свободы предполагает равный доступ к реализации избирательного права, что в условиях ДЭГ может быть нарушено вследствие цифрового неравенства – различий в уровне цифровой грамотности, наличии устройств, подключенности к интернету и иных факторов.

В продолжение анализа конфликта между конституционными принципами и дистанционным электронным голосованием необходимо предметно рассмотреть проблему обеспечения тайны голосования, а также связанную с ней угрозу голосования за других лиц, которая прямо затрагивает основу индивидуализированного и свободного волеизъявления.

Принцип тайного голосования является одним из краеугольных конституционных стандартов избирательного процесса, закрепленных как в Конституции Российской Федерации (часть 3 статьи 3), так и в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав...» (статья 3). Он гарантирует, что волеизъявление избирателя должно быть скрыто от любых внешних субъектов, чтобы исключить давление, принуждение, подкуп и иные формы влияния.

Одним из фундаментальных начал демократического избирательного процесса является принцип равенства кандидатов, вытекающий из общего принципа равенства перед законом и гарантируемого Конституцией Российской Федерации (статья 19), а также конкретизированного в избирательном законодательстве (статья 3 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Указанный принцип означает, что все кандидаты должны находиться в равных юридических и фактических условиях при осуществлении избирательной кампании, в частности – в части доступа к избирателям, распространения агитационной информации, взаимодействия со СМИ, контроля за процессом голосования и подсчета голосов.

Однако при внедрении ДЭГ возникают структурные и институциональные риски нарушения данного принципа, связанные как с технологической архитектурой электоральной платформы, так и с непрозрачностью механизма ее функционирования.

Можно выделить две основные формы нарушения принципа равенства кандидатов при ДЭГ: централизация контроля над технологической инфраструктурой и электронная платформа, с помощью которой проводится голосование, как правило, находится в исключительном ведении органов публичной власти или аффилированных технических операторов.

Кандидаты, не обладающие доступом к системам хранения, обработки и трансляции информации, фактически исключены из возможности наблюдать и верифицировать ключевые этапы голосования, что ставит их в неравное положение по сравнению с организаторами избирательного процесса.

Еже одно проявление девиации при цифровизации избирательного процесса – это неравный доступ к информации о ходе и результатах голосования. Если процедура электронного голосования лишена механизма аудита, публичного контроля и верификации, кандидаты не могут на равных условиях оспаривать результаты, фиксировать нарушения, участвовать в судебной защите своих прав. В таких условиях административный ресурс и техническое преимущество могут быть использованы в ущерб равной конкуренции.

В свете выявленных коллизий между фундаментальными конституционными принципами и действующими механизмами дистанционного электронного голосования, очевидной становится необходимость разработки комплекса как правовых, так и политико-управленческих мер, направленных

на минимизацию рисков и устранение нормативных, институциональных и технологических деформаций избирательного процесса.

Во-первых, требуется системная реформа нормативно-правовой базы, регулирующей электронное голосование, с фокусом на восполнение правовых пробелов и устранение правовой неопределенности. Это предполагает кодификацию базовых принципов ДЭГ на уровне федерального закона, а не подзаконного регулирования. В частности, необходимо закрепление детальных процедурных гарантий: идентификации избирателя, обеспечения тайны голосования, протокольного контроля, условий цифрового наблюдения, аудита и верификации результатов. Необходимо закрепление механизмов правового контроля и обжалования, адаптированных к цифровой специфике. Электронный формат не должен исключать возможность своевременного и эффективного обжалования действий избирательных комиссий или организаторов ДЭГ.

Еще одной мерой, направленной на минимизацию рисков при ДЭГ, выступает установление паритетного доступа кандидатов и партий к информационной и цифровой инфраструктуре, включая правовое урегулирование цифровой агитации, прозрачность алгоритмов распределения информации в онлайн-пространстве и регулирование доступа к избирательной платформе.

Также необходимо организовать юридическую институционализацию цифрового наблюдения, включая участие независимых наблюдателей, представителей кандидатов и технических специалистов при обеспечении процедур голосования, хранения и подсчета голосов и разработать междисциплинарные стандарты цифровой доверенности – правовых, технических и этических критериев, которым должна соответствовать платформа для голосования (включая открытость исходного кода, использование криптографических технологий и блокчейна, безопасность персональных данных).

Во-вторых, параллельно с правовыми реформами необходимо принятие комплекса политико-управленческих решений, ориентированных на формирование доверительной среды и укрепление институциональной устойчивости избирательной системы:

1. Переход от закрытых решений к инклюзивным моделям управления выборами, включая открытые обсуждения архитектуры электронного голосования, участие экспертов, представителей гражданского общества и политических партий на всех этапах разработки и внедрения систем.

2. Создание независимого органа или платформы цифрового электорального мониторинга, осуществляющего экспертизу технологий и протоколов ДЭГ, а также формирующего публичные рекомендации по корректировке процедур.

3. Проведение поэтапной апробации новых форм электронного голосования, начиная с добровольного применения в ограниченном территориальном или категориальном масштабе (например, для избирателей, находящихся за рубежом), с обязательным подведением научной и правовой оценки результатов.

4. Внедрение программ цифровой избирательной грамотности, направленных на снижение цифрового неравенства среди избирателей, повышение их информированности и критической восприимчивости к цифровым угрозам и манипуляциям.

5. Обеспечение технологического суверенитета в сфере избирательной инфраструктуры путем использования открытого программного обеспечения, национальных систем шифрования и цифровой идентификации, что снизит зависимость от внешних вендоров и повысит безопасность выборов.

Современные вызовы нельзя решать методами правового отрицания. Отказ от ДЭГ как инновационной формы реализации избирательных прав, к которому прибегли некоторые государства, – мера скорее вынужденная и ситуативная, чем системно оправданная. Такой отказ может привести к технологической и институциональной стагнации, утрате глобальной конкурентоспособности и снижению эффективности публичного управления.

Выводы

В условиях цифровой трансформации публичной власти дистанционное электронное голосование представляет собой не только технологическое новшество, но и институциональный вызов, требующий системного конституционно-правового осмысления. Установлено, что цифровизация избирательных процедур порождает напряженность между требованиями эффективности и скорости с одной стороны и принципами легитимности, прозрачности, правовой определенности – с другой. Современное законодательство Российской Федерации демонстрирует фрагментарный и неполный подход к нормативной регламентации ДЭГ, что ставит под угрозу реализацию базовых избирательных прав, включая свободу и тайну голосования, равенство кандидатов и правовой контроль за процедурами.

Выявленный правовой пробел в регулировании электронного волеизъявления не только нарушает стандарт правовой определенности, но и трансформирует саму правовую природу избирательного процесса как института представительной демократии. При этом международная практика демонстрирует возможность поэтапной, институционально выверенной интеграции цифровых технологий в электоральную систему при условии соблюдения правовых гарантий и технической достоверности. Дальнейшее развитие института электронного голосования должно основываться на конституционной модели выборов, ориентированной на обеспечение публичного доверия, юридической предсказуемости и правовой ответственности. Концептуальный подход к цифровизации выборов требует согласования технологических решений с фундаментальными конституционными принципами, что предполагает не запрет, а нормативную интеграцию инноваций в рамки правового государства.

Список источников

1. Петрова С. В. Политические процессы в Российской Федерации в условиях глобальной цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 173-176. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-173-176
2. Петрова С. В., Сидорова А. В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 192-196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
3. Филиппов А. Якоб Таубес: к политической теологии / Таубес Я. Сопряжение противостремительного. М.: Ad Marginem, 2021.
4. Ильичева М. В. Трансформация взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой реальности // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 28-37.
5. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 3. С. 315-328.
6. Степанян С. А. Конституционно-правовое регулирование технологических инноваций в избирательном процессе Российской Федерации и их влияние на права человека // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сб. докладов X Московского юридического форума. В 3 ч. М., 2023. С. 304-306.
7. Степанян С. А. Цифровизация электоральных процедур и обеспечение доверия граждан к избирательному процессу // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 2. С. 36-38.
8. Ларичев А. А., Ржановский В. А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 35-52.
9. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25-30.
10. Борисов Я. Е., Афанасова М. А. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан России при использовании электронных технологий // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 4 (62). С. 3-10.
11. Брикульский И. А. Между правом и забвением: конституционные стандарты дистанционного электронного голосования // Электоральная политика. 2024. № 1 (11). С. 1.
12. Мартюшов Я. В. Дистанционное голосование как средство цифровой демократии // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3 т. М., 2024. Т. 1. С. 165-167.
13. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
14. Лопатин А. И. Народный суверенитет и избирательные права граждан: монография. М.: Проспект, 2024. 280 с.
15. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашев. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2023. 240 с.
16. Bundesverfassungsgericht. Judgment of 3 March 2009 – 2 BvC 3/07, 2 BvC 4/07 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2009/03/cs20090303_2bvc000307en.html.
17. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
18. Юнусова А. А. Достоинства института избирательного права современной России / Конституция Российской Федерации: 30 лет со дня принятия: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2023. С. 316-322.

References

1. Petrova S. V. Political processes in the Russian Federation in the context of global digitalization // State and municipal administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(4):173-176. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-4-173-176>
2. Petrova S. V., Sidorova A. V. The system of remote electronic voting in the Russian Federation and ways to improve electronic democracy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):192-196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
3. Filippov A. Jacob Taubes: towards political theology. In: Taubes Ya. *Coupling the extreme*. Moscow: Ad Marginem; 2021. (In Russ.)
4. Ilyicheva M. V. Transformation of interaction between the state and civil society in digital reality. *Proceedings of Tula State University. Series: Humanities*. 2020;(4):28–37. (In Russ.)
5. Yastrebov O. A. Artificial intelligence in the legal space. *Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences*. 2018;(3):315–328.
6. Stepanyan S. A. Constitutional and legal regulation of technological innovations in the electoral process of the Russian Federation and their impact on human rights. In: *Sustainable development of Russia: a legal dimension: collection of reports of the X Moscow Legal Forum*. At 3 a.m., 2023;304–306.
7. Stepanyan S. A. Digitalization of electoral procedures and ensuring citizens' trust in the electoral process. *Electoral legislation and practice*. 2024;(2):36–38. (In Russ.)
8. Larichev A. A., Rzhzanovsky V. A. Development of remote electronic voting in Russia: constitutional and legal aspect. *Journal of Russian Law*. 2022;26(9):35–52. (In Russ.)
9. Kolyushin E. I. Legal problems of remote electronic voting of voters. *Constitutional and municipal law*. 2020;(2):25–30. (In Russ.)
10. Borisov Ya. E., Afanasova M. A. Constitutional and legal protection of the electoral rights of Russian citizens using electronic technologies. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. 2024;4(62):3–10. (In Russ.)
11. Brikulskiy I. A. Between law and oblivion: constitutional standards of remote electronic voting. *Electoral politics*. 2024;1(11):1. (In Russ.)
12. Martyushov Ya. V. Remote voting as a means of digital democracy. In: *Traditions and innovations in the system of modern Russian law: proceedings of the International Congress of Young Scientists*. In 3 volumes, Moscow, 2024;(1):165-167. (In Russ.)
13. Ebzeev B. S. *Constitutional law of Russia: textbook*. Moscow: Prospekt; 2019. 768 p. (In Russ.)
14. Lopatin A. I. *National sovereignty and electoral rights of citizens: a monograph*. Moscow: Prospekt; 2024. 280 p. (In Russ.)
15. Radbruch G. *Philosophy of law*. Translated from German by Yu. M. Yumashev. 2nd ed. Moscow: International Relations; 2023. 240 p. (In Russ.)
16. Bundesverfassungsgericht. Judgment of 3 March 2009 – 2 BvC 3/07, 2 BvC 4/07 [Electronic resource]. Available from: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2009/03/cs20090303_2bvc000307en.html.
17. Hayek F. A. *Law, legislation and freedom: A modern understanding of liberal principles of justice and politics*. Translated from English by B. Pinsker and A. Kustarev; edited by A. Kuryaev. Moscow: IRISEN; 2006. 644 p. (In Russ.)
18. Yunusova A. A. Advantages of the Institute of Electoral Law of modern Russia. In: *Constitution of the Russian Federation: 30 years since its adoption: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Perm, 2023:316-322. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Петрова – доктор политических наук, доцент, декан факультета экономики и права, Сочинский государственный университет.

Information about the author

S. V. Petrova – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics and Law, Sochi State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Новеллы российского избирательного законодательства в эпоху цифровизации: проблемы и перспективы применения

Роман Андреевич Алексеев^{1, 2}

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Аннотация

Введение. Практически ни один электоральный цикл в постсоветской и современной России не обходится без внесения поправок в действующие нормативно-правовые акты, либо без отмены утративших юридическую силу и принятия новых законов и подзаконных актов, регулирующих институт избирательного права, различные стадии избирательного процесса, выборы органов публичной власти от муниципального до федерального уровней. Данный тренд можно объяснить как теми обстоятельствами, что изменяются виды избирательных правоотношений, в ходе которых происходит волеизъявление избирателей и формирование различных институтов непосредственной демократии, устраняются пробелы в избирательном законодательстве, так и отсутствием стабильности электоральных практик.

Цель. Исследование и оценка новаций отечественного избирательного законодательства 2020-2025 гг., их проблемных аспектов и перспектив дальнейшего реформирования.

Методы. Исследование основывается на различных методах научного познания, таких как формально-догматический, сравнительно-правовой и логические методы, с помощью которых осуществляется систематизация и анализ новелл отечественного избирательного законодательства, их взаимосвязь и взаимозависимость с цифровизацией избирательного процесса в современной России.

Результаты. Представлена оценка новелл отечественного избирательного законодательства за период 2020 – 2025 гг., проанализирована их апробация на выборах федерального и регионального масштаба, определены достоинства и выявлены проблемные аспекты их реализации, внесены предложения, направленные на их дальнейшее совершенствование.

Выводы. В ходе проведенного исследования было установлено, что реформирование и совершенствование отечественной избирательной системы и избирательного законодательства, начатое в 1990-е гг., продолжается по настоящее время, способствует конструктивному диалогу аппарата публичной власти и общества. В целях дальнейшего совершенствования отечественной избирательной системы необходимо детализировать в нормах федерального законодательства процедуру удалённого (вне стен избирательных участков) голосования и определение результатов волеизъявления, порядка идентификации и аутентификации мобильных избирателей, гарантий соблюдения принципов равенства и тайны волеизъявления. Вносятся предложения, направленные на регламентацию на федеральном уровне процесса общественного контроля и наблюдения за процессом электронного дистанционного голосования с возможностью привлечения и обучения за счёт бюджетных денежных средств наблюдателей от официально зарегистрированных общественно-политических, правозащитных и иных организаций, что повысит уровень доверия избирателей к внедряемым в избирательную практику инновационным практикам и технологиям.

Ключевые слова: российское избирательное законодательство, новеллы избирательного права, апробация норм избирательного права, цифровизация избирательного процесса, электронное дистанционное голосование, ГАС «Выборы», аутентификация, идентификация онлайн-избирателей

Для цитирования: Алексеев Р. А. Новеллы российского избирательного законодательства в эпоху цифровизации: проблемы и перспективы применения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 69–78. EDN [ECUVGQ](#)

Digitalization of the electoral process: prospects and risks

Original article

Novelties of Russian electoral legislation in the era of digitalization: problems and prospects of application

Roman A. Alekseev^{1, 2}

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alekseev.r555@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Abstract

Introduction. Practically no electoral cycle in post-Soviet and modern Russia is complete without amendments to existing regulatory legal acts, or without the repeal of invalid and new laws and by-laws regulating the institution of electoral law, various stages of the electoral process, and elections of public authorities from municipal to federal levels. This trend can be explained both by the fact that the types of electoral legal relations are changing, during which the will of voters and the formation of various institutions of direct democracy are taking place, gaps in electoral legislation are being eliminated, and by the lack of stability of electoral practices.

Purpose. Research and evaluation of innovations in the domestic electoral legislation of 2020-2025, their problematic aspects and prospects for further reform.

Methods. The research is based on various methods of scientific knowledge, such as formal-dogmatic, comparative-legal and logical methods, which are used to systematize and analyze the novelties of Russian electoral legislation, their interrelation and interdependence with the digitalization of the electoral process in modern Russia.

Results. An assessment of the novelties of the domestic electoral legislation for the period 2020 – 2025 is presented, their testing in federal and regional elections is analyzed, the advantages and problematic aspects of their implementation are identified, and proposals aimed at their further improvement are made.

Conclusions. In the course of the conducted research, it was found that the reform and improvement of the domestic electoral system and electoral legislation, which began in the 1990s, continues to the present day, and contributes to a constructive dialogue between the public administration and society. In order to further improve the domestic electoral system, it is necessary to detail in the norms of federal legislation the procedure for remote (outside the walls of polling stations) voting and determining the results of the expression of will, the procedure for identifying and authenticating mobile voters, guarantees of compliance with the principles of equality and secrecy of expression. Proposals are being made aimed at regulating at the federal level the process of public control and monitoring of the electronic remote voting process with the possibility of attracting and training observers from officially registered socio-political, human rights and other organizations at the expense of budgetary funds, which will increase the level of voter confidence in innovative practices and technologies being introduced into electoral practice.

Keywords: Russian electoral legislation, novelties of electoral law, approbation of electoral law norms, digitalization of the electoral process, electronic remote voting, GAS "Elections", authentication, identification of online voters

For citation: Alekseev R. A. Novelties of the Russian electoral legislation in the era of digitalization: problems and prospects of application. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):69–78. (In Russ.). EDN [ECUVGQ](#)

Введение

Практически ни один электоральный цикл в постсоветской и современной России не обходится без внесения поправок в действующие нормативно-правовые акты, либо без отмены утративших юридическую силу и принятия новых законов и подзаконных актов, регулирующих институт избирательного права, различные стадии избирательного процесса, выборы органов публичной власти от муниципального до федерального уровней. Данный тренд можно объяснить как теми обстоятельствами, что изменяются виды избирательных правоотношений, в ходе которых происходит волеизъявление избирателей и формирование различных институтов непосредственной демократии, устраняются пробелы в избирательном законодательстве, так и отсутствием стабильности электоральных практик. Государство в лице принимающих управленческие решения властных структур может как демократизировать правовые нормы, регулирующие институт выборов, так и принимать «драконовские» предписания, ограничивающие политические права (в том числе, касающиеся участия в избирательном процессе), что напрямую связано с политическими реалиями [1, с. 16].

Подавляющая часть изменений избирательного законодательства в период 2000–2010 гг. касалась купирования электоральных прав граждан: была отменена в 2006 г. в избирательных бюллетенях графа «против всех» (что объяснялось снижением электоральной явки, как на муниципальном и региональном, так и на федеральном уровнях выборов); убрали избирательный барьер в 25 % на парламентских и в 50 % на президентских выборах, для того чтобы они считались состоявшимися; в 2005 г. (впервые апробировали на выборах парламентариев нижней палаты Федерального Собрания РФ в 2007 г.) ввели пропорциональную систему на думских выборах, которую после двух электоральных циклов 2007 и 2011 гг. в 2014 г. снова заменили смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системой, позитивно зарекомендовавшей себя в период с 1993 по 2003 гг. (т.е. в течении четырех электоральных циклов); прямые выборы глав субъектов РФ с 2005 по 2012 гг. заменили их назначением законодательными региональными органами власти по представлению их кандидатур главой государства и внесён ряд иных консервативных избирательных преобразований.

В 2012 г. после проведения очередных президентских выборов было принято решение об упрощении процедуры регистрации кандидатов на пост президента РФ, сократили с 2 млн до 300 тыс. подписей в поддержку кандидатов-самовыдвиженцев, а парламентские партии и партии, представленные в 1/3 региональных парламентов, освобождаются от сбора подписей в отношении выдвинутого ими кандидата. Аналогичные послабления были введены и в отношении сбора подписей для политических партий, принимающих участие в парламентских выборах. В этом же году вернули прямые выборы глав регионов, но ввели систему так называемых муниципальных фильтров, на основании которой лиц, выдвигающихся на данную должность, должны поддержать в большинстве представительных органов местного самоуправления соответствующего субъекта РФ.

Целью исследования выступает изучение и оценка новаций отечественного избирательного законодательства последних пяти лет, их проблемных аспектов и перспектив дальнейшего реформирования. Поставленная цель раскрывается через следующие задачи: охарактеризовать динамику изменения и совершенствования избирательного законодательства в электоральный цикл 2020 – 2024 гг. (т.е. преобразования норм избирательного права в период парламентских выборов 2021 г. и президентских выборов 2024 г.): выявление положительных и негативных аспектов новаций избирательного законодательства в ходе их правоприменительной практики. Автор статьи исходит из гипотезы, что предлагаемые законодателем поправки в нормы отечественного избирательного права могут оказать воздействие на реализацию конституционного принципа о народовласти (ст. 3 Основного закона РФ) и конфигурацию политических сил в представительном и иных выборных органах власти.

Методы

Исследование базируется как на нормах действующего российского федерального и регионального избирательного законодательства, так и на готовящихся к принятию законопроектов в исследуемой сфере. При написании статьи использовался широкий спектр научно-исследовательских методов, таких как формально-догматический (с помощью которого была осуществлена систематизация и анализ действующих и принимаемых новых норм избирательного законодательства, дана их развёрнутая характеристика и официальное толкование), сравнительно-правовой метод (использовался для сопоставления норм избирательного законодательства, регулирующих институт выборов как на федеральном, так и на региональном уровнях), а также логические методы (такие как индукция и дедукция, анализ и синтез), позволившие рассмотреть новеллы избирательного законодательства во взаимосвязи с цифровизацией избирательного процесса и политической целесообразностью проводимых в современной России реформ.

Обзор научной литературы

Теоретическая основа опирается на труды отечественных учёных, исследующих как общие вопросы избирательного права и избирательного процесса, так и отдельные вопросы, касающиеся организационно-правовых аспектов выборов различного уровня, цифровизации избирательного процесса, различных технологий электронного голосования и блокчейна, таких как: С. А. Авакьян [2], Р. А. Алексеев [3], П. П. Баранов [4], Ю. А. Веденеев [5], А. А. Вешняков [6], С. В. Володенков [7], А. Г. Головин [8], Д. А. Ежов [9], А. В. Зиновьев [10], Б. Д. Катков [11], С. Д. Князев [12], А. Н. Кокотов [12], Е. И. Колюшин [13], М. С. Матейкович [14], С. Н. Федорченко [7], В. И. Фёдоров [15], С. М. Шапиев [16], А. Ю. Шутов [17], Б. С. Эбзеев [18], и ряд иных авторов. Вопросы, касающиеся новелл избирательного законодательства, находят отражение в трудах отечественных государствоведов, однако результаты исследования их в сочетании с политическими реалиями не рассматривались, что наглядно свидетельствует об актуальности проведённого исследования.

Результаты и обсуждение

*Динамика избирательных преобразований в период 2020 – 2025 гг.:
нормативно-правовые аспекты и политическая целесообразность*

Масштабные поправки в нормы федерального избирательного законодательства стали вноситься начиная с 2020 г. и затронули многие положения, указанные в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹. На основе поправок от 23.05.2020 года (внесены Федеральным законом N 154-ФЗ²), избирателям предоставили возможность наряду с традиционным голосованием (с помощью избирательного бюллетеня) осуществить волеизъявление с помощью ДЭГ или по почте (п. 14, ст. 64 ФЗ № 67) с оговоркой о том, что порядок и виды выборов, в ходе которых принимаются вышеуказанные способы голосования, устанавливаются ЦИК РФ. Последующими поправками в вышеуказанный закон от 14 марта 2022 г. (внесённых в ФЗ N 67-ФЗ) была принята новая статья 64.1, закрепляющая и разъясняющая дефиницию «дистанционное электронное голосование» (волеизъявление с помощью электронного бюллетеня, изготовленного с применением программного обеспечения) и первоначально схематично регламентирующая процедуру онлайн-голосования (т.е. вне стен избирательного участка).

Однако детализация организации проведения онлайн-голосования (т.е. электронного голосования) первоначально регулировалась постановлениями ЦИК РФ: «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» (от 08.06.2020 г.)³ и «О Порядке электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых в РФ» (03.07.2024 г.)⁴, и только в ходе поправок, внесённых в феврале 2025 г. в качестве законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросам совершенствования избирательного законодательства)», приобретут законодательное закрепление на федеральном уровне⁵. Предлагается дополнить текст ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» новыми и подкорректированными дефинициями: электронного голосования (осуществляемого без использования бумажного избирательного бюллетеня), КЭГ (понимаемое в качестве программно-технического средства) и электронного бюллетеня (выполненного в электронном формате

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024 №232-ФЗ) // Российская газета. 15.06.2002, № 106.

² Федеральный закон от 23.05.2020 N 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 25.05.2020, № 110.

³ Постановление ЦИК России от 08.06.2022 N 86/716-8 (ред. от 14.06.2024) «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419371 (дата обращения: 03.04.2025).

⁴ Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 03.07.2024 № 175/1389-8 «О Порядке электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480148/92d969e26 (дата обращения: 03.04.2025).

⁵ Изменения избирательного законодательства России. [Электронный ресурс]. URL: <https://asafov.ru/avtor/izmeneniya-izbiratel'nogo-zakonodatelstva-rossii?ysclid=m95r080kd3215920078> (дата обращения: 05.04.2020).

техничко-программными средствами и использующегося в ходе интернет и онлайн-голосования), что исключит двоякое толкование вышеуказанных дефиниций, восполнит пробелы в области избирательного законодательства относительно голосования вне стен избирательных участков и позволит в дальнейшем совершенствовать цифровые технологии, апробирующие и применяющиеся в избирательном процессе.

Поправки, вводимые с 2020 года (не в последнюю очередь продиктованные распространением пандемии Ковид-19 и переводом многих транзакций в сфере госуправления в виртуальное пространство) затронули избирательный процесс не только на федеральном, но и на региональном уровне. Законодатель предоставил возможность органам публичной власти российских регионов предусматривать в нормах законов субъектов Российской Федерации осуществление сбора подписей при помощи портала Госуслуг (не более половины от общего количества подписей, необходимых для регистрации выдвигающихся кандидатов или их списков) на региональных выборах (дополнение ст. 37 ФЗ 67-ФЗ пунктом 16.1). Одновременно с этим поправками от 23.05.2020 (внесёнными ФЗ № 154-ФЗ¹) увеличиваются возможности досрочного волеизъявления и переносе сроков голосования глав регионов в случае введения на территории соответствующего субъекта Российской Федерации либо режима чрезвычайной ситуации, либо повышенной готовности.

Законодателем было принято решение о пролонгации онлайн-голосования, реализованного на региональных выборах в столице (избирательная кампания 2019 г. в Московскую городскую думу), после общероссийского волеизъявления по одобрению поправок в Основной закон, состоявшегося летом 2020 года. Было принято решение о создании цифровых избирательных участков на дополнительных выборах парламентариев нижней палаты Федерального Собрания и региональных выборах глав и представительных органов публичной власти субъектов РФ. Перечень цифровых избирательных участков утверждается ЦИК РФ, избиратели, находящиеся вне постоянного места проживания, могут на региональных выборах осуществить волеизъявление на цифровом избирательном участке в случае подачи соответствующего заявления. Удаленное голосование вне стен избирательного участка расширяет свою географию, охватив в 2023 г. четверть российских регионов (25 субъектов РФ), а на выборах главы государства 2024 г. число субъектов Российской Федерации, воспользовавшихся дистанционным голосованием, достигло почти тридцати [19, с. 10].

Продолжается тренд, начатый с поправок 2014 г. в избирательное законодательство, касающийся ограничений реализации прав лиц, избирающихся в органы публичной власти, которое ранее распространялось только на лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, которые не могли избираться даже после погашения судимости на протяжении длительного периода времени. Вышеуказанные ограничения были распространены и в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести, в случае неснятой или непогашенной судимости, либо по прошествии 5 лет после её погашения / снятия (поправки от 23.05.2020 г. в ч. 3.2 п. б. 2 ст. 4 ФЗ № 67-ФЗ).

Ужесточение законодательства коснулось и лиц, признанных в установленном порядке иностранными агентами. Вплоть до внесения поправок от 15.05.2024 г. (вступили в силу на основании ФЗ № 99-ФЗ²) в ряд статей ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и иные нормативные акты, регулирующие избирательные правоотношения, они могли баллотироваться на избираемые должности, с указанием данных об их статусе. На основании поправок 2024 г. лица, признанные иностранными агентами, не могут быть зарегистрированы в качестве кандидатов на выборные должности в органы публичной власти всех уровней. Одновременно с этим лицо, зарегистрированное на выборах в качестве кандидата, не может быть внесено в реестр иноагентов, что свидетельствует о юридических гарантиях от преследования по политическим и иным мотивам кандидатам на избираемые должности³. Логическое продолжение данная мера получила во внесённых на рассмотрение в Государственную Думу

¹ Федеральный закон от 23.05.2020 N 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 25.05.2020, № 110.

² Федеральный закон от 15.05.2024 N 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 17.05.2024, № 106.

³ Захаров О. Изменчивость законов о выборах «не баг, а фича». Что нового в избирательном законодательстве в 2023 году и чего ждать в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2023/09/21/996249-izmenchivost-zakonov-o-viborah-ne-bag-a-ficha?ysclid=lr9dapzynd420472213> (дата обращения: 14.04.2025).

и утвержденных ею поправок 2025 г. в федеральное избирательное законодательство о запрете добровольных пожертвований от учреждённых иноагентами отечественных юридических лиц, либо от лиц, имеющих отношение к функционированию террористических и экстремистских организаций (в том случае, если данная информация подтверждена в установленном законом порядке).

Регистрация зарегистрированного кандидата может быть отменена лишь в судебном порядке в случае установления факта о наличии у него статуса иноагента до регистрации кандидатом на избираемую должность. Лица, включенные в реестр иноагентов, либо причастные к террористическим и экстремистским организациям, не могут быть наблюдателями или уполномоченными представителями кандидатов (равно как и избирательных объединений), что свидетельствует об усилении мер, направленных на обеспечение национальной безопасности в ходе избирательного процесса. В соответствии с вышеуказанными поправками, лица, признанные в установленном порядке иноагентами, досрочно прекращают свои полномочия в органах публичной власти. Исключением из данного правила выступает случай исключения этих лиц из реестра иноагентов в течение 180 дней со дня вступления поправок 15.05.2024 г. в силу.

В 2023 г. законодатели продолжили на федеральном уровне уточнять требования к порядку и условиям наблюдения за процедурой голосования. Скорректировали требования к лицам, которые могут стать наблюдателями (от политических партий и кандидатов, принимающих участие в выборах) на выборах, которые могут осуществлять свои функции только в том субъекте РФ, где располагается соответствующий избирательный участок. Ограничения коснулись и представителей СМИ, освещающих электоральные процедуры, они смогут находиться на территории соответствующих участковых избирательных комиссий, только если работают в издательстве на постоянной основе по трудовому договору (ранее допускалось освещение волеизъявления граждан на избирательных участках аккредитованными представителями различных СМИ, в том числе и корреспондентов, осуществляющих свою деятельность на основании гражданско-правового договора), что автоматически исключает попадание на избирательные участки наблюдателей (от партий и кандидатов, не принимающих участие в выборах) под видом журналистов. Однако данное ограничение затронуло не только вышеобозначенную группу, но и широкий спектр представителей средств массовой информации (фрилансеров), зачастую работающих на разные издательства и не имеющих трудовых правоотношений с каким-то одним конкретным издательством.

Поправки 2023 г. (внесённые Ф3 от 29.05.2023 № 184-ФЗ) одновременно с этим затронули и статус доверенных лиц кандидатов, полномочия которых своим решением федеральный законодатель прекратил за день до дня голосования (т.е. после окончания агитационного периода, п. 4 ст. 43 Ф3 № 67), при этом забыв их исключить из числа лиц, обладающих правом присутствовать при подсчёте голосов проголосовавших избирателей. Устранение данного казуса (противоречия) было осуществлено поправками, внесёнными в рамочный закон об избирательных правах граждан 15.05.2024 г. (ФЗ от 15.05.2024 № 99-ФЗ), на основании которых доверенные лица не могут обладать правами наблюдателей (п. 3 ст. 43 Ф3 № 67).

Коснулись поправки 2023 г. и финансирования избирательных кампаний кандидатов и партий, установив минимальный размер добровольных пожертвований в избирательный фонд в пределах 3 % прожиточного минимума в год проведения выборов, что по мнению законодателя будет способствовать более прозрачной процедуре финансирования избирательных объединений и граждан, а также сделает невозможным незначительные пожертвования в размере 100-150 руб. от сторонников партий и кандидатов, принимающих участие в выборах. Данная новация позволит исключить из данного процесса краудфандинговые кампании, собирающие незначительные суммы с помощью донатов.

В ходе очередного витка избирательных реформ, запущенного зимой 2025 г., предлагается запретить проводить дополнительные выборы представительных органов публичной власти муниципального и регионального уровней, а также парламентариев нижней палаты Федерального Собрания РФ за год до очередных выборов вышеуказанных избираемых инстанций, за исключением экстренных случаев, таких как ситуация, в которой вышеуказанные органы легислатуры остались в неправомочном составе (т.е. не могут проводить пленарные заседания для принятия решений). Предлагается ввести преференции в отношении формирования избирательных счётов кандидатов, принимающих участие в выборах, которым будет предоставлено право на онлайн-открытие, ведение и закрытие специальных избирательных счетов, что сократит их временные затраты на данную транзакцию и позволит удалённо осуществлять данную избирательную процедуру. Однако данная

новация имеет и отрицательные стороны, среди которых стоит отметить возможность хакерских атак со стороны конкурентов по избирательной гонке и дискредитацию зарегистрированных кандидатов путём зачисления на их избирательные счета денежных средств со стороны иностранных граждан и организаций, либо иных субъектов, которые отнесены российским избирательным законодательством к числу нежелательных или незаконных инстанций.

На парламентских выборах 2026 г. планируется апробировать ещё одну новацию избирательного законодательства 2025 г. о невозможности для российских граждан, проживающих за пределами территории Российской Федерации, проголосовать за кандидатов в одномандатных округах, что объясняется тем, что они на протяжении определенного периода времени не проживают на территории конкретного избирательного округа, от которого избирается кандидат-одномандатник, и не имеют всей необходимой информации о претендентах на избираемую должность. Для таких избирателей сохраняется возможность осуществления волеизъявления в ходе федеральных парламентских выборов лишь за партийные списки, с указанием в избирательных бюллетенях первых пяти кандидатов из общефедеральной части партийного списка. Таким образом, наши соотечественники, проживающие за границей, на думских выборах будут причислены к единому федеральному избирательному округу.

Предлагается предоставить возможность членам избирательных комиссий осуществлять видео и фотосъёмку на мероприятиях (конференциях и съездах), в ходе которых партии выдвигают кандидатов на предстоящих выборах, что по мнению законодателя должно обеспечить транспарентность данной процедуры и исключить фиктивность вышеобозначенных действий со стороны избирательных объединений. Данные изменения коснутся законодательства, регулирующего деятельность политических партий. Одновременно с проведением муниципальной реформы (2020–2025 гг.), направленной на укрупнение муниципальных образований, планируется досрочно прекращать полномочия территориальных избиркомов, чтобы они не дублировали функции других избирательных комиссий и можно было снизить административную нагрузку на избирательную систему в целом.

Комплексный пакет поправок затрагивает процедуру онлайн-голосования, планируется уточнение дефиниции «электронного голосования», данное определение будет вариативно применяться к волеизъявлению как на избирательном участке с использованием комплекса электронного голосования (интернет-голосование), так и удалённому голосованию вне стен избирательных участков с использованием технического устройства избирателя (онлайн-голосование, т.е. дистанционное электронное голосование). Если на территории субъекта РФ одновременно осуществлялось онлайн и интернет голосование, то полученные в ходе подсчёта голосов результаты учитываются в совокупности (т.е. будут опубликованы как результаты дистанционного электронного голосования). С одной стороны, данная новация позволит сократить случаи неправомерного поведения отдельных избирателей, пытающихся проголосовать дважды на одних выборах, с другой стороны, это не позволит официально зарегистрированным наблюдателям проследить динамику явки избирателей с помощью онлайн и интернет голосования. Вносимые в 2025 г. поправки затронут и Федеральный закон «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»», в котором будут уточнены статус системного администратора, условия применения программно-технических средств и ряд иных организационно-технических процедур для их адаптации к новым реалиям цифрового общества.

В целях повышения транспарентности и исключения манипуляций с бумажными избирательными бюллетенями предлагается указывать в них все данные о кандидатах (партиях) одинаковым шрифтом. Изменения коснутся не только Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», но и Федерального закона 10.01.2003 № 20-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹, в который будет внесено требование об исключении из перечня лицензионных видов деятельности реализацию и производство полиграфической продукции (избирательных бюллетеней и иной документации), использующейся в ходе выборов и референдумов, что не только упростит процедуру их производства, но и должно будет снизить государственные затраты на избирательные процедуры.

Решение об одновременном использовании офлайн и онлайн-голосования будет приниматься разными инстанциями в зависимости от вида выборов: на региональных и муниципальных такое решение отнесено к ведению избиркомов субъектов РФ, тогда как на федеральных выборах это

¹ Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы"» (10.07.2023 № 287-ФЗ) // Российская газета. 15.01.2003. № 5.

решение остаётся за ЦИК РФ. На наш взгляд, отсутствие унификации принятия решения может привести к различной правоприменительной практике данной нормы, наделению региональных избирательных комиссий дополнительными полномочиями и усилению их автономии от федеральных инстанций.

Выводы

Проанализировав новации отечественного избирательного законодательства последних пяти лет (2020–2025 гг.), можно прийти к выводу, что реформирование и совершенствование избирательной системы, начатое в 1990-е гг., продолжается по настоящее время, принимаемые федеральным законодателем нормы в зависимости от сложившейся в государстве и обществе политической обстановки либо способствуют демократизации института избирательного права и избирательного процесса, либо усложняют организационно-правовые требования для осуществления избирательных практик в отношении реализации ключевых форм непосредственной демократии (таких как выборы и референдумы). Однако и в первом, и во втором случае они направлены на обеспечение национальной безопасности и национальных интересов государства, выстраивание конструктивного диалога общества и аппарата публичной власти. В целях дальнейшего совершенствования избирательной системы в целом и избирательного законодательства в частности, нами предлагаются следующие шаги:

1) Осуществить уточнение в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 64.1) процедуры онлайн-голосования, касающейся времени волеизъявления, аутентификации и идентификации онлайн-избирателей, подсчёта голосов и организационно-правовых гарантий соблюдения принципа тайны волеизъявления.

2) С целью соблюдения одного из ключевых принципов избирательного права – принципа равенства, необходимо, чтобы все российские избиратели, независимо от места проживания, регистрировались на одном электронном портале, в случае, если они выразили желание проголосовать вне стен избирательного участка, а не как в настоящее время жители столицы регистрируются на портале mos.ru (с прерогативой, т.е. возможностью регистрации в качестве мобильного избирателя в день голосования), а российские граждане, проживающие в остальных регионах, на портале Госуслуг (с подачей соответствующего заявления за определенный период времени до даты голосования). Избиратели, принявшие решение об удалённом голосовании вне стен избирательного участка, должны обладать правом в случае, если они передумают и решат проголосовать традиционным способом (т.е. на избирательном участке бумажным бюллетенем), реализовать такое право даже в день (дни) проведения голосования.

3) Для исключения двоякого толкования норм избирательного законодательства необходимо детально регламентировать на федеральном уровне процедуру общественного контроля и наблюдения за процессом электронного дистанционного голосования с возможностью привлечения и обучения за счёт бюджетных денежных средств (представителями РЦОИТ, ЦИК РФ и иными избиркомми) наблюдателей от официально зарегистрированных общественно-политических, правозащитных и иных организаций, что повысит уровень доверия избирателей к внедряемым в избирательную практику инновационным практикам и технологиям.

Процесс цифровизации отечественной избирательной системы и его успешное применение на практике возможны лишь с одновременным совершенствованием избирательного законодательства и электоральных практик, проведением разъяснительной работы со всеми субъектами избирательного процесса для повышения уровня доверия к внедряемым инновационным методикам и технологиям.

Список источников

1. Шапсугов Д. Ю. Проблема эволюции публичной власти в России: от самодержавия к народо-властью // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 7–18. DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-7-18.
2. Авакьян С. А. Обеспечение прав и свобод граждан в контексте совершенствования избирательного законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 2. С. 18–32.
3. Алексеев Р. А. Избирательное право, избирательный процесс и технологии. М.: ООО Научно-издательский центр ИНФРА-М; 2025. 175 с.

4. Баранов П. П. Пути совершенствования избирательных систем в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 98–103.
5. Веденеев Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2006. № 6 (114). С. 47–57.
6. Вешняков А. А. Избирательное законодательство Российской Федерации в свете общепринятых стандартов // Московский журнал международного права. 1995. № 4. С. 38–52. DOI: 10.24833/0869-0049-1995-4-38-52.
7. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М.: ООО Проспект, 2024. 496 с.
8. Головина А. А., Головин А. Г. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3 (13). С. 44–58.
9. Ежов Д. А. Дистанционное электронное голосование в современной России: от апробации к электоральной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 260–264.
10. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 357 с.
11. Катков Д. Б., Корчиго Е. В. Избирательное право: вопросы и ответы. М.: Юриспруденция; 2001. 169 с.
12. Князев С. Д., Кокотов А. Н. Ещё раз о судебной защите избирательных прав (краткий комментарий к Постановлению Конституционного суда Российской Федерации от 24 марта 2020 года № 12-П) // Журнал Конституционного правосудия. 2020. № 5. С. 1–7.
13. Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: ООО Научно-издательский центр ИНФРА-М; 2021. 384 с.
14. Матейкович М. С., Сучилин В. Н. Избирательные органы в России: история и современность // Право и политика. 2013. № 10. С. 1270–1278.
15. Федоров В. И. Правовое регулирование общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием на выборах в России // Современное право. 2024. № 5. С. 16–18.
16. Шапиев С. М. Любопытный знак в избирательном бюллетене: российский опыт и мировая практика (или о том, как в некоторых случаях свобода волеизъявления избирателей может оказаться подконтрольной нерадивым кандидатам и их политтехнологам) // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2–3. С. 78–98.
17. Шутов А. Ю. Российская избирательная система: традиции и новации // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2023. Т. 14. № 2 (59). С. 233–238.
18. Эбзеев Б. С. Избирательная система и конституция Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4. С. 53–56.
19. Алексеев Р. А., Кривешко Д. Д. Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 1. С. 3–20. DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20.

References

1. Shapsugov D. Yu. The problem of the evolution of public power in Russia: from autocracy to democracy. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):7–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-7-18>
2. Avakian S. A. Ensuring the rights and freedoms of citizens in the context of improving electoral legislation. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2020;(2):18–32. (In Russ.)
3. Alekseev R. A. *Electoral law, electoral process and technologies*. Moscow: ООО Scientific Publ. Center INFRA-M; 2025. 175 p. (In Russ.).
4. Baranov P. P. Ways to improve electoral systems in the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2015;(3):98–103. (In Russ.)
5. Vedeneev Yu. A. Development of the electoral system of the Russian Federation: problems of legal institutionalization. *Journal of Russian Law*. 2006;6(114):47–57. (In Russ.)
6. Veshnyakov A. A. Electoral legislation of the Russian Federation in the light of generally accepted standard. *Moscow Journal of International Law*. 1995;(4):38–52. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1995-4-38-52>. (In Russ.)
7. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. *Digital technologies and artificial intelligence in modern politics*. Moscow: Publ. Prospekt; 2024. 496 p. (In Russ.)

8. Golovina A. A., Golovin A. G. The language and style of electoral legislation in the modern information age: development horizons. *Citizen. Elections. Authority*. 2019;3(13):44–58. (In Russ.)
9. Yezhov D. A. Remote electronic voting in modern Russia: from approbation to electoral reality. *Social and humanitarian knowledge*. 2025;(1): 260–264. (In Russ.)
10. Zinoviev A. V. *The electoral system of Russia: theory, practice and prospects*: A. V. Zinoviev, I. S. Polyashova. Publ. St. Petersburg: Legal Center Press; 2003. 357 p. (In Russ.)
11. Katkov D. B. *Electoral law: questions and answers*: D.B. Katkov, E.V. Korchigo. Moscow: Publ. Jurisprudence, 2001. 169 p. (In Russ.)
12. Knyazev S. D., Kokotov A. N. Once again on judicial protection of electoral rights (short commentary to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 24, 2020 No. 12-P). *Journal of Constitutional Justice*. 2020;(5):1–7. (In Russ.)
13. Kolyushin E. I. *Elections and electoral law in the mirror of judicial decisions*. Moscow: Scientific Publ. Center INFRA-M; 2021. 384 p. (In Russ.)
14. Mateykovich M. S., Suchilin V. N. Electoral authorities in Russia: history and modernity. *Law and Politics*. 2013;(10):1270–1278. (In Russ.)
15. Fedorov V. I. Legal regulation of public monitoring of remote electronic voting in elections in Russia. *Modern Law*. 2024;(5):16–18. (In Russ.)
16. Shapiev S. M. Any sign on the ballot: Russian experience and world practice (or how, in some cases, the freedom of expression of voters may be controlled by negligent candidates and their political strategists). *Citizen. Elections. Authority*. 2019;(2–3):78–98. (In Russ.)
17. Shutov A. Yu. The Russian electoral system: traditions and innovations. *Scientific papers of the North-Western Institute of Management of the RANEP*. 2023;14(2(59)):233–238. (In Russ.)
18. Ebzeev B. S. The electoral system and the Constitution of the Russian Federation. *Citizen. Elections. Authority*. 2016;(4):53–56. (In Russ.)
19. Alekseev R. A., Krivenko D. D. Remote electronic voting: application experience in Russia and abroad. *Journal of Political Research*. 2024;8(1):3–20. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20>. (In Russ.)

Информация об авторе

Р. А. Алексеев – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

R. A. Alekseev – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Проблемы публично-правового регулирования традиционных институтов демократии посредством электронных технологий

Альбина Славовна Лолаева

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, mirag.8184@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9021-7531>

Аннотация

Введение. С развитием цифровых технологий в современном обществе происходит значительная эволюция демократических процессов. Электронные технологии представляют собой как новые возможности для участия граждан в публичном управлении, так и серьезные угрозы для стабильности традиционных институтов демократии.

Цель. Анализ проблем публично-правового регулирования традиционных институтов демократии в контексте применения электронных технологий. В частности, исследуется воздействие цифровых технологий на электоральные процессы и их двойная роль – как возможность для повышения участия граждан в управлении, так и угроза для стабильности демократических институтов.

Материалы и методы. В исследовании используются разнообразные методы, включая диалектический, системно-структурный и социологический подходы. Основные материалы исследования составляют актуальные законодательные акты, аналитические материалы избирательных процессов и данные о функционировании электронных платформ, таких как Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), Цифровой избирательный участок, «Мобильный избиратель», «ИнформУИК», системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и др. Эмпирическая база включает статистические данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и научные публикации в области электорального права.

Результаты. В статье показано, что электронные технологии в избирательном процессе могут как улучшать доступность голосования, так и вызывать серьезные опасения относительно безопасности и прозрачности выборов. Рассматриваются примеры успешного применения цифровых сервисов, таких как «Мобильный избиратель», который значительно упростил процесс голосования, и использование ЕПГУ для сбора подписей кандидатов. Тем не менее, выявлены и существующие недостатки, включая неравномерное развитие сервисов и высокие риски манипуляций с данными.

Выводы. Дальнейшая цифровая трансформация выборного процесса способна повысить эффективность и прозрачность выборов. Однако важным аспектом остается необходимость соблюдения традиционных методов голосования для обеспечения доступности для всех граждан. Для успешного регулирования электронной демократии государству следует разрабатывать меры, направленные на повышение доверия к цифровым сервисам и минимизацию рисков несанкционированного доступа к данным. Необходима активизация общественного обсуждения и правового закрепления новых технологий в избирательном процессе.

Ключевые слова: электронные технологии, демократия, публично-правовое регулирование, избирательные процессы, электронное голосование, цифровизация, общественное участие, традиционные институты демократии, дистанционное голосование, Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), политическая активность, электоральное право, инновационные технологии, цифровая демократия, права избирателей, социальные сети

Для цитирования: Лолаева А. С. Проблемы публично-правового регулирования традиционных институтов демократии посредством электронных технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 79–87. EDN [EJNNAF](#)

The problems of public-law regulation of traditional institutions of democracy by E-technologies

Albina S. Lolaeva

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, mirag.8184@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9021-7531>

Abstract

Introduction. With the development of digital technologies in modern society, there is a significant evolution of democratic processes. Electronic technologies represent both new opportunities for citizens to participate in public administration and serious threats to the stability of traditional democratic institutions.

Purpose. Analysis of the problems of public law regulation of traditional democratic institutions in the context of the use of electronic technologies. In particular, the paper examines the impact of digital technologies on electoral processes and their dual role – both as an opportunity to increase citizen participation in governance and as a threat to the stability of democratic institutions.

Materials and methods. The study uses a variety of methods, including dialectical, system-structural and sociological approaches. The main materials of the study are actual legislative acts, analyses of electoral processes and data on the functioning of electronic platforms, such as the Unified Portal of State Services (UPSU), Digital voting station, «Mobile Voter», «InformUIK», remote electronic voting (REV) systems, etc. The empirical base includes statistical data on the functioning of electronic platforms, such as the Unified Portal of State Services (UPSU), «Mobile Voter», «InformUIK», remote electronic voting (REV) systems and others. The empirical base includes statistical data of the Central Election Commission of the Russian Federation and scientific publications in the field of electoral law.

Results. The article shows that electronic technologies in the electoral process can both improve the accessibility of voting and raise serious concerns about the security and transparency of elections. Examples of successful use of digital services, such as Mobile Voter, which has greatly simplified the voting process, and the use of PPGU to collect candidate signatures are discussed. However, existing shortcomings are also identified, including uneven development of services and high risks of data manipulation.

Conclusions. Further digital transformation of the electoral process can increase the efficiency and transparency of elections. However, an important aspect remains the need to adhere to traditional voting methods to ensure accessibility for all citizens. To successfully regulate e-democracy, the State should develop measures aimed at increasing trust in digital services and minimizing the risks of unauthorized access to data. It is necessary to intensify public discussion and the legal consolidation of new technologies in the electoral process.

Keywords: electronic technologies, democracy, public law regulation, electoral processes, electronic voting, digitalisation, public participation, traditional institutions of democracy, remote voting, Unified Portal of State Services, political activity, electoral law, innovative technologies, digital democracy, voters' rights, social networks

For citation: Lolaeva A. S. The problems of public-law regulation of traditional institutions of democracy by E-technologies. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):79–87. (In Russ.). EDN [EJNNAF](#)

Введение

С развитием цифровых технологий в современном обществе происходит значительная эволюция демократических процессов. Электронные технологии представляют собой как новые возможности для участия граждан в публичном управлении, так и серьезные угрозы для стабильности традиционных институтов демократии. Электронные технологии играют двойную роль в электро-ральных процессах: с одной стороны, они могут повысить доступность выборов и упростить процедуру голосования. С другой стороны, использование электронных систем голосования вызывает серьезные опасения по поводу безопасности и прозрачности. В данной статье рассматриваются указанные аспекты с акцентом на проблемы публично-правового регулирования.

Материалы и методы

В данной статье анализируются проблемы публично-правового регулирования в контексте применения электронных технологий к традиционным институтам демократии. Основными материалами исследования являются актуальные законодательные акты, аналитические материалы, связанные с проведением выборов, и данные о функционировании электронных платформ, таких как Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), «Мобильный избиратель», «ИнформУИК», системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и других. В ходе исследования были использованы разнообразные научные методы познания, каждый из которых играет важную роль в процессе научного анализа:

1. Диалектический метод. Он позволяет понять взаимодействия между компонентами публично-правового регулирования и цифровыми технологиями. Анализируя концептуальные взаимосвязи, возможно выявить динамику изменений, которые влияют на функционирование электоральных институтов в условиях цифровизации.

2. Системно-структурный метод. Он позволит рассмотреть объект исследования в качестве целостной системы, анализируя основные компоненты и их взаимодействия. Этот подход помогает идентифицировать ключевые элементы, такие как законодательные структуры, электронные платформы и механизмы взаимодействия граждан с органами власти, что критически важно для понимания функциональности системы в целом.

3. Формально-логический метод. Этот метод обеспечит строгую логику и формальность в построении выводов и утверждений в исследовании. Использование этого подхода способствует формулированию четких гипотез и обоснованию результатов, что усиливает научную достоверность работы.

4. Моделирование. Использование моделирования дает возможность создать абстрактные представления о функционировании традиционных институтов демократии в цифровой среде. Модели могут быть как математическими, так и графическими и будут использоваться для анализа и прогнозирования последствий внедрения электронных технологий.

5. Кейс-метод. Используются конкретные примеры внедрения электронных технологий в выборные процессы. Кейс-метод позволяет глубже понять, как различные подходы к цифровизации влияют на демократические институты и избирательные практики.

В сумме использование этих методов предоставляет комплексную картину, позволяя не только анализировать риски и вызовы, связанные с цифровизацией избирательного процесса, но и разрабатывать рекомендации по его совершенствованию. Мы опираемся на актуальные нормативные акты, аналитические материалы и данные о функционировании существующих электронных платформ, таких как Единый портал государственных услуг и системы дистанционного электронного голосования. В качестве эмпирической базы выступили данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, а также исследования и публикации в области электорального права и цифровой демократии.

Результаты и обсуждение

Электронные выборы выступают важнейшим институциональным выражением электронной демократии, ее атрибутивным элементом, преобразующим электоральную демократию в демократию электронную. Под электронными выборами понимается применение современных цифровых технологий в избирательном процессе, в ходе формирования выборных органов и должностных лиц публичной власти путем непосредственного волеизъявления избирателей.

Электронные выборы при этом представляются в двух организационно-правовых измерениях: 1) совокупность избирательных действий, целиком формируемых цифровыми технологиями (электронные выборы в чистом виде); 2) использование в электоральных процессах интерактивных составляющих наряду с традиционными избирательными процедурами.

В реальной электоральной практике выборы нигде не осуществляются в сугубо электронном формате, повсеместно они носят комбинированный характер, с использованием элементов цифрового и традиционного (нецифрового) волеизъявления с количественным преобладанием одного над другим.

В любом технологическом качестве электронные выборы представляют собой форму прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица.

Цифровые сервисы, реализуемые в рамках избирательного процесса, должны принимать во внимание интересы всех ключевых участников, «включая избирателей, кандидатов, политических партий и других заинтересованных сторон». В этой связи назревает необходимость создания персонализированных учетных записей для пользователей, позволяющих эффективно взаимодействовать с Федеральной государственной информационной системой ЕСИА. Такие учетные записи обеспечат удобный доступ к государственным и муниципальным услугам в электронной форме, а также помогут оптимизировать процессы предоставления информации. Личный кабинет для каждого субъекта упростит технологическое взаимодействие и улучшит качество услуг, способствуя digital-трансформации государственного управления.

При внедрении цифровых решений в избирательный процесс необходимо также учитывать сохранение традиционных методов проведения выборов. Это условие является центральным для обеспечения доступности избирательного процесса для всех граждан, включая тех, кто может сталкиваться с трудностями в использовании цифровых технологий. Таким образом, интеграция цифровых сервисов не должна приводить к исключению отдельных групп избирателей, что в конечном итоге способствует укреплению демократических принципов и соблюдению прав граждан на равный доступ к участию в выборах.

В рамках реализации мероприятий по развитию Государственной автоматизированной системы «Выборы» до 2020 года «планировалось создание восемнадцати цифровых сервисов, что должно значительно упростить демократические процессы. Эти сервисы были распределены между различными категориями пользователей: девять из них предназначены для избирателей; четыре сервиса – кандидатам и избирательным объединениям, два – для политических партий, а три – для избирательных комиссий» [1, с. 42]. После реализации ключевых направлений цифровой трансформации избирательного процесса представляется возможным провести анализ её эффективности, включая оценку достигнутых результатов и выявление положительных изменений, а также анализ оставшихся проблем.

Сервис «Мобильный избиратель» представляет собой современную платформу, предназначенную для оптимизации процесса голосования. Он заменяет устаревшую систему открепительных удостоверений, что делает участие в выборах более удобным и доступным. Благодаря этой новации избиратели могут голосовать в любом округе, не ограничиваясь местом своей постоянной регистрации. Это значительно увеличивает мобильность и свободу выбора для граждан, а также способствует повышению явки на выборах. Одной из ключевых особенностей сервиса является возможность регистрации избирателей через мобильные устройства, что значительно уменьшает временные затраты на процедуру верификации. Платформа обеспечивает пользователям возможность получить актуальную информацию о различных аспектах выборов, включая даты голосования, список кандидатов и предложения местных властей. Кроме того, сервис предоставляет возможность проверки статуса регистрации избирателя, что является важным элементом предупреждения о возможных ошибках, связанных с отсутствием записи в избирательных списках.

С точки зрения технологического обеспечения, «Мобильный избиратель» базируется на современных информационных технологиях, включая защиту данных и обеспечения конфиденциальности пользовательской информации. Использование криптографических методов и многофакторной аутентификации позволяет минимизировать риски несанкционированного доступа к личным данным избирателей, что, в свою очередь, содействует увеличению доверия к электронным формам голосования.

Кроме того, сервис интегрирован с системами, обеспечивающими мониторинг электорального процесса, что помогает в реализации антикоррупционных мероприятий и предотвращении фальсификаций. Таким образом, платформа не только облегчает процесс голосования, но также способствует повышению прозрачности выборов и укреплению демократических институтов. Так, в Республике Северная Осетия-Алания в ходе президентских выборов 15-17 марта 2024 года благодаря широкому информированию граждан о возможности проголосовать, удобным способам подачи заявления для голосования по месту нахождения было подано более 30 тыс. заявлений для голосования по месту нахождения¹.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что дальнейшая цифровая трансформация будет способствовать более эффективному и прозрачному проведению выборов. Одним из ключевых аспектов этой трансформации может стать оцифровка списков избирателей, что позволит

¹ <https://www.ossetia.tv/2024/03/15/bole-30-tysiach-jitelei-severnoi-osetii-progolosovali-s-pomoshu-mehanizma-mobilnyi-izbiratel/> (дата обращения 05.02.2025).

оперативно вносить данные о голосовании в государственную автоматизированную систему (ГАС) «Выборы». Новые технологии могут помочь избежать ситуации повторного голосования, что особенно важно для обеспечения честности и легитимности выборов.

Ещё один цифровой сервис – Цифровой избирательный участок (ЦИУ), который представляет собой инновационный подход к реализации избирательного права, позволяющий гражданам голосовать, находясь за пределами своего округа в день выборов. Это особенно актуально в условиях современных реалий, когда мобильность граждан возрастает. Эксперименты, проведенные в 2019 и 2020 гг., подтвердили эффективность ЦИУ. Он оказался особенно полезным на региональных выборах и выборах в Государственную Думу, где избиратели голосуют в одномандатных округах. Возможность участвовать в выборах из любой локации делает избирательный процесс более доступным, что может способствовать увеличению явки избирателей и обеспечению равных условий для всех участников выборов. Внедрение электронной платформы «Единый портал государственных услуг» (ЕПГУ) стало значительным шагом вперед в упрощении процесса регистрации кандидатов на выборах. Ранее сбор подписей для регистрации был сложной и времязатратной процедурой, требовавшей значительных усилий от кандидатов. Однако с появлением ЕПГУ, региональные законодатели начали активно использовать этот инструмент в соответствии с обновлениями законодательства. Теперь кандидаты могут собирать до 50% необходимых подписей через эту платформу, что значительно облегчает им задачу.

С момента начала активного использования ЕПГУ, особенно в период избирательных кампаний, наблюдаются положительные изменения. Данные Центральной избирательной комиссии России за 2020-2022 гг. подтверждают, что данное нововведение нашло широкое применение среди кандидатов, что способствует более открытой и доступной политической системе. Эффективность ЕПГУ в значительной мере «повлияла на увеличение числа зарегистрированных кандидатов, что, в свою очередь, создает более конкурентное избирательное поле и укрепляет демократические процессы. В 2022 г. возможность сбора подписей через портал ЕПГУ была легализована в 29 субъектах Российской Федерации» [1, с. 44]. Это нововведение значительно облегчило процесс участия граждан в выборах. Во время избирательных кампаний 2021 г. в 12 регионах России было успешно собрано 37 838 электронных подписей, что свидетельствует о высоком уровне доверия к данному механизму. Отметим, что ни одна из собранных подписей не была признана недействительной, что подчеркивает надежность данного подхода¹.

В соответствии с установленным постановлением ЦИК России от 4 июня 2020 г. № 251/1852-7 порядком сбора подписей, теперь кандидаты и зарегистрированные политические партии могут собирать подписи в электронном виде. Это нововведение значительно упрощает процедуру и минимизирует риски, связанные с возможными ошибками в оформлении или недействительностью подписей.

Для того чтобы участвовать в этом процессе, как кандидатам, так и избирателям необходимо иметь подтвержденную квалифицированную электронную подпись, а также пройти регистрацию на ЕПГУ. Это требование обеспечивает безопасность и достоверность данных, что является критически важным для надежности выборного процесса.

Таким образом, новая система сбора подписей через ЕПГУ делает выборный процесс более прозрачным и доступным. Это также открывает новые возможности для участия граждан в политической жизни страны, повышая уровень вовлеченности и активности избирателей. Важно отметить, что данные меры направлены на развитие демократических процессов и поддержку политических инициатив в России. Чтобы поддержать кандидата, избирателям нужно предоставить свои личные данные и выразить согласие на обработку своих персональных данных. Это важный шаг, так как кандидаты получают поддержку на основе реальных данных, что формирует легитимную базу для их дальнейшего участия в выборах. Прозрачность и простота, с которыми избиратели могут участвовать в процессе, способствуют росту доверия к выборной системе.

Однако следует помнить, что «поддержка одного и того же кандидата как через ЕПГУ, так и на бумажном носителе имеет свои особенности. Если избиратель проголосует двумя способами, один из них будет признана недействительной, что подчеркивает необходимость внимательного подхода к процедуре выборов» [1, с. 45].

¹ Порядок сбора подписей избирателей через портал «Госуслуги». Автоматизация процесса проверки подписей избирателей // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. 2022. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/uchastie-v-vyborakh/method/> (дата обращения: 19.02.2025).

Одним из ключевых преимуществ Единого портала государственных услуг (ЕПГУ) является возможность верификации актуальности сведений о гражданах путем обращения к данным, предоставляемым органами исполнительной власти, в частности, Министерством внутренних дел Российской Федерации (МВД РФ). Данная функциональность способствует оперативному выявлению неточностей и ошибок в списках избирателей. В случае, если в ходе проверок обнаруживаются несоответствия, гражданам выдаются рекомендации по их устранению, что, в свою очередь, содействует повышению точности данных и улучшению качества избирательного процесса.

Кроме того, на будущее есть планы по улучшению функционала портала «Госуслуги». Это расширение возможностей позволит избирательным комиссиям более эффективно отслеживать процесс сбора подписей, а также автоматизировать обработку информации о собранных подписях. Таким образом, использование ЕПГУ делает процесс более «прозрачным и удобным как для избирателей, так и для органов, ответственных за проведение выборов. Внедрение современных цифровых решений в избирательный процесс не только упрощает взаимодействие граждан с государством, но и повышает доверие к результатам выборов»¹.

Отдельные учёные имеют противоречивое мнение о рассматриваемом нововведении. По мнению Г.В. Вайшнарович: «У некоторых кандидатов либо избирателей имеются определенные трудности при использовании такого способа сбора подписей (возможно, технического характера, недостаток соответствующих познаний в сфере информационных технологий) либо нежелание воспользоваться данной мерой и недоверие к ней» [2, с. 13]. При этом автор подчеркивает, что «соответствующая технология является эффективной для кандидатов, списков кандидатов и минимизирует возможность злоупотреблений избирательных комиссий при проверке подписей избирателей, принятии решений о незаконном отказе в регистрации кандидатов, списков кандидатов» [2, с. 14].

В то же время, И. А. Субочев говорит о том, что «дистанционный сбор подписей уже позволил политическим партиям и кандидатам исключить типовые ошибки, которые допускались при сборе подписей на бумажном носителе, а также существенно упростить порядок работы избирательных комиссий в части проверки представленных подписей избирателей» [3, с. 84].

Действующее законодательство, к сожалению, ограничивает использование современных технологий в электоральных процессах, позволяя применять их исключительно на уровне региональных выборных кампаний. Это создает определенные преграды для более широкого внедрения цифровых решений на федеральном уровне, несмотря на высокий уровень цифровой грамотности населения. Согласно последним статистическим данным, 90% избирателей России имеют аккаунты на ЕПГУ, что является значительным достижением и подтверждением готовности граждан принимать участие в электронных выборах. Поэтому, учитывая эту динамику, возникает необходимость расширения спектра использования современных технологий в избирательных процессах. Внедрение онлайн-голосования и других цифровых решений могло бы повысить прозрачность выборов и упростить процедуру голосования, сделав ее более доступной для граждан².

На наш взгляд, существенным недостатком является установление 50 % предела сбора подписей через ЕПГУ. По утверждению А. В. Кынева «электронные подписи сложно «забраковать», поэтому участники выборов крайне заинтересованы в его распространении»³. Это мнение поддерживает Д. Р. Салихов, который считает, что «фрагментарная возможность сбора подписей через ЕПГУ сводит процесс проверки подписей к проверке бумажных подписных листов, с которыми зачастую возникает много сложностей» [4, с. 130]. В процессе исследований, осуществлённых В. С. Ульхиным, были выявлены характерные ошибки, возникающие при оформлении подписных листов. В частности, к ним относятся: «несоответствие содержания подписного листа образцу заполнения подписного листа, утвержденному избирательной комиссией, организующей выборы; неполное указание в подписном листе сведений о кандидате; наличие в подписном листе неоговоренных исправлений; неверное указание сведений об избирателях в подписном листе. Также нарушающим требования избирательного законодательства может быть признано неправильное написание фамилии, имени или отчества избирателя, номера квартиры или других сведений об избирателе» [5]. Одним из основных

¹ Госуслуги приблизились к избирателю // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5422540> (дата обращения: 15.02.2025).

² Цифровые сервисы для политических партий // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. 2022. URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/uchastie-v-vyborakh/method/> (дата обращения: 19.02.2025).

³ Там же.

факторов, способствовавших признанию подписей недействительными, явился факт, что фамилии, имена и отчества избирателей зачастую заполнялись непосредственно сборщиками подписей или кандидатами. Хотя ранее такая практика была разрешена законом, это привело к множеству споров. Также активно проводились графологические экспертизы, которые выявляли несоответствия. Внедрение сбора подписей через ЕПГУ поможет избежать таких ошибок в будущем, повысив прозрачность и поддержку избирательного процесса.

По этому поводу интересно мнение Д. Р. Салихова о том, что «технически невозможно со 100-процентной уверенностью установить достоверность подписи. Кроме того, существуют примеры ошибок при вводе данных с подписных листов и констатации недостоверности лишь по этому основанию. С учетом того, что основная цель сбора подписей – выявить наличие поддержки у кандидата и сокращение расходов государства на тех, кто не пользуется минимально необходимой поддержкой, то было бы целесообразно закрепить возможность сбора 100 % подписей с помощью ЕПГУ» [4, с. 132].

Далее рассмотрим вопросы правового регулирования информирования избирателей и предвыборной агитации с использованием сети интернет, ставшие ключевыми инструментами для обеспечения информационной прозрачности выборов. Они предоставляют возможность информировать избирателей о правилах и процедурах не только организаторам выборов, но и кандидатам и партиям – платформу для распространения своих агитационных материалов. Современное избирательное законодательство детализирует, как именно можно использовать интернет-ресурсы, включая социальные сети, для продвижения политических целей. Это позволяет контролировать качество информации, предотвращать распространение фейков и обеспечивать равный доступ к информации для всех участников выборного процесса [6, с. 52].

Современные технологии трансформируют предвыборную агитацию, но также создают новые вызовы, такие как поддельные аккаунты и отсутствие четких норм. Важно адаптировать законодательство к цифровой эпохе, минимизировать риски манипуляций и обеспечить эффективный контроль за процессом выборов, включая возможную ответственность за нарушения.

Новый сервис «ИнформУИК» призван усилить процесс информирования избирателей и сделать голосование более доступным. Глава ЦИК при подготовке президентских выборов 2024 года подчеркивала важность цифровизации для повышения участия граждан в политическом процессе: «Повсеместная информационно-разъяснительная работа, осуществление которой от дома к дому, глаза в глаза будут проводить наши коллеги из участковых избирательных комиссий»¹.

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) также является новым цифровым сервисом для избирателей в России, вызывающим множество вопросов и споров. Электронное голосование как особый сегмент электронной демократии выступает центральным элементом электронных выборов, материализующим электоральную волю, придает выборам электронный характер. Внедрение цифровых технологий на различных этапах избирательного процесса не приводит к полностью электронным выборам, а лишь подчеркивает наличие цифрового компонента в их организации и проведении. П. А. Астафичев по этому поводу отмечает, что «голосование – главная стадия избирательного процесса; голосование есть выборы в узком смысле» [7, с. 16]. Электронное голосование является неотъемлемой составляющей системы электронных выборов, однако его применение не ограничивается исключительно этой областью. Оно также интегрируется в реализацию других форм непосредственной демократии, таких как референдумы, правотворческие инициативы, электронные петиции и различные другие механизмы. При этом для каждой из указанных форм используются специально разработанные технологические платформы, соответствующие их специфическим требованиям и характеристикам.

ДЭГ позволяет голосовать без бумажных бюллетеней с использованием специализированного программного обеспечения и защищает конфиденциальность голосования. ДЭГ осуществляется через стационарное и дистанционное голосование, с использованием безопасных электронных систем. Преимущества ДЭГ включают повышенную явку избирателей и снижение риска внешнего вмешательства. Для участия в ДЭГ необходимо иметь активированный Единый портал государственных услуг (ЕПГУ). Процесс включает идентификацию, аутентификацию и анонимизацию, что обеспечивают безопасность и конфиденциальность.

Несмотря на значительные достоинства, ДЭГ представлен некоторыми рисками, связанными с безопасностью данных, возможными хакерскими атаками и манипуляциями. Однако при должном

¹ <https://vesty.spb.ru/2024/02/07/cifrovizaciya-izbiratel'nogo-processa-27613> (дата обращения 12.02.2025).

контроле и регулировании, электронные выборы могут значительно повысить участие граждан и улучшить демократические процессы в стране.

Дистанционное электронное голосование применялось на выборах депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва, а также региональных и муниципальных органов власти, прошедших в единый день голосования 19 сентября 2021 г., на которых в семи субъектах Федерации была доступна возможность дистанционного электронного голосования: Москве, Севастополе, Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областях.

На этих выборах обеспечивалась возможность дистанционного электронного голосования по партийным спискам для жителей Луганской и Донецкой народных республик, имевших российское гражданство, но не имевших регистрации на территории России.

Порядок проведения дистанционного электронного голосования регламентировался Постановлением Центральной избирательной комиссии РФ от 20 июля 2021 г. № 26/225-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года», утвердившим Порядок дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 г.¹

На выборах Президента РФ 15-17 марта 2024 г. избиратели уже из 26 субъектов РФ смогли воспользоваться возможностью принять участие в дистанционном электронном голосовании в Единый день голосования 2024 г.

Избиратели 25 регионов России голосовали онлайн с использованием Федеральной платформы ДЭГ, специально разработанной по заказу ЦИК России, на специальном портале vybory.gov.ru, а избиратели Москвы – на региональной платформе для голосования mos.ru.²

Итоговая явка на федеральной платформе ДЭГ – 94%. Этим способом голосования воспользовались 4,4 млн чел. В Москве, которая использует свою платформу, проголосовали онлайн почти 3,7 млн чел., или половина всех избирателей³.

Дистанционное электронное голосование определялось как голосование без использования избирательного бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, установленного на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования, доступ к которому избирателю предоставлялся на специальном портале, размещенном в интернете.

Заключение

Таким образом, влияние электронных технологий на демократические процессы является многогранным и неоднозначным. С одной стороны, они открывают новые возможности для участия граждан и повышения прозрачности, с другой стороны, ставят перед обществом серьезные вызовы, требующие внимательного законодательного регулирования. Обеспечение защиты прав граждан, развитие инфраструктуры и создание условий для равного доступа к цифровым ресурсам становятся ключевыми задачами для современного общества в условиях быстро меняющегося технологического ландшафта.

Технологические достижения XXI века обладают значительным потенциалом для оптимизации участия в избирательных процессах, как для избирателей, так и для кандидатов, а также для работников избирательных комиссий. Это имеет ключевое значение для повышения общей эффективности электорального процесса. Внедрение современных цифровых сервисов может существенно снизить вероятность распространенных ошибок, которые совершают кандидаты при сборе подписей, а также в процессе заполнения различных форм и заявлений. Тем не менее, крайне важно, чтобы создаваемые системы соответствовали основным принципам избирательного права. Подозрения, касающиеся их прозрачности или возможности манипуляций, способны подорвать доверие к данным нововведениям и свести на нет усилия по цифровизации избирательного процесса. В связи с этим государству необходимо уделить особое внимание обеспечению прозрачности и доступности электронных сервисов, что будет способствовать укреплению доверия общества к современным технологиям, используемым в электоральном процессе.

¹ Вестник ЦИК РФ. 2021. № 13 (425). С. 186–225.

² <https://vybory.gov.ru/> (дата обращения 12.02.2025).

³ <https://www.kommersant.ru/doc/6579312> (дата обращения 12.02.2025).

Список источников

1. Вершинин А. И. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровизации избирательного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 40–49.
2. Вайшнарович Г. В. О предоставлении возможности сбора подписей избирателей на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) в законодательстве субъектов Российской Федерации / В кн.: Уральский форум конституционалистов: материалы Шестого Уральского Форума конституционалистов (05-11 октября 2020 г.): в 2-х ч. Екатеринбург. Ч. 2. 2021. С. 9–14.
3. Субочев И. А. Развитие института сбора подписей избирателей в условиях цифровизации избирательного процесса // Новая реальность современного мира: вызовы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (03-04 февраля 2021 г.), Барнаул. 2020. С. 80-85.
4. Салихов Д.Р. Протестные отношения в конституционном праве: от теории к практике конституционного правового регулирования: монография. М., 2022. 208 с.
5. Улихин В. С. Как заполнить подписной лист в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления? Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2025).
6. Турищева Н. Ю. Агитация в сети Интернет: в поисках характеристик новой среды // Государство и право. 2020. № 9. С. 50–62.
7. Астафичев П. А. Институт народного представительства в современной России. Орел, 2003. 292 с.

References

1. Vershinin A. I. Problems and prospects of legal regulation of digitalization of the electoral process. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023;4(55):40–49. (In Russ.)
2. Vaishnarovich G.V. On providing the possibility of collecting voter signatures in elections to public authorities of the subject of the Russian Federation using the unified portal of state and municipal services (functions) in the legislation of the subjects of the Russian Federation. In: *Urals Forum of Constitutionalists: materials of the Sixth Urals Forum of Constitutionalists* (05-11 October 2020): in 2 parts. Ekaterinburg. P. 2. 2021:9–14. (In Russ.)
3. Subochev I. A. Development of the institution of collecting voter signatures in the conditions of digitalization of the electoral process. In: *New reality of the modern world: challenges and prospects: proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (03-04 February 2021), Barnaul; 2020:80–85. (In Russ.)
4. Salikhov D. R. *Protest relations in constitutional law: from theory to practice of constitutional legal regulation*: a monograph. Moscow; 2022. 208 p. (In Russ.)
5. Ulikhin V. C. *How to fill in the signature list in support of nomination of the candidate, the list of candidates at elections in bodies of the state power and bodies of local self-government?* Access from the reference-legal system "ConsultantPlus" (Accessed 19.02.2025). (In Russ.)
6. Turishcheva N. Yu. Agitation in the Internet: in search of characteristics of a new environment. *State and Law*. 2020;(9):50–62. (In Russ.)
7. Astafichev P. A. *Institution of people's representation in modern Russia*. Orel; 2003. 292 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Лолаева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова».

Information about the author

A. S. Lolaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «North-Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2025; принята к публикации 21.05.2025.

The article was submitted 11.04.2025; approved after reviewing 19.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.

Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса в России в условиях цифровизации

Наталья Евгеньевна Шакурова

Государственный университет просвещения, Москва, Россия, natalyapretty@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3229-095X>

Аннотация

Введение. Современное развитие избирательного процесса в Российской Федерации осуществляется в условиях углубляющейся цифровой трансформации публичного управления. Введение дистанционного электронного голосования, автоматизация процедур учета избирателей и обработка данных на основе информационных систем становятся частью устойчивой институциональной практики. Однако подобные изменения затрагивают не только технологический аспект. Они затрагивают правовые гарантии реализации избирательных прав, создавая необходимость переосмысления существующей модели организационно-правового обеспечения.

Цель. Выявление институциональных и нормативных условий, необходимых для формирования устойчивой модели цифрового избирательного процесса при сохранении демократических правовых стандартов.

Методы. В статье применены формально-юридический, институциональный и сравнительно-правовой методы. Анализ базируется на положениях действующего законодательства, официальных документах Центральной избирательной комиссии, региональных нормативных актах, а также материалах научной доктрины.

Результаты. Установлено, что современное регулирование избирательного процесса в условиях цифровизации остается фрагментарным. Цифровые инструменты используются без формирования целостной нормативной модели. Идентифицированы риски нарушения принципов тайны голосования, правовой определенности и гласности, обусловленные технологическим вмешательством. Предложены направления совершенствования законодательства, включая закрепление правового режима цифровых платформ, институционализацию цифрового наблюдения и развитие гарантий альтернативного голосования.

Выводы. Необходимо закрепить в федеральном законодательстве механизм альтернативных форм голосования, однако введение цифровых технологий не может означать отказ от традиционных форм волеизъявления. Институциональные решения должны предусматривать расширение компетенций избирательных комиссий в сфере цифровой грамотности. В целом развитие законодательства и институциональных механизмов в сфере цифровизации избирательного процесса должно обеспечивать баланс между технологическими возможностями и сохранением демократической легитимности.

Ключевые слова: избирательное право, цифровизация, дистанционное голосование, правовое обеспечение, избирательная комиссия, организационное обеспечение, избирательный процесс

Для цитирования: Шакурова Н. Е. Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса в России в условиях цифровизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 88–94. EDN [DZAMXH](#)

Organizational and legal support of the electoral process in Russia in the context of digitalization

Natalia E. Shakurova

Federal State University of Education, Moscow, Russia,
natalyapretty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3229-095X>

Abstract

Introduction. The modern development of the electoral process in the Russian Federation is taking place in the context of the deepening digital transformation of public administration. The introduction of remote electronic voting, automation of voter registration procedures and data processing based on information systems are becoming part of a sustainable institutional practice. However, such changes affect not only the technological aspect. They affect the legal guarantees of the exercise of electoral rights, creating the need to rethink the existing model of organizational and legal support.

Purpose. Identification of the institutional and regulatory conditions necessary for the formation of a sustainable model of the digital electoral process while maintaining democratic legal standards.

Methods. The article applies formal-legal, institutional, and comparative legal methods. The analysis is based on the provisions of current legislation, official documents of the Central Election Commission, regional legal acts, and scholarly doctrine.

Results. It has been established that the modern regulation of the electoral process in the context of digitalization remains fragmented. Digital tools are used without forming a holistic regulatory model. The risks of violating the principles of voting secrecy, legal certainty and transparency caused by technological intervention are identified. Directions for improving legislation are proposed, including consolidating the legal regime of digital platforms, institutionalizing digital surveillance, and developing guarantees for alternative voting.

Conclusions. It is necessary to consolidate the mechanism of alternative forms of voting in federal legislation, however, the introduction of digital technologies cannot mean abandoning traditional forms of expression of will. Institutional solutions should provide for the expansion of the competencies of election commissions in the field of digital literacy. In general, the development of legislation and institutional mechanisms in the field of digitalization of the electoral process should ensure a balance between technological capabilities and the preservation of democratic legitimacy.

Keywords: electoral law, digitalization, remote voting, legal support, election commission, organizational support, electoral process

For citation: Shakurova N. E. Organizational and legal support of the electoral process in Russia in the context of digitalization. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):88–94. (In Russ.). EDN [DZAMXH](#)

Введение

Современное развитие избирательного процесса в Российской Федерации осуществляется в условиях углубляющейся цифровой трансформации публичного управления. Цифровизация охватывает не только технические средства администрирования выборов, но и формирует новые подходы к взаимодействию избирателей с институтами электоральной демократии. Введение дистанционного электронного голосования, автоматизация процедур учета избирателей и обработка данных на основе информационных систем становятся частью устойчивой институциональной практики. Однако подобные изменения затрагивают не только технологический аспект. Они затрагивают правовые гарантии реализации избирательных прав, создавая необходимость переосмысления существующей модели организационно-правового обеспечения.

Целью исследования является анализ нормативной модели организационно-правового обеспечения избирательного процесса в условиях цифровизации и выявление направлений ее совершенствования с учетом необходимости сохранения правовых гарантий.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе действующего федерального законодательства, регулирующего порядок применения цифровых процедур в избирательной системе. Применены формально-юридический метод (для выявления особенностей правового регулирования цифровых инструментов), институциональный подход (для анализа функционирования субъектов избирательного процесса в условиях цифровизации). Теоретическая аргументация опирается на системный анализ нормативной и доктринальной базы с учетом тенденций цифровой трансформации публичного управления.

Теоретической основой исследования послужили современные научные представления о цифровизации как факторе эволюции публичного права, а также концепции, раскрывающие институциональные механизмы реализации избирательных прав в цифровой среде. Использованы труды, раскрывающие правовую природу избирательных комиссий, специфику функционирования государственных автоматизированных систем, а также риски алгоритмизации процедур волеизъявления.

Обзор научной литературы

В качестве теоретической базы статьи использованы труды современных российских исследователей, посвящённые правовым и институциональным аспектам цифровизации избирательного процесса. Значительное внимание в научной литературе уделяется проблематике соотношения технологических инноваций и правовых гарантий. Ряд авторов (Е. В. Гриценко, А. И. Лопатин, Ш. С. Шушания) рассматривают цифровизацию избирательного процесса как фактор, трансформирующий не только технические, но и правовые параметры реализации избирательных прав. В их работах подчёркивается необходимость нормативного контроля над алгоритмами, соблюдения тайны голосования и обеспечения процедурной прозрачности. Другие исследователи (Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов) акцентируют внимание на изменении характера правового регулирования в условиях цифровой трансформации, указывая на риски подмены норм техническими протоколами и алгоритмическими конструкциями.

Результаты и обсуждение

Правовая природа организационно-правового обеспечения избирательного процесса

Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса представляет собой систему нормативно закреплённых механизмов, процедур и субъектов, обеспечивающих надлежащее проведение выборов в соответствии с принципами демократического правового государства. Это понятие охватывает не только правовое регулирование отдельных этапов избирательного цикла, но и деятельность специализированных институтов, формирующих инфраструктуру выборов, включая их цифровой сегмент.

Нормативное закрепление организационно-правового обеспечения избирательного процесса содержится, прежде всего, в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ (далее – Закон о гарантиях избирательных прав). Согласно ст. 10, к числу субъектов, осуществляющих подготовку и проведение выборов, отнесены избирательные комиссии различных уровней, органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также иные участвующие в этом процессе организации. Каждое из звеньев этой системы наделено собственными полномочиями, функциями и обязанностями, реализация которых обеспечивает непрерывность, законность и достоверность всей электоральной процедуры.

Центральным звеном организационной структуры выступает Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, обладающая координирующими и нормативными полномочиями, включая право утверждать формы избирательной документации, устанавливать методику подсчёта голосов, а также определять особенности проведения голосования с применением цифровых технологий. Деятельность ЦИК России наделена правовым авторитетом, исходящим как из федерального законодательства, так и из подзаконных актов, включая, в частности, Постановление от 15.03.2023 № 111/863-8 «О Методических рекомендациях о порядке формирования территориальных, окружных и участковых избирательных комиссий»² (далее – Методические рекомендации ЦИК), регламентирующее формирование комиссий на всех уровнях с возможностью цифровой верификации сведений о кандидатах и участниках процесса.

Особенностью организационно-правового обеспечения является его двойственная природа: с одной стороны, оно выражается в нормативных предписаниях, формализующих процедуры подготовки и проведения выборов; с другой – в действиях субъектов, реализующих эти предписания через институциональные механизмы, инфраструктурные решения и административные процедуры. В условиях цифровизации указанная двойственность приобретает дополнительное измерение –

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. №106. 15.06.2002.

² Постановление ЦИК России от 15.03.2023 №111/863-8 (ред. от 05.01.2024) «О Методических рекомендациях о порядке формирования территориальных, окружных и участковых избирательных комиссий» // Вестник ЦИК России. №2. 2023.

правовая норма начинает действовать не только через волевое поведение субъекта, но и через «технический протокол или алгоритм, встроенный в автоматизированную систему» [1, с. 34].

На региональном уровне организационно-правовая архитектура адаптируется с учетом особенностей конкретной территории. Так, в соответствии с Законом города Москвы от 06.07.2005 № 38 «Избирательный кодекс города Москвы»¹, структура и порядок деятельности избирательных комиссий города подчиняются требованиям федерального законодательства, но с учетом специфики столичной электоральной инфраструктуры. Например, закрепляется возможность интеграции технических средств автоматизированного подсчета голосов и иных цифровых компонентов в региональную модель выборов.

Организационно-правовое обеспечение в условиях цифровой трансформации требует особого подхода к определению границ юридически допустимого вмешательства в электоральные процедуры. Правовое регулирование должно не просто фиксировать институциональные связи и процедурные этапы, но и обеспечивать устойчивость системы к технологическим сбоям, нарушениям и манипуляциям, в том числе в сфере «информационной безопасности, идентификации и верификации избирателей» [2, с. 37]. Это, в свою очередь, предполагает необходимость синхронизации нормативной базы с возможностями цифровой инфраструктуры, без подмены правовой регламентации внутренними алгоритмами или протоколами цифровых платформ.

Цифровизация избирательного процесса: правовые рамки и институциональные механизмы

Цифровизация избирательного процесса в Российской Федерации осуществляется в пределах нормативных моделей, формируемых на основе действующего федерального законодательства, а также актов Центральной избирательной комиссии и региональных норм. Юридическая значимость цифровизации заключается в том, что она не ограничивается внедрением технических средств, а затрагивает саму логику функционирования электоральных процедур, требуя «перераспределения функций между субъектами процесса и трансформации процедурных механизмов» [3, с. 625].

Закон о гарантиях избирательных прав предусматривает в ст. 2 использование государственных автоматизированных систем, в том числе ГАС «Выборы», в качестве элемента обеспечения достоверности и своевременности обработки избирательной информации. Согласно положениям п. 12.1 той же статьи, государственная система регистрации избирателей представляет собой цифровую структуру, обеспечивающую актуальность и точность сведений о гражданах, обладающих активным избирательным правом.

Особое значение приобретают нормы, содержащиеся в Федеральном законе от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»². В соответствии с ч. 2 ст. 17, закон допускает возможность использования электронных средств для идентификации личности избирателя при реализации дистанционного голосования. Однако их применение допускается исключительно при наличии утвержденного ЦИК порядка, что подчеркивает юридически обусловленную специфику цифровых процедур: они не могут рассматриваться как «универсальные и требуют точного нормативного опосредования» [4, с. 19].

В условиях цифровизации особое место занимает функционирование единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), а также интеграция портала «Госуслуги» в избирательный процесс. Через эти платформы реализуются процедуры подачи заявлений, участия в дистанционном электронном голосовании, а также доступ к информации о голосовании. Институциональной основой цифрового сопровождения выборов остается ГАС «Выборы» – государственная автоматизированная система, обеспечивающая сбор, передачу, обработку и хранение избирательной информации. Ее правовой статус закреплен в отдельных статьях Закона о гарантиях избирательных прав, а также в подзаконных актах, регламентирующих состав информации, порядок доступа, уровни защищенности и процедурную верификацию данных.

Кроме того, Методические рекомендации ЦИК закрепляют возможность цифровой проверки сведений о кандидатах при формировании списков и регистрации, что означает распространение цифровых инструментов не только на избирателей, но и на субъектов выдвижения. Региональное законодательство в ряде случаев конкретизирует или детализирует федеральные положения.

¹ Закон г. Москвы от 06.07.2005 №38 (ред. от 08.05.2024) «Избирательный кодекс города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. №43. 01.08.2005.

² Федеральный закон от 10.01.2003 №19-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О выборах Президента Российской Федерации» // Российская газета. №6. 16.01.2003.

Например, в рамках столичных избирательных кампаний начиная с 2019 года активно применяется система дистанционного электронного голосования, «организованная через специальную цифровую платформу с элементами блокчейн-технологий» [5, с. 75].

Риски цифровизации и пределы допустимости технологического вмешательства

Цифровизация избирательного процесса, при всей ее функциональной привлекательности, сопряжена с рядом правовых рисков, затрагивающих основы демократического устройства. В отличие от традиционных процедур, предполагающих физическое участие избирателя, проверяемое визуально и документально, цифровые технологии основаны на программных алгоритмах, технических интерфейсах и удаленной аутентификации, что существенно усложняет внешнюю верификацию их корректности.

Одним из первоочередных рисков является угроза нарушения принципа тайного голосования. В условиях дистанционного голосования исключение внешнего контроля над избирательной волей становится затруднительным, особенно если голосование осуществляется вне специально оборудованных помещений. Как подчеркивает А.И. Лопатин, отсутствие гарантированного изоляционного пространства при дистанционном волеизъявлении открывает возможности для давления «на избирателя, утраты свободы выбора и компрометации результатов выборов» [6, с. 48].

Не менее значимой является проблема идентификации. Использование цифровых платформ требует точной привязки к личности избирателя при соблюдении конфиденциальности его выбора. Нарушение баланса между аутентификацией и анонимностью может привести как «к утрате достоверности голосования, так и к компрометации персональных данных» [7, с. 28].

Цифровые каналы голосования подвержены также технологическим сбоям, кибератакам и ошибкам в программном коде. Эти факторы не исключаются даже при формальном соблюдении протоколов безопасности. Как отмечает Ш.С. Шушания, доверие к избирательной системе может быть подорвано не только фактическими манипуляциями, но и «самим восприятием непрозрачности электронных процедур со стороны общества» [8, с. 59].

В условиях, когда технические детали работы системы остаются непроверяемыми для большинства участников процесса, правовое обеспечение должно включать меры по обеспечению понятности, объяснимости и проверяемости цифровых механизмов.

Правовая наука также указывает на риск замещения нормативных процедур техническими алгоритмами, не обладающими юридической ответственностью. Цифровая трансформация права приводит к смещению его источников – от текста нормы к программному коду, что «в избирательной сфере особенно чувствительно в силу общественной значимости результатов выборов» [9, с. 45].

Без надлежащего правового сопровождения алгоритмы голосования могут функционировать автономно, без возможности внешнего вмешательства или последующего анализа.

Гарантии защиты избирательных прав в цифровой среде

Развитие цифровых форм волеизъявления требует переосмысления механизмов обеспечения и защиты избирательных прав. В условиях, когда значительная часть электоральных процедур реализуется посредством автоматизированных систем, юридические гарантии должны включать не только традиционные формы контроля и обжалования, но и специальные регламенты, направленные на предотвращение рисков, связанных с «алгоритмизацией процессов и дистанционной идентификацией избирателей» [10, с. 124].

Согласно положениям Закона о гарантиях избирательных прав, защита избирательных прав осуществляется на всех этапах избирательного процесса, включая порядок составления списков избирателей, регистрацию кандидатов, организацию голосования и подведение итогов. Указанные гарантии включают в себя право на обжалование действий и решений избирательных комиссий, доступ к информации, а также возможность судебной защиты нарушенных прав (ст. 26, ст. 27). Однако в цифровой среде эффективность этих механизмов во многом зависит от прозрачности технологий.

Существенное значение приобретает вопрос защиты персональных данных, в том числе биометрических, используемых при удаленной идентификации избирателей. В условиях, когда персональные сведения становятся элементом идентификационного механизма, риск несанкционированного доступа и манипуляции возрастает. Следовательно, организационно-правовые гарантии включают «необходимость нормативной детализации порядка хранения, передачи и уничтожения таких данных» [11, с. 24].

Право на судебную защиту в цифровом электоральном процессе приобретает качественно новую значимость. В традиционном голосовании основания для оспаривания результатов, как правило, ограничиваются нарушениями на избирательных участках, неправомерными действиями

комиссий или несоблюдением сроков. В условиях дистанционного электронного голосования в круг потенциальных оснований включаются ошибки в алгоритмах, сбои в работе систем, а также недостаточная прозрачность операций с избирательными данными [12, с. 11].

Особый интерес представляет вопрос о наблюдении за голосованием в цифровой форме. В традиционных процедурах институт наблюдения обеспечивается непосредственным присутствием на участке, визуальной фиксацией нарушений и правом получения копий документов. В условиях цифрового голосования наблюдение требует иного подхода: публичного доступа к ходу операций в реальном времени, возможности верификации данных, открытости исходного кода программного обеспечения.

Развитие организационно-правового обеспечения избирательного процесса в условиях цифровизации требует от законодателя и правоприменителя перехода от фрагментарной адаптации к комплексному переосмыслению всей архитектуры избирательного регулирования. В настоящее время действующее законодательство обеспечивает правовую возможность применения цифровых технологий, однако не формирует целостной модели их интеграции в избирательную систему с учетом принципов равенства, законности, достоверности и прозрачности.

Одним из направлений законодательного совершенствования должно стать закрепление правового статуса цифровой избирательной инфраструктуры как объекта публичного контроля. На сегодняшний день для ГАС «Выборы», дистанционных платформ для голосования и средств аутентификации избирателей требуется установление минимальных стандартов прозрачности архитектуры этих систем, включая обязательную сертификацию, независимую техническую экспертизу и публикацию критериев алгоритмической обработки информации.

Выводы

Дальнейшее развитие законодательства должно предусматривать закрепление в нормах федерального законодательства механизма альтернативности форм голосования. Введение цифровых технологий не может означать отказ от традиционных форм волеизъявления. Необходимо нормативно гарантировать возможность выбора между электронным и очным голосованием вне зависимости от региона, статуса избирателя или организационных условий. Представляется обоснованным развитие института цифрового наблюдения. Законодатель должен установить правовой режим дистанционного контроля за ходом голосования и подсчетом голосов в электронных системах. Этот режим может включать автоматическое создание цифровых логов всех операций, обязательную видеофиксацию действий на серверной части платформы, правовое закрепление полномочий наблюдателей на доступ к исходному коду или технической документации.

Особого внимания требует правовая регламентация алгоритмического воздействия на результаты голосования. Необходимо нормативно определить пределы допустимого применения алгоритмов в обработке избирательных данных и предусмотреть процедуру независимого аудита таких алгоритмов. Возможным является создание специализированного экспертного органа, уполномоченного проводить проверку цифровых систем до и после дня голосования с правом представления заключения в избирательную комиссию и суд.

Наконец, институциональные решения должны предусматривать расширение компетенций избирательных комиссий в сфере цифровой грамотности. Комиссии должны быть наделены ресурсами и обязательствами по проведению разъяснительной работы среди населения, подготовке информационных материалов, обеспечению технической поддержки в период голосования.

В целом развитие законодательства и институциональных механизмов в сфере цифровизации избирательного процесса должно обеспечивать баланс между технологическими возможностями и сохранением демократической легитимности.

Список источников

1. Ерыгина В. И., Ерыгин А. А. Публично-правовая природа избирательных документов // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 1. С. 32-37. DOI: 10.18572/2500-0306-2024-1-32-37.
2. Степанян С. А. Цифровизация электоральных процедур и обеспечение доверия граждан к избирательному процессу // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 2. С. 36-38. DOI: 10.18572/2500-0306-2024-2-36-38.
3. Вильнер И. А. Цифровизация избирательного процесса // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 2 (90). С. 618-637. DOI: 10.35775/PSI.2023.90.2.016.
4. Трущалова Т. О. К вопросу о соотношении понятий «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование» // Юридический мир. 2022. № 1. С. 18-22. DOI: 10.18572/1811-1475-2022-1-18-22.

5. Гасанов Н. К. О. История развития цифровизации избирательного процесса // Актуальные исследования. 2024. № 49-1 (231). С. 74-76.
6. Гриценко Е. В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 41-49. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-5-41-49.
7. Гриценко Е. В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149). С. 15-36. DOI: 10.21128/1812-7126-2022-4-15-36.
8. Шущания Ш. С. Цифровизация избирательного процесса и избирательные права в цифровую эпоху // Юрист. 2022. № 1. С. 55-61. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-1-55-61.
9. Лопатин А. И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 43-55. DOI: 10.12737/jrl.2022.051.
10. Лебедева Ю. Н. Изменения в избирательном праве // Образование и право. 2023. № 7. С. 123-125. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-7-123-125.
11. Лопатин А. И. Цифровизация избирательного процесса: опыт и перспективы // Избирательное законодательство и практика. 2022. № 1. С. 23-30. DOI: 10.18572/2500-0306-2022-1-23-30.
12. Алексеев Р. А., Кривешко Д. Д. Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 1. С. 3-20. DOI 10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20.

References

1. Erygina V. I., Erygin A. A. The Public-Legal Nature of Electoral Documents. *Electoral legislation and practice*. 2024;(1):32-37. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2024-1-32-37>. (In Russ.)
2. Stepanyan S. A. Digitalization of Electoral Procedures and Building Citizens' Trust in the Electoral Process. *Electoral legislation and practice*. 2024;(2): 36-38. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2024-2-36-38>. (In Russ.)
3. Vilner I. A. Digitalization of the Electoral Process. *Political Science Issues*. 2023;13(2(90)):618-637. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.90.2.016>. (In Russ.)
4. Trushchalova T. O. On the Correlation Between the Concepts of "Electronic Voting" and "Remote Electronic Voting". *Juridical World*. 2022;(1):18-22. <https://doi.org/10.18572/1811-1475-2022-1-18-22>. (In Russ.)
5. Gasanov N. K. O. History of the Development of Electoral Process Digitalization. *Current Research*. 2024; 49-1 (231):74-76. (In Russ.)
6. Gritsenko E. V. Ensuring the Fundamental Guarantees of Electoral Rights in the Context of Electoral Process Informatization. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;(5):41-49. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49>. (In Russ.)
7. Gritsenko E. V. The Right to Good Governance in the Context of Digital Transformation. *Comparative Constitutional Review*. 2022;4(149):15-36. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-4-15-36>. (In Russ.)
8. Shushania Sh. S. Digitalization of the Electoral Process and Electoral Rights in the Digital Age. *Jurist*. 2022;(1):55-61. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2022-1-55-61>. (In Russ.)
9. Lopatin A. I. Digitalization of Electoral Actions and Procedures in Russia: Legal Issues. *Journal of Russian Law*. 2022;26(5):43-55. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.051>. (In Russ.)
10. Lebedeva Yu. N. Amendments to Electoral Law. *Education and Law*. 2023;(7):123-125. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-123-125>. (In Russ.)
11. Lopatin A. I. Digitalization of the Electoral Process: *Experience and Prospects*. *Electoral legislation and practice*. 2022;(1):23-30. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2022-1-23-30>. (In Russ.)
12. Alekseev R. A., Kriveshko D. D. Remote electronic voting: application experience in Russia and abroad. *Journal of Political Research*. 2024;8(1):3-20. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20>. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Е. Шакурова – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права, Государственный университет просвещения.

Information about the author

N. E. Shakurova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Federal State University of Education.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 26.05.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 26.05.2025.

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО, УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 95–103
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(2):95–103

Проблемы, процессуального, уголовного права и криминологии

Научная статья
УДК 343
EDN [FSED TM](#)

Юриспруденция: «ножницы» между теорией и практикой

Данил Аркадьевич Корецкий

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. В начале 90-х годов XX в. рухнула система идеологических ограничений, можно было ожидать бурного развития юридической науки и получения совершенно новых результатов – если говорить о криминологии, то в первую очередь, в области учения о личности преступника и о причинах и условиях совершения преступлений. Увы, ничего подобного не произошло: не считая косметического обновления существующих теорий, революционных прорывов в научных исследованиях не наблюдается. Интенсивные качественно-количественные изменения преступности требуют новых подходов к привычным правовым и криминологическим категориям, чтобы устранить «ножницы» между научными постулатами и правоприменительной практикой, которая, по существу, вытесняет теорию или отмежевывается от нее.

Цель. Обоснование необходимости изменений в юридической науке и практике в связи с имеющимися «ножницами» между правоприменительной практикой и юридической наукой.

Теоретические основы. Развитие юридических учений носит характер «наслоения» теоретических знаний: определенный объем информации, не очень активно пополняясь и слабо обновляясь, переходит из учебника в учебник, из статьи в монографию, из монографии в диссертацию. Преступность изменяется более интенсивно, поэтому характер и практика применения законов «новой нормальности» требует «свежего» взгляда на прежние правовые и криминологические категории, которые при внимательном рассмотрении, выглядят отнюдь не так, как к ним привыкли за прошедшие десятилетия, тем более, что в правовой сфере появляются категории криминального мира.

Результаты. Принятие статьи 210.1 УК РФ обусловило необходимость изучения понятий криминального мира. Требуется изменения ошибочная теория о «неуверенности» и «тревожности» личности преступника. Необходим правопредоставляющий закон «О необходимой обороне». Криминализация и декриминализация каких-либо деяний, должна иметь криминологическую основу, а не подчиняться сиюминутной конъюнктуре. Имеют место нарушения иерархической вертикали нормативных актов, когда нижестоящие противоречат вышестоящим, в том числе и Конституции Российской Федерации. Для устранения подобных «ножниц» предлагается ряд мер.

Выводы. Явные «ножницы» между правоприменительной практикой и юридической наукой являются недопустимыми, и их устранение является первоочередной задачей науки и практики. Автор считает необходимым объединение теоретических и практических юридических категорий в рамках новой, практической криминологии, создание которой представляется назревшей задачей.

Ключевые слова: качественные изменения преступности, новые подходы к привычным юридическим категориям, проблемы статистики, высшее положение в преступной иерархии, «тревожный» преступник, практическая криминология, вытеснение теории правоприменительной практикой, судебный прецедент и закон

Для цитирования: Корецкий Д. А. Юриспруденция: «ножницы» между теорией и практикой // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 95–103. EDN [FSED TM](#)

Problems of Procedural, Criminal Law and Criminology

Original article

Jurisprudence: "scissors" between theory and practice

Danil A. Koretsky

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. In the early 90s of the 20th century, the system of ideological restrictions collapsed, one could expect the rapid development of legal science and the receipt of completely new results – if we talk about criminology, then first of all, in the field of the doctrine of the personality of the criminal and the causes and conditions of crimes. Alas, nothing like this happened: apart from cosmetic updates of existing theories, there are no revolutionary breakthroughs in scientific research. Intensive qualitative and quantitative changes in crime require new approaches to familiar legal and criminological categories in order to eliminate the "scissors" between scientific postulates and law enforcement practice, which essentially displaces theory or dissociates itself from it.

Purpose. Substantiation of the need for changes in legal science and practice due to the existing "scissors" between law enforcement practice and legal science.

Theoretical foundations. The development of legal studies has the character of a "layering" of theoretical knowledge: a certain amount of information, not very actively replenished and poorly updated, passes from textbook to textbook, from article to monograph, from monograph to dissertation. Crime is changing more intensively, therefore, the nature and practice of applying the laws of the "new normal" requires a "fresh" look at the previous legal and criminological categories, which, upon careful examination, look by no means the same as they have been accustomed to over the past decades, especially since categories of the criminal world appear in the legal sphere.

Results. The adoption of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation necessitated the study of the concepts of the criminal world. The erroneous theory of the "insecurity" and "anxiety" of the criminal's personality needs to be changed. A law-enforcing law "On necessary defense" is needed. Criminalization and decriminalization of any acts should have a criminological basis, and not be subject to momentary conjuncture. There are violations of the hierarchical vertical of regulations when those below contradict those above, including the Constitution of the Russian Federation. A number of measures are proposed to eliminate such "scissors".

Conclusions. Explicit "scissors" between law enforcement practice and legal science are unacceptable, and their elimination is the primary task of science and practice. The author considers it necessary to combine theoretical and practical legal categories within the framework of a new, practical criminology, the creation of which seems to be an urgent task.

Keywords: qualitative changes in crime, new approaches to familiar legal categories, problems of statistics, the highest position in the criminal hierarchy, a "disturbing" criminal, practical criminology, displacement of theory by law enforcement practice, judicial precedent and law

For citation: Koretsky D. A. Jurisprudence: "scissors" between theory and practice. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):95–103. (In Russ.). EDN [FSED TM](#)

Введение

В СССР юридическая наука носила ярко выраженный идеологический характер, и ее выводы были подчинены господствующим в то время идеологическим догмам. В частности, утверждалось, что причины преступности сводятся к «пережиткам прошлого» в сознании отдельных людей и во «влиянии капиталистического окружения», начисто отрицалось и наличие в социалистическом обществе категории «личность преступника».

Когда в начале 90-х годов XX в. рухнула система идеологических ограничений, можно было ожидать бурного развития юридической науки и получения совершенно новых результатов – если говорить о криминологии, то в первую очередь, в области учения о личности преступника и о причинах и условиях совершения преступлений. Увы, ничего подобного не произошло: не считая косметического обновления существующих теорий, революционных прорывов в научных исследованиях не наблюдается.

Теоретические основы

Развитие юридических учений, по удачному определению Заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Баранова П. П. [1], носит характер «наслоения» теоретических знаний: определенный объём информации, не очень активно пополняясь и слабо обновляясь, переходит из учебника в учебник, из статьи в монографию, из монографии в диссертацию.

Преступность изменяется более интенсивно, поэтому характер и практика применения законов «новой нормальности» требует «свежего» взгляда на прежние правовые и криминологические категории, которые при внимательном рассмотрении выглядят отнюдь не так, как к ним привыкли за прошедшие десятилетия, тем более, что в правовой сфере появляются категории криминального мира: «высшее положение в преступной иерархии», «АУЕ»*, «вор в законе», «положенец», «смотрящий». Не имеющие правовых определений, перечисленные криминальные термины все же используются в практике, хотя в достаточной мере произвольно, приблизительно, а зачастую неверно. Но понятия «первой пятерки» – «членов блаткомитета» («политбюро», «тройки», «семерки»), «разводящего» («третьяка»), «держателя общака», «стремящегося», «авторитета», «бригадира» ни в криминологическую теорию, ни в правоприменительную практику не проникли.

АУЕ решением Верховного Суда РФ отнесено к экстремистским международным молодежным организациям. Больше ни одного документа, дающего определение АУЕ, перечисляющего его признаки и формы проявления, либо указывающего на какие-нибудь его конкретные характеристики, не существует.

Соглашением каких государств создана Международная негосударственная общественная организация АУЕ? Где она зарегистрирована? Кто наделил её международным правосубъектностью в соответствии с международным договором? Субъекты каких государств, которых должно быть, как минимум два, являются членами АУЕ? Да и в списке международных организаций, хотя и имеются две похожих аббревиатуры – АПА (Азиатская парламентская ассамблея) и АТПФ (Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум), места для АУЕ не нашлось. Среди мировых общественно-политических движений АУЕ тоже отсутствует. Ни сотрудники правоохранительных органов, ни криминальные элементы четкого представления о нём не имеют и считают, что никакого оформленного образования за этой аббревиатурой не стоит, это просто лозунг или криминальное приветствие типа «Жизнь ворами!», «Ворам жить вечно», «Привет всем порядочным» и т.д. В литературе обосновывается со ссылками на эмпирические и исторические источники лишь коммуникативная функция аббревиатуры «АУЕ».

Нечеткость терминологии имеет и другие негативные последствия. Так, если статья 210.1 УК РФ предусматривает наказание лишь за статус обвиняемого, то практика делает шаг назад и, ориентируясь на ст. 210 УК и постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10.06.2010 г., нередко сужает её, требуя совершения определённых действий – руководства и координации преступным сообществом, участия в собраниях лидеров, раздел сфер преступного влияния и т.п. При таком подходе нахождение «коронованного вора» в отдельной камере не дает возможность применения ст. 210.1 УК, что снижает её эффективность.

Или другой пример: снижение уровня преступности, происходящее в последние годы и подтверждаемое улучшением статистических показателей, при криминологическом анализе выглядит не очень убедительным. Автор, как и все пользователи сотовой связью, практически каждый день, иногда по несколько раз подвергается звонкам мошенников, в телефоне заблокированы системой Антиспам сотни таких звонков. Аналогичному прессингу подвергаются родственники, друзья, знакомые. Сколько в России совершается в год аналогичных попыток телефонного мошенничества? Экспертами называлась цифра 20 млн звонков в день (!). В одном из докладов представителя ЦБ было озвучено, что в 2024 г. банки предотвратили 72,2 млн попыток обналичивания денежных

* 17.08.2020 г. Верховный суд России признал объединение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) экстремистской организацией и запретил его деятельность на территории страны.

средств. Каждый такой звонок есть покушение на мошенничество. Эти цифры при официальной фиксации обрушат благополучную статистическую картину, согласно которой в 2024 г. в России совершено 1911003 преступления, что на 1,8 % меньше, чем в предыдущем году¹. Существенные статистические расхождения имеются и в размере причиненного ущерба. Согласно сведениям Банка России, в 2024 г. он составил 27,5 млрд руб., а по официальной статистике – 627,9 млрд.

Результаты и обсуждение

Проблемные вопросы статистической фиксации имеются не только в сфере экономических, так называемых «выявляемых» преступлений, отличающихся высоким уровнем латентности, но и в сфере тяжких преступлений против личности («раскрываемых» преступлений), даже таких, как убийства, которые всегда традиционно считались низко латентными.

Так, число убийств и убийц снижается, а число погибших от преступных действий и при подозрительных обстоятельствах растёт. Например, в 2017 г. общее число лиц, погибших от преступных действий, составило 29,3 тыс., из них только 35% являлись жертвами убийств, остальные 65% погибли в результате иных посягательств. В дальнейшем, отмеченная диспропорция приобрела ещё более выраженный характер: так в 2023 г. от криминальных действий погибли 21 тыс. 46 чел., из них жертв убийств – 5304 (25,2%). Остальные являются потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 109 УК РФ – 3387 (16%); ст. 111 – 3479 (16,5%); ст. 264 – 6598 (31,3%); ст. 293 – 3387 (16%)².

Следует отметить, что качественные характеристики посягательств на жизнь, в том числе и «замаскированные» иной квалификацией, обостряются и имеют крайне негативные тенденции. Это обусловлено неблагоприятными социально-экономическими причинами, ростом агрессивности и конфликтности в обществе, насаждением культа силы, результатом которого стало бурное развитие субкультуры ММА и совершение тяжких насильственных преступлений мастерами всевозможных единоборств. Широкое распространение получили жестокие групповые избиения жертвы, в результате которых ей причиняется смерть или тяжкие увечья. Особенно настораживает отчётливо наблюдаемый тренд на отсутствие острой реакции со стороны правоохранительных органов, а когда, под давлением общественного резонанса, они всё же принимают какие-то меры, то с необъяснимой склонностью преуменьшить вину и смягчить ответственность преступников! [2, с. 29–30].

Имеется немало резонансных примеров, когда уверенные в безнаказанности по опыту предыдущего поведения, преступники жестоко расправляются с лицами, пытающимися им противостоять, или даже просто сделать им замечание. Можно констатировать, что появилась преступная субкультура, противопоставляющая себя закону, нормам правопорядка, нацеленная на доминирование в обществе, и в этих целях демонстративно и беспощадно подавляющая попытки законного противодействия граждан. При этом действия её носителей противоречат устойчивым традициям любого цивилизованного народа, запрещающих группой нападать на одного, бить лежащего, причём наносить удары ногами в голову и т.д.

В последние годы на телевизионных площадках, в СМИ и интернете высказывается много предложений по «усилению борьбы с преступностью», которые сводятся к принятию «хороших» законов вместо «плохих», созданию новых, более эффективных органов борьбы с правонарушениями, например «СМЕРШа»(?!), который исправит положение, ужесточению наказания, вплоть до возвращения в реальный оборот смертной казни... Имеются и предложения по «улучшению» криминологической науки: созданию частных криминологических теорий по отдельным видам преступлений либо отдельным направлениям их предупреждения, переименованию криминологии и даже формированию «военно-полевой» криминологии, хотя упомянутые прилагательные, весьма специфически характеризуют определяемое ими существительное, что известно по терминам «военно-полевые суды» и «военно-полевая хирургия».

Абсурдность подобных «рекомендаций», противоречащих хорошо известным классическим постулатам противодействия преступности и предмету науки о ней, для специалистов очевидна и не требует разъяснений. Так, при вмешательстве в резонансные дела А. И. Бастрыкина, существующие правоохранительные органы в рамках действующих законов правильно квалифицировали преступления против жизни, значит, дело в недостатках толкования *действующих* законов научными работниками, правоприменителями и *практике применения* этих законов! [2].

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».

² Данные ФКУ ГИАЦ МВД России, Ф. 445 кн. 1. Сборник по Российской Федерации. «Сведения о количестве потерпевших». Превышение 100% объясняются, очевидно, совокупностью преступлений.

Введение уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) обусловило необходимость изучения понятия и структуры преступной иерархии, её ступеней от низшего положения до высшего; криминальных рангов такое положение определяющих; понятия, содержания и структуры признанного экстремистским движением (субкультуры, организации) АУЕ и т.п. [3] Эти категории находятся за пределами традиционной российской криминологии, но теперь требуют пристального изучения, а также новых подходов к изучению новых аспектов учения о личности преступника. Исследованием этих важных вопросов, на наш взгляд, должна заниматься новая, практическая криминология, в которой теоретические вопросы переплетаются с практической деятельностью по борьбе с преступностью.

Не вдаваясь в объяснение причин такого феномена, можно констатировать, что в последние годы, застою в юридической науке, сопутствуют «ножницы» между существующими научными постулатами и правоприменительной практикой. Хуже всего, что такие же «ножницы» наблюдаются между наукой, реальностью и законотворчеством, которое призвано эти категории отражать.

Наряду со спорными, в связи со сложностью изучения, толкованиями мотивации лиц, совершающих преступления, приходится встречаться и с такими утверждениями, касающимися личности преступника, которые явно противоречат реальности. Например: «Преступник – это личность со значительно более высоким уровнем тревожности и неуверенности в себе, импульсивности и агрессивности, отчужденности от общественных ценностей и полезного общения... Такие черты в наибольшей степени присущи тем, кто совершает грабежи, разбойные нападения, изнасилования, убийства или наносит тяжкие телесные повреждения...» [4, с. 80].

Откуда в криминологической теории появилось совершенно не соответствующее действительности, а напротив – явно противоречащее ей, представление о «повышенной тревожности и неуверенности в себе», якобы свойственных преступникам, причём совершающим особо тяжкие деяния, не ограничивающиеся нарушением абстрактного закона, а посягающие на другого человека, сопротивление которого, для достижения преступной цели предстоит жестоко и кроваво подавить? И как эти свойства мирно уживаются в том же определении со своими антонимами – импульсивностью и агрессивностью?

Под тревожностью авторы понимают страх небытия, несуществования: страх смерти и постоянное беспокойство и неуверенность. Это некий симбиоз фрейдизма с элементами экзистенциализма, причём на такие комплексы ни один из интервьюируемых автором преступников не жаловался, и даже о них не подозревал. В подтверждение своей концепции, учёные в качестве примера, приводят дело 27-летнего Д., который «у входа в кинотеатр убил несовершеннолетнего. Д. пояснил, что потерпевший сказал что-то обидное о нём, что именно, он не знал. Само это объяснение, якобы, говорит о повышенной тревожности убийцы (?? Д.К.). К тому же он всё время носил с собой нож и однажды ударил им в спину человека, который, по его мнению, оскорбил его [4, с. 97–98].

Подобная трактовка «повышенной тревожности» абсолютно непонятна.

Психофизиология совершения преступления (преодоление моральных запретов; страха перед нарушением закона, сопротивлением потерпевшего, иных лиц и представителей власти; готовность проявлять жестокость и причинять вред другим людям; преодоление воздействия стрессовой ситуации; преодоление тревоги перед разоблачением и др.) во многом совпадают с психофизиологией рискованных действий в опасных профессиях и занятиях – прыжки с парашютом, альпинизм, тушение пожара и т.д. [5]. Вполне понятно, что человек страдающий повышенной тревожностью и неуверенностью в себе, не занимается деятельностью, связанной с риском, а именно таким видом деятельности является совершение преступлений!

Известная в Ростове н/Д банда «Фантомасов» среди бела дня, в меньшинстве, совершала нападения на магазины, вооружённых кассиров и инкассаторов, неоднократно им приходилось вступать в перестрелки, в которых Г. несколько раз получал ранения, подорвавшие его «боевой дух», а С. был убит. Банда Билыков использовала в преступной деятельности автоматы, совершила несколько убийств, в том числе застрелила в перестрелке двух инспекторов ДПС ГИБДД, С-й так же был убит при задержании. Банды Османова и Сажина, вооружённые автоматическим оружием, неоднократно открывали огонь на улицах городов, а однажды расстреляли большую компанию на банкете в одном из ресторанов Северного Кавказа. Разве эти несколько случаев из длинного ряда аналогичных свидетельствуют о «тревожности и неуверенности» бандитов? Напротив, в период их действий тревожность и неуверенность испытывали законопослушные граждане, особенно – кассиры, инкассаторы, работники милиции, водители... Маниакальные убийцы Чикатило, Цюман, Головкин (Фишер)

держали в страхе целые города и регионы, а банда «ГТА» практически парализовала ночное движение на шоссе М-4! [6]

Остается без внимания качественная подмена разных по направленности и целям законов. Так, проблемы, существующие в правоприменительной практике при оценке состояния необходимой обороны всем хорошо известны. Но без внимания остаётся вопрос о том, что ни Конституция РФ, ни другие правонаделющие законы, в том числе тот, от которого этого можно было ожидать в первую очередь – Закон «Об оружии», вообще не предоставляют гражданам право на необходимую оборону!

Лишь Уголовный кодекс, основной задачей которого являются охранительные и наказательные меры, регламентирует этот институт, причём специфическим образом: он обещает, в порядке исключения, не привлекать к уголовной ответственности тех лиц, которые не превысили её пределов! Это совершенно разные правовые дефиниции, как по содержанию, так и по смыслу: ибо одно дело быть наделённым правом на оборону и достойно им воспользоваться, а совсем другое – изначально стать подозреваемым в преступлении и, после долгих судебно-следственных процедур, как верблюд через игольное ушко, обдирая бока, пролезть сквозь узкие рамки этих самых пределов и, возможно, избежать наказания! Это очень похоже на судьбу всех фигурантов уголовных дел: чаще их осуждают, однако некоторых, по разным основаниям, в том числе за недоказанность вины, освобождают от уголовной ответственности! Но допустимо ли ставить на одну доску лицо, достойно и правомерно защитившее себя или кого-то другого от преступного посягательства, и лицо, такое посягательство совершившее? Допустимо ли подменять правоустанавливающую норму охранительно-запретительной? Переходя на общепонятные аналогии, если одному передовику производства в поощрение дали квартиру, а у другого за доблестный труд не отобрали уже имеющуюся, вряд ли можно считать, что за равнозначные достижения оба лица в равной мере воспользовались положенными привилегиями и были одинаково поощрены!

К тому же, охранительная направленность Уголовного кодекса изначально ставит обороняющегося в затруднительное положение, заботясь о нападающем и тем самым ухудшая возможности защиты. Ведь преступник имеет ряд преимуществ: он выбирает удобное ему место и время нападения, подбирает подходящую жертву по внешнему виду (телосложение, манеры поведения), прорабатывает лучший и худший варианты развития событий и продумывает, как обеспечить достижение преступной цели с помощью оружия или заменяющих его предметов, а главное – он психологически готов к нападению, и зачастую уже имеет опыт успешного применения насилия. При таких условиях, потерпевший изначально и заведомо обречён на поражение, но уголовный закон дополнительно ограничивает его возможности требуя, во-первых, определить характер применяемого или угрожающего насилия, как опасного или не опасного для жизни, а во-вторых, не допустить превышения пределов необходимой обороны. Это объективно невыполнимые и абсурдные требования - словно обязать законопослушного гражданина сражаться с выскочившим из-за угла ночным разбойником по правилам дуэльного кодекса!

В средствах массовой информации недавнее решение Верховного суда по делу жителя Твери А. Зобенкова, оправданного за защиту себя, избитого до полусмерти товарища и трехлетней дочери от трёх вооружённых палками нападавших с применением ножа, в результате чего нападающие были убиты, трактуется как расширение прав на защиту, которое теперь обязано учитываться другими судами.¹ В действительности, дело обстоит ровно наоборот: статья 37 УК РФ предусматривает, что если посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то любое причинение вреда посягающему лицу не является преступлением. То есть действия Зобенкова изначально являлись необходимой обороной и не содержали признаков преступления, тем не менее, он несколько лет провёл под стражей и судами первой и апелляционной инстанции был осуждён за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах по статье 105 УК РФ. Собственно, как хорошо известно не только специалистам, это стереотипное, противоречащее ст. 37 УК РФ, проявление обвинительной оценки судами действий обороняющегося. После решения Верховного суда по настоящему делу суды получат новый ориентир и вместо самостоятельной оценки понятия опасности для жизни будут считать таковой только нападение трех вооружённых палками злоумышленников на человека с трехлетним ребенком на руках...

¹ Правдин В. Защищать детей в России теперь можно и с ножом – Верховный суд пересмотрел решение о самообороне. Vfokuse.mail.ru, 27.04.2025

В связи с данным делом, в средствах массовой информации появились и сообщения о том, что теперь разрешено использовать для самообороны ножи. Такое толкование состоявшегося решения тоже вводит граждан в заблуждение: пункт 6 ст. 6 ФЗ закона «Об оружии» прямо запрещает ношение гражданами в целях самообороны холодного оружия. Запрещен и оборот автоматически открывающихся ножей при длине клинка и лезвия более 90 мм. Ношение ножей, не относящихся к категории холодного оружия и не попадающих под приведенные выше ограничения, законом не регламентируется, но и не приветствуется, особенно, если эти действия совершены в местах и при обстоятельствах, явно не соответствующих целевому назначению носимых ножей.

Следует заметить, что в настоящее время давно разработанные, хорошо известные, изложенные в научной и учебной литературе, базисные основы уголовного права, вытесняются из практики, зачастую заменяясь Постановлениями судов высших инстанций. Так обстоит дело с обоснованием применения уголовного наказания за присвоение находки: поскольку данный состав, давно декриминализирован, лицо привлекают к ответственности за кражу, обосновывая это надуманными признаками, которые всегда относились к подтверждению умысла на присвоение находки и никакого отношения к диспозиции ст. 158 УК РФ не имеют [7].

По существу, судебная практика то ли вытесняет теорию уголовного права, на которой должна основываться, то ли отмежевывается от нее. Автору известен спор двух правоприменителей, один из которых утверждал, что теоретические основы, изложенные в учебниках и монографиях, не играют роли при вынесении судебных решений, которые должны основываться на руководящих разъяснениях высших судов. Оппонент резонно заметил, что при такой позиции надо сдать диплом юриста, который получен как раз за знание теории юриспруденции. На столь убедительный довод трудно что-то возразить, впрочем, так же трудно представить, что кто-то воспользуется этим, несомненно дельным советом [7, с. 82].

Можно отметить, что в настоящее время юридическая наука фактически вытеснена из законотворческой и правоприменительной деятельности. Хаотическое, массовое и противоречивое, основанное не на криминологических исследованиях, а на «резонансных» делах или сиюминутной конъюнктуре, изменение уголовно-правовых норм привели, по существу, к уничтожению уголовного кодекса, как стабильного, универсального, систематизированного и структурированного уголовно-правового акта. Внесение в него за время действия тысячи изменений и дополнений – это процесс обратный тому, что называется кодификацией, наоборот – это скорей, дефрагментация единого нормативного комплекса. Между тем, такое вредное явление не привлекает настороженного внимания, напротив: появилось устойчивое мнение, что это нормальный процесс законотворчества, и если принятый закон не работает, то ничего страшного: его можно изменить, либо принять новый. Такое мнение противоречит общеизвестным положениям юридической науки. Больше того – вопреки известному постулату о том, что главное не жестокость наказания, а неотвратимость ответственности, зачастую открыто провозглашается курс на ужесточение санкций за ряд уголовно-правовых и административных составов. В то же время декриминализируются вроде бы малозначительные преступления, например, побои, как правило, предшествующие убийствам в бытовой сфере и выполнявшие функции «двойной превенции».

Нарушается иерархическая вертикаль нормативных актов, зачастую нижестоящие правовые акты противоречат вышестоящим, в том числе и фундаментальным. Этот процесс затронул даже сферу аттестации научных кадров, которые и должны ковать основополагающие принципы юриспруденции. Наглядный пример подобных правовых оценок в данной сфере автор получил недавно, приняв участие в заседании диссертационного совета уважаемого вуза по вопросу о лишении ученой степени лица, защитившего кандидатскую диссертацию более десяти лет назад. Суть проблемы состоит в том, что защита состоялась в 2011 г. по «Положению о порядке присуждения ученых степеней», утвержденному Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 74 с последующими изменениями. По этому документу срок обжалования защищенной диссертации составлял три года.

В 2013 г. было принято новое Положение, которым установлено, что срок обжалования увеличен с трех до десяти лет, в том числе и для ранее защищенных диссертаций. То есть, было допущено нарушение одной из фундаментальных основ юриспруденции – недопустимости обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность. Этот принцип закреплён в статье 54 Конституции Российской Федерации.

Более того, к моменту рассмотрения вопроса истекли уже и десять лет, предусмотренные новым Положением, однако в нем оговаривается, что этот срок приостанавливается подачей заявления о лишении ученой степени! Но ведь известно, что даже в сфере уголовного правоприменения, срок давности истекает, когда прошло предусмотренное законом количество лет, и приостанавливается только противоправными действиями виновного, а не какими-либо действиями третьих лиц (статья 78 УК РФ)!

Создается парадоксальная и противоестественная ситуация: если бы в 2011 г. лицо совершило тяжкое преступление – выбило кому-нибудь глаз, нанесло проникающие ножевые ранения в грудную клетку, совершило изнасилование в составе организованной группы или вооруженный групповой разбой, то сейчас его бы освободили от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности. А за нарушение правил подготовки диссертаций, даже если они действительно имели место, наказание в виде лишения ученой степени почему-то наступает!

Юристы знают, что если какие-либо правовые установления противоречат нормам, расположенным выше на иерархической лестнице, то они подлежат опротестованию и отмене. Тем более, если речь идет о противоречии с актом абсолютной юридической силы, каковой является Конституция Российской Федерации [8, с. 32].

Удивительно то, что в приведенном случае члены Совета – высококвалифицированные юристы, доктора наук и профессора, не усмотрели в противоречии нормативного акта правительства Основному закону страны ничего удивительного, сославшись на длительную практику его применения. Была высказана и позиция о том, что статья 54 Конституции распространяется только на не имеющие обратной силы законы, устанавливающие или отягчающие ответственность, но не на подзаконные нормативные акты. Такое, с позволения сказать, «доктринальное толкование» не выдерживает критики, ибо прямо противоречит значимости Основного закона, устанавливающего фундаментальные принципы, из которых вытекают и все остальные концептуальные подходы к регулированию той или иной сферы отношений. К тому же подобное толкование может относиться только к компетенции Конституционного суда, реализуемой в форме особого вида нормативных начал – конституционно-судебных нормоустановлений [9, с. 122].

Выводы и предложения

1. Явные «ножницы» между правоприменительной практикой и юридической наукой являются недопустимыми, и их устранение является первоочередной задачей науки и практики.

2. Юридическая наука должна избавляться от догматических и морально устаревших норм, разрабатывая новые ориентиры для законотворчества и юридической практики.

3. Юридическая практика нуждается в совершенствовании, но это совершенствование должно основываться на общепризнанных установлениях юридической науки, а не противоречить ей.

4. Ошибочными, противоречащими устойчивым постулатам науки тенденциями являются:

А) Отход от теории и переход на обыденные, сложившиеся в практике представления: выход на первый план в регулировании уголовной политики репрессивных мер, их направленность не на причины и условия преступности, а на предметы и орудия преступлений; использование уголовно-правовых мер воздействия на действия и поведение, которое может предшествовать преступлению, но не обязательно его порождает, то есть, по существу, криминализация поведения, не обладающего общественной опасностью [10].

Б) Вытеснение из правоприменительной практики научных постулатов, которые являются фундаментом правоприменительной деятельности в уголовно-правовой сфере.

В) Возрастание роли фактического судебного прецедента, который таковым не признается.

Г) Отсутствие практически значимых актуальных тем диссертационных исследований, зачастую отсутствие эмпирической базы диссертаций, а при её наличии явные признаки недостоверности методов ее сбора, накопления, систематизации и анализа.

5. Проблемы, поставленные в настоящей статье, можно считать доводами в пользу возможной разработки новой, «Практической криминологии», создание которой представляется назревшей задачей.

Список источников

1. Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // Философия права. 2015. № 1. С. 29-36.

2. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Убийства: баланс правовой защищенности обвиняемого и потерпевшего // Законность. 2024. № 10. С. 29-41.

3. Корецкий Д. А., Сергеев Д. Н. Попытка использования в праве категорий криминального мира // *Законность*. 2024. № 6. С. 38–44.
4. Криминология / Под редакцией академика В. Н. Кудрявцева и профессора В.Е. Эминова. М.: Юрист, 1977. 800 с.
5. Корецкий Д. А., Халява О. В. Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // *Уральский журнал правовых исследований*. 2022. № 3. С. 36–42.
6. Корецкий Д. А. Оценка личности преступника в теории и практике // *Уральский журнал правовых исследований*. 2023. № 3 (24). С. 3–20.
7. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Кража, находка, закон и теория уголовного права // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2023. Том 10. № 4. С. 75–83.
8. Корецкий Д. А. Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // *Российская юстиция*. 2022. № 5. С. 30–34.
9. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 543 с.
10. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 476. С. 248–256.

References

1. Baranov P. P. The crisis of legal science in the modern world. *Philosophy of law*. 2015;(1):29–36. (In Russ.)
2. Koretsky D. A., Steshich E. S. Murders: the balance of legal protection of the accused and the victim. *Zakonnost Journal*. 2024;(10):29–41. (In Russ.)
3. Koretsky D. A., Sergeev D. N. An attempt to use categories of the criminal world in law. *Zakonnost Journal*. 2024;(6):38–44. (In Russ.)
4. *Criminology*. Edited by academician V. N. Kudryavtsev and Professor V.E. Eminov. Moscow; 1977. 800 p. (In Russ.)
5. Koretsky D. A., Khalyava O. V. The identity of the criminal: terminological and essential problems. *Ural Journal of Legal Research*. 2022;(3):36–42. (In Russ.)
6. Koretsky D. A. Criminal personality assessment in theory and practice. *Ural Journal of Legal Research*. 2023;3(24):3–20. (In Russ.)
7. Koretsky D. A., Steshich E. S. Theft, discovery, law and theory of criminal law. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023;10(4):75–83. (In Russ.)
8. Koretsky D. A. Criminal law lawmaking in the context of the "new normality" and modern constitutionalism. *Russian justice*. 2022;(5):30–34. (In Russ.)
9. Bondar N. S. *Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice*. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. 543 p. (In Russ.)
10. Koretsky D. A., Steshich E. S. Criminal and legal aspects of preventive activities in the context of the "new normality". *Bulletin of Tomsk State University*. 2022;(476):248–256. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Корецкий – Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ЮФУ.

Information about the author

D. A. Koretsky – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci (Law), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона

Валерия Игоревна Крупницкая^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия
krupnitskaya-vi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6975-751X>

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу современных подходов к оценке допустимости доказательств в уголовном процессе в контексте соблюдения принципов уголовного процесса и критериев допустимости, сформулированных в науке уголовного процесса. По мнению автора исследования, сложившаяся ситуация, связанная с законодательной регламентацией представляется не вполне совершенной и требует изменений в части определения критериев допустимости и иных характеристик.

Цель. Исследование вопросов допустимости доказательств во взаимосвязи с соблюдением некоторых принципов уголовного процесса и обоснование законодательной регламентации включения правил проверки допустимости доказательств в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частнонаучные методы: системное, грамматическое и логическое толкование. Специально-юридические методы: формально-юридический. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-процессуалистов, а также результаты изучения и анализа материалов следственно-судебной практики.

Результаты. Установлено отсутствие единообразия в понимании ключевых принципов уголовного процесса, таких как право на защиту и язык судопроизводства, влияющих на решение вопроса о допустимости показаний обвиняемого. Сформулирована необходимость законодательной регламентации правил проверки допустимости доказательств в уголовно-процессуальном законе.

Выводы. Действующая правоприменительная практика испытывает необходимость в дополнительном толковании сущности принципов права на защиту и на участие переводчика, в том числе при решении вопроса о допустимости в качестве доказательств показаний обвиняемого. Обоснована необходимость законодательного включения в уголовно-процессуальное законодательство правил проверки допустимости доказательств и предложена соответствующая редакция.

Ключевые слова: допустимость доказательств, правила проверки допустимости доказательств, право на защиту, язык судопроизводства, уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, предварительное следствие

Для цитирования: Крупницкая В. И. Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 104–111. EDN [GZQHSN](#)

Original article

Admissibility of evidence and other violations of the criminal procedure law

Valeria I. Krupnitskaya^{1, 2}¹South-Russia Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia²Siberian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russiakrupnitskaya-vi@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6975-751X>

Abstract

Introduction. The article analyzes modern approaches to assessing the admissibility of evidence in criminal proceedings in the context of compliance with the principles of criminal procedure and the criteria of admissibility formulated in the science of criminal procedure. According to the author of the study, the current situation related to legislative regulation does not seem to be quite perfect and requires changes in terms of determining the criteria for admissibility and other characteristics.

Purpose. The study of the issues of the admissibility of evidence in relation to the observance of certain principles of the criminal process and the justification of the legislative regulation of the inclusion of rules for verifying the admissibility of evidence in the current criminal procedure legislation.

Materials and methods. The research used empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private scientific methods: systematic, grammatical and logical interpretation. Special legal methods: formal legal. The theoretical basis of the research was the works of Russian procedural scientists, as well as the results of the study and analysis of investigative and judicial practice materials.

Results. The lack of uniformity in the understanding of key principles of the criminal process, such as the right to defense and the language of the proceedings, influencing the decision on the admissibility of the testimony of the accused, has been established. The necessity of legislative regulation of the rules for verifying the admissibility of evidence in the criminal procedure law is formulated.

Conclusions. Current law enforcement practice requires additional interpretation of the essence of the principles of the right to defense and the participation of an interpreter, including when deciding whether the testimony of the accused is acceptable as evidence. Also, the need for legislative inclusion in the criminal procedure legislation of the rules for verifying the admissibility of evidence is substantiated and an appropriate wording is proposed.

Keywords: admissibility of evidence, rules for verifying the admissibility of evidence, right to defense, language of legal proceedings, criminal procedure, criminal procedure legislation, preliminary investigation

For citation: Krupnitskaya V. I. Admissibility of evidence and “other” violations of the criminal procedure law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):104–111. (In Russ.). EDN [GZQSH](#)

Введение

Вопрос о допустимости доказательств в уголовном процессе продолжает вызывать дискуссионные вопросы относительно толкования норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, позиций правоприменителей, коллизий и пробелов в законодательстве. Процессуалисты в специальных исследованиях неоднократно высказывали различные мнения относительно отдельных проблемных аспектов относительно допустимости тех или иных доказательств, однако единого мнения как в теории уголовного процесса, так и единообразия следственно-судебной практики нет. И это не удивительно, учитывая многозначность и характер такого свойства как допустимость и некоторую неопределенность ч. 3 ст. 75 УПК РФ, формулирующую «иные доказательства, полученные с нарушением требования» закона¹. В данном ракурсе необходимо продолжить исследования этих вопросов, учитывая их важность в практической деятельности следственно-судебных органов.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. N 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 1] дек. 2001 г.: [ред. от 05 февраля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

Цель статьи – исследование вопросов допустимости доказательств во взаимосвязи с соблюдением некоторых принципов уголовного процесса и обоснование законодательной регламентации включения правил проверки допустимости доказательств в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частнонаучные методы: системное, грамматическое и логическое толкование. Специально-юридические методы: формально-юридический. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-процессуалистов, а также результаты изучения и анализа материалов следственно-судебной практики.

Результаты и обсуждение

В теории уголовного процесса наблюдается разнообразие мнений относительно интерпретации статьи 75 УПК РФ.

Представители первой группы указывают, что в качестве недопустимых доказательств следует рассматривать исключительно те доказательства, которые противоречат конституционным принципам [1].

Представители второй группы считают, что характер нарушений, допущенных в процессе соблюдения требований УПК, не оказывает влияния на допустимость доказательств [2].

Представители третьей группы полагают, что исключительно существенные нарушения требований закона являются основанием для признания доказательств недопустимыми [3].

Представители четвертой группы процессуалистов придерживаются позиции, согласно которой доказательства подлежат признанию недопустимыми во всех случаях выявления нарушений процессуального порядка их получения, за исключением ситуаций, когда последствия допущенных нарушений могут быть устранены посредством проведения повторных следственных или судебных действий [4].

Некоторые вопросы заслуживают отдельного исследования с учетом реалии правоприменительной практики. Так, вызывает вопросы применение частей 2 и 3 статьи 75 УПК РФ.

Казалось бы, законодатель довольно четко выразил свою позицию по вопросу участия защитника в допросах подозреваемых и обвиняемых на досудебном производстве, если последние не подтверждают свои показания в суде. Такие доказательства должны быть признаны однозначно недопустимыми.

По всей вероятности, положения статьи 75 УПК РФ во взаимосвязи с положениями части 2 ст. 52 УПК РФ, предусматривающих необязательность отказа подозреваемых и обвиняемых от защитника для следствия и суда, стимулируют правоприменителя к обеспечения защитника в деле. Исторически данная норма была сформулирована исходя из позиции защиты как обвиняемого (для исключения незаконного влияния на него со стороны обвинения, что по некоторым обыкновениям приписывают советскому наследию), так и для самого следователя и дознавателя, (также для исключения возможности злоупотреблений со стороны обвиняемого в виде обвинений следователя либо дознавателя в применении к нему незаконных мер в виде физического либо психического насилия). Однако в любом случае жизненные реалии изменились, а норма остается оправданно действующей. И здесь вызывает некоторое недоумение данные Судебного департамента при Верховном Суде: в 2024 году 8 тысяч человек были осуждены без участия защитника¹. Конечно, в соответствии со ст. 51 УПК РФ, защитник должен участвовать в уголовном деле в обязательном порядке лишь в предусмотренных данной нормой определенных случаях.

По общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника обязательно в том случае, если сам обвиняемый не отказался от защитника. Также обвиняемый на любой стадии процесса имеет право отказаться от защитника. В соответствии с толкованием положений УПК РФ, изложенных в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, при разрешении подобного ходатайства суду необходимо выяснить добровольного, ясность и однозначность такого отказа.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс] / <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения 24.04.2025).

Также, согласно позиции Верховного Суда всем судам в подобных ситуациях при удовлетворении таких ходатайств необходимо обеспечить фактическую возможность для подсудимого воспользоваться помощью защитника¹.

Теоретически, если отказ от услуг защитника добровольный и вся процессуальная процедура соблюдена, то суд по может рассматривать дело и без такового. Однако, учитывая общую гуманную направленность действующего уголовно-процессуального законодательства, максимально обеспечивающую право на защиту обвиняемого и выраженную неоднократно позицию Верховного Суда по этому вопросу, вызывают удивление вышеуказанные данные о количестве дел, рассмотренных без участия защитника. Возможно, в данных случаях следует апеллировать к тому факту, что подсудимый будет свободен от выплат за участие защитника по назначению только если будет оправдан. При обвинительном же приговоре суда, с осужденного при разрешении вопроса о судебных издержках будут взысканы суммы на услуги адвоката (так как в данной ситуации допуск иного лица в качестве защитника практически невозможно, то будем говорить о реально участвующих в таких случаях адвокатах)². И в данном случае в соответствии с той же позицией Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума, суд в таких случаях обязан выяснять, не связан ли отказ с материальным положением лица и невозможностью оплаты услуг адвоката. На практике точно установить этот факт невозможно, суд может руководствоваться выраженным мнением подсудимого, что представляет собой слабое обоснование. Не следует забывать и о возможном самооговоре в силу разных причин: шантаж, подкуп, угрозы, даже любовь (что встречалось на практике автору статьи). Смысл норм закона и состоит в их универсальности, однако, жизненные ситуации не вписываются в универсальные категории и требуют индивидуального подхода.

С толкованием данных норм, связанных с правом на защиту и допустимостью полученных без участия защитника доказательств, возникают и некоторые трудности на предварительном следствии. Так, например, по уголовному делу, рассмотренному одним из окружных военных судов, было установлено, что на предварительном следствии при допросе обвиняемого изначально присутствовал защитник. Однако во время допроса адвокат, который участвовал в деле в качестве защитника, попросил следователя возможности выйти из кабинета и ответить на срочный телефонный звонок. В дальнейшем адвокат так и не вернулся к своему подзащитному, а следователь, проигнорировав все требования закона, продолжил допрос. В результате, в протоколе допроса этого подсудимого не было и подписи защитника. Впоследствии в суде, обвиняемый отказался от прежних своих показаний, сослался в рамках судебного следствия на нарушение его права на защиту. Дело осложнялось тем, что подсудимый обвинялся в групповом преступлении и в отношении некоторых из группы лиц был уже обвинительный приговор. В данной ситуации, суду следовало бы признать ранее данные подсудимым показания как недопустимые доказательства, так как фактически адвокат на протяжении большей части допроса не был.

Несколько схожий случай был еще в 2019 году в г. Москве, точку которому положил в своем Кассационном определении Верховный Суд РФ от 21 декабря 2023 г. по делу № 5-УД23-105-К2³. Как пояснил Верховный Суд РФ, рассматривая доводы жалобы о нарушении права обвиняемого на защиту, суды, рассматривавшие дело по существу, а также в порядке апелляции и кассации сослались на присутствие адвоката при проведении процессуальных действий с участием обвиняемого на предварительном следствии. Однако, при предъявлении обвинения адвокат по назначению не присутствовал (он был, но ушел, отказавшись участвовать после отказа руководителя следственной группы в конфиденциальной беседе с обвиняемым), обвиняемому было предложено провести процессуальные действия в отсутствие защитника, но с применением видеозаписи.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. N 29 г. Москва. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 07.10.2015.

² По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год почти 914 адвокатам были выплачены вознаграждения за участие в уголовном судопроизводстве // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс] / <https://cddep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения 20.04.2025)

³ Кассационное определение от 21 декабря 2023г. по делу № 5-ЕЛ-105-К2 {Электронный ресурс} // <https://base.garant.ru/408314913/>, <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/11876979> (дата обращения 22.04.2025)

Как пояснил Верховный Суд, нахождение в помещении следственного изолятора при предъявлении обвинения защитника по назначению, заявившего самоотвод, и от которого к тому же отказался обвиняемый, не может рассматриваться как его присутствие. Подобные случаи, конечно, не так редки. Безусловно, конституционное право на защиту предполагает как право на защитника, так и право отказаться от услуг защитника и защищать себя самому, но, учитывая возможные злоупотребления с обеих процессуальных сторон, видится, целесообразно, все же применять обязательное участие защитника во всех случаях, принимая во внимание и положения закона, и правовую позицию Верховного Суда, и правило о недопустимости доказательств, предусмотренное ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Другой случай связан с правом лица, особенно обвиняемого на помощь переводчика, что может иметь значение при решении вопроса о соблюдении принципа языка судопроизводства и допустимости показаний обвиняемого.

Учитывая, что наша страна – многонациональная цивилизация со своим историческим развитием, пережившая разные, порой тяжелые периоды, в настоящее время данный вопрос продолжает оставаться актуальным, что находит свое отражение в судебной практике¹. Так, в Грозненском гарнизонном военном суде рассматриваются дела, в которых встречаются случаи, когда осужденный в суде заявляет о предоставлении ему переводчика. Например, по одному делу на предварительном следствии допрос подсудимого был без участия переводчика, и сам обвиняемый не заявлял ходатайства о предоставлении ему переводчика. Допрос производился с участием защитника, который также подобного ходатайства не заявлял. Впоследствии в суде сторона защиты заявила ходатайство о предоставлении переводчика, заявив, что на следствии при допросе сам защитник переводил обвиняемому с русского на чеченский. Обвиняемый из учреждения образования – средней школы, в которой обучение осуществлялось преимущественно на русском языке, характеризовался, как отстающий по успеваемости, оставался на второй год обучения, однако аттестат о среднем образовании получил в 2008 г., сдал соответствующий экзамен по русскому языку. С лета 2022 г. подсудимый, проходя службу в Вооруженных Силах РФ, подписал контракт на русском языке, осуществлял общение с сослуживцами и командованием на преимущественно русском языке.

Суд признал доводы защиты о том, что подсудимый не может давать показания в суде на русском языке вследствие его незнания, несостоятельными. Конституционный Суд выразил свою позицию, что органы расследования и суд вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами уголовного дела будет подтверждаться, что такое ходатайство является результатом злоупотребления правом². Поэтому, представляется, в данной ситуации речь идет именно о подобных случаях.

Следовало бы уточнить, что в аналогичных случаях для предотвращения подобному противодействию расследованию и злоупотреблению правами, на стадии предварительного расследования, следователю (также дознавателю) целесообразно: установить места и уровень получения среднего, средне-специального и (при наличии) высшего образования; на каком языке проходило обучение в учреждении образования; истребовать заверенные копии аттестатов и дипломов с приложением изученных дисциплин; установить, на каком языке обвиняемый общался с преподавателями, одноклассниками, одноклассниками, коллегами; установить где и кем работал / служил обвиняемый, на каком языке общался по работе либо службе. Тогда в таких случаях вопрос о допустимости ранее данных на стадии расследования показаний обвиняемого будет снят, и мы исключаем возможность нарушение права на помощь переводчика.

Отдельного вопроса заслуживает формулировка, изложенная в части 3 статьи 75 УПК РФ, в общем виде определяющая недопустимость в качестве доказательств ситуаций «иных» нарушений требований закона. В данном вопросе неоднократно в научной литературе высказывались различные позиции. Так, одни считают, что такие иные нарушения должны в любом случае приводить

¹ Григорьев В. Непредоставление переводчика как нарушение права на защиту [Электронный ресурс] // Адвокатская газета / <https://www.advgazeta.ru/mneniya/nepredostavlenie-perevodchika-kak-narushenie-prava-na-zashchitu/> (дата обращения 27.04.2025); Постановление № 10-4/2020 от 26 февраля 2020 г. по делу № 10-4/2020 [Электронный ресурс] // <https://sudact.ru/regular/doc/5ITDemOgJM5U/> (дата обращения 28.04.2025).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 243-О. [Электронный ресурс] Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 28.04.2025).

к признанию таких доказательств недопустимыми, другие – что только существенные, причем в последнем случае также нет единой позиции насчет признака «существенности», что все зависит от характера нарушения и возможности провести следственные и судебные действия, направленные на устранение / восполнение допущенного нарушения [5–6].

Верховный Суд РФ при решении вопроса о допустимости доказательств давая толкование «иным» нарушением УПК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2004 г. № 1 (в редакции от 17 декабря 2024 г.) «О применении судами норма Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», отдал «на откуп» самим судам решать данный вопрос, поясняя, что «суд должен в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение».

В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» высказался, что доказательства подлежат квалификации как недопустимые, в частности, в случаях установления факта существенного нарушения регламентированного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а равно осуществления указанных действий неправомочным субъектом или посредством процессуальных действий, не нашедших отражения в нормах УПК РФ¹. Однако на практике такое толкование продолжает вызывать различные подходы судов к решению этого вопроса. Видится, что потребность в более точном урегулировании данного вопроса вызвана как потребностями правоприменительной практики, так и признается в зарубежном законодательстве.

Можно согласиться с мнением, что проверка допустимости доказательств является составляющей правоохранительной деятельности как в российском, так и в зарубежном уголовном процессе поскольку без прозрачных и своевременных процедур исследования допустимости невозможно достижение целей охраны правопорядка и защиты интересов и прав лиц, участвующих в уголовном процессе [7, с. 91].

В данной ситуации представляется целесообразным применить богатый материал исследований, отраженный в научной литературе и предложить законодателю включить в Уголовно-процессуальный Кодекс РФ статью 75.1 «Правила проверки допустимости доказательств», в которой сформулировать признаваемые большинством процессуалистов способы проверки допустимости доказательств: «При решении вопроса об иных нарушениях требований настоящего Кодекса следователь, дознаватель, прокурор, суд должны руководствоваться требованиями: 1) получение доказательства надлежащим субъектом, уполномоченным производить по уголовному делу соответствующие процессуальные действия; 2) получение доказательства из надлежащего источника, предусмотренного частью 2 статьи 74 настоящего Кодекса; 3) получение доказательства с соблюдением процедуры, предусмотренной статьей 164 настоящего Кодекса и для соответствующего следственного действия, а также с соблюдением всех гарантий, установленных Конституцией РФ и настоящим Кодексом. При оценке допустимости доказательств следователь, дознаватель, прокурор и суд должны выяснять в каждом конкретном случае в чем именно выразилось допущенное нарушение и повлияло ли оно на достоверность полученной информации (сведений об обстоятельствах дела) и были ли нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации и настоящим Кодексом права участников уголовно-процессуальных отношений и принципы уголовного процесса».

Некоторые авторы предлагают включить в понятие «иных» нарушений закона также дополнительные критерии. Так, в частности, еще в 1986 г. Н. В. Сибилева писала, что при решении данного вопроса следует также руководствоваться соблюдением норм нравственности при получении доказательств. Такое же мнение некоторыми высказывается и в настоящее время [8, с. 16; 9]. Однако видится более правильной высказанная в 1995 г. позиция Н. М. Кипниса, который возражает и высказывает мнение, что «если, например, при проведении следственного эксперимента унижены честь и достоинство участвующих в нем лиц, то результаты будут лишены доказательственного значения ввиду нарушения требований процессуальной нормы, а не этических норм» [5].

Конечно, в науке уголовного процесса сформулированы еще и иные правила, такие как «правило о несправедливом убеждении» и «правило о плодах отравленного дерева». Однако первое правило, сформулированное в Уголовно-процессуальном кодексе в части 8 статьи 335, регламентирует

¹ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

довольно узкий вопрос особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей и наш взгляд не требует дополнительного более общего регулирования. Что касается случаев возможности использования производных доказательств, полученных на основе доказательств, признанных недопустимыми, то этот вопрос не имеет однозначного решения и в соответствии с вышеуказанным постановлением пленума Верховного Суда РФ должен рассматриваться судом в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела.

Заключение

Таким образом, совершенствуя законодательную регламентацию вопроса о допустимости доказательств, установив прямую зависимость соблюдения требования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, по нашему мнению, возможно усовершенствование конструкций норм действующего законодательства путем внесения соответствующих дополнений, в частности статьи 75.1 «Правила проверки допустимости доказательств».

Новая модель оценки допустимости доказательств, основанная на учете наработок науки уголовного процесса, позволит привести к единообразию и решить некоторые проблемы в правоприменительной практике.

Дальнейшее развитие допустимости доказательств, с учетом современных вызовов и перспектив развития уголовно-процессуального права, представляется важным направлением научных исследований, направленных на совершенствование системы отправления правосудия и укрепление законности в сфере уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Власов Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки // *Законность*. 2023. № 3(1061). С. 57–60.
2. Максимова Т. Ю., Маркова Т. Ю. Проблемные вопросы обоснованности приговора: взгляд стороны защиты // *Российский судья*. 2023. № 10. С. 56–61.
3. Пяшин С. А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 1 (85). С. 119–124. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-119-124.
4. Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 12(169). С. 132–141.
5. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юрист, 1995. 127 с.
6. Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999. 286 с.
7. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М.: Зерцало-М, 2002. 517 с.
8. Сибилева Н. В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1986. 23 с.
9. Гришина Е. П., Абросимов И. В., Левеев Ю. Е. Нравственный критерий допустимости доказательств – миф или реальность? // *Исполнительное право*. 2008. № 2. С. 42–44.

References

1. Vlasov Yu. Ya. The admissibility of evidence in criminal proceedings: the concept and evaluation criteria. *Zakonnost Journal*. 2023;3(1061):57–60. (In Russ.)
2. Maksimova T. Yu., Markova T. Yu. Problematic issues of the validity of the verdict: the view of the defense. *Russian judge*. 2023;(10):56–61. (In Russ.)
3. Pyashin S. A. About some rules of an assessment of admissibility of proofs in criminal proceedings. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;1(85):119–124. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-119-124. (In Russ.)
4. Vilkova T. Yu., Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A. Prospects for the development of criminal justice in the context of digitalization of society and the state. *Actual problems of Russian law*. 2024;19(12(169)):132–141. (In Russ.)

5. Kipnis N. M. *The admissibility of evidence in criminal proceedings*. Moscow; 1995. 127 p. (In Russ.)
6. Zolotykh V. V. *Verification of the admissibility of evidence in criminal proceedings*. Moscow; Rostov-on-Don, 1999. 286 p. (In Russ.)
7. Gutsenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. *Criminal procedure of Western states*. 2nd edition, expanded and corrected Moscow: Zertsalo-M.; 2002. 517 p. (In Russ.)
8. Sibileva N. V. *The admissibility of evidence in the Soviet criminal process*. Abstract of the dissertation ... Cand. Sci. (Law). Kharkov; 1986. 23 p. (In Russ.)
9. Grishina E. P., Abrosimov I. V., Leveev Yu. E. The moral criterion of the admissibility of evidence – myth or reality? *Executive law*. 2008;(2):42–44. (In Russ.)

Информация об авторе

В. И. Крупницкая – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала РАНХиГС; доцент кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

V. I. Krupnitskaya – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Siberian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Procedural Law of South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Мошенничество в цифровом пространстве и его особенности

Светлана Ивановна Кузина¹, Марина Олеговна Пухкалова²,
Анна Владимировна Цыкора³

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, svivk@yandex.ru

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия, mor_76@mail.ru

³Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, ttanneta@mail.ru

Аннотация

Введение. Научно-технический прогресс, определяя соответствующую «новую ступень развития», которая улучшает жизнь людей в части доступности достижений для широкого круга, порождает использование информационных технологий криминальными элементами общества. В этой связи неизбежен рост преступности, основанной на использовании возможностей цифровых технологий, что подтверждается соответствующими отчетами правоохранительной системы. Актуальность рассматриваемой проблемы ежедневно подтверждается публикациями в средствах массовой информации о количестве совершенных в отношении граждан краж и мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Цель. Охарактеризовать особенности мошенничества в компьютерной сфере, определить ключевые аспекты развития законодательства в отношении киберпреступности.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. В статье раскрываются понятия и обозначаются соответствующие введенные нормы, которые охраняются законодательством в области защиты информации, обозначаются причины необходимости дифференциации ответственности за мошеннические действия, связанные с персональными данными. Кроме того, проведен системный анализ основных видов мошенничества в сети Интернет, который подтвердил актуальность и востребованность рассматриваемой темы.

Выводы. Современное российское уголовное законодательство стоит перед серьезнейшей задачей: необходимостью быстрой разработки и внедрения эффективного механизма пресечения и предупреждения киберпреступлений, которые неизбежно появятся в связи с бурным развитием технологий. На сегодняшний день в России уже реализован широкий спектр мер, направленных на борьбу с киберпреступностью, но при этом данные меры, как правило, сосредоточены на «физической» составляющей – на контроле курьеров, обслуживающей инфраструктуру и оборудования. Однако мир киберпреступлений гораздо сложнее и многограннее, чем просто «железо» и «провода».

Создание специализированных государственных органов и кибервойск, несомненно, является важным шагом на пути к становлению безопасного государства. В этом направлении работы значимым этапом стало создание 11 октября 2022 г. Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий.

Однако, важно помнить, что это лишь часть решения проблемы, так как для работы указанного ведомства необходимо постоянное совершенствование законодательства, апробация его в правоприменительной практике и адаптация к быстро меняющимся условиям киберпространства, а также тесное взаимодействие между государственными органами, банковским сектором и международным сообществом для быстрого обмена информацией и совместной плодотворной работы над предотвращением киберугроз (кибератак). Без всестороннего подхода, объединяющего технологические, правовые и кадровые аспекты, достижение реальной кибербезопасности останется сложной и долгосрочной задачей нашего государства.

Ключевые слова: киберпреступность, искусственный интеллект, мошенничество в сети Интернет, фишинг, вишинг, схема финансовой пирамиды, фарминг

Для цитирования: Кузина С. И., Пухкалова М. О., Цыкора А. В. Мошенничество в цифровом пространстве и его особенности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 112–124. EDN [HTHQAA](#)

Problems of Procedural, Criminal Law and Criminology

Original article

Fraud in the digital space and its features

Svetlana I. Kuzina¹, Marina O. Pukhkalova², Anna V. Tsykora³

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, svivk@yandex.ru

¹Branch of the Moscow University named after S. Yu. Vitte, Rostov-on-Don, Russia

²Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia, mop_76@mail.ru

³Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ttanneta@mail.ru

Abstract

Introduction. Scientific and technological progress, defining an appropriate "new stage of development" that improves people's lives in terms of accessibility of achievements to a wide range, generates the use of information technology by criminal elements of society. In this regard, the growth of crime based on the use of digital technologies is inevitable, which is confirmed by the relevant reports of the law enforcement system. The relevance of the problem under consideration is confirmed daily by publications in the media about the number of thefts and frauds committed against citizens using information and telecommunication technologies.

Purpose. To characterize the features of fraud in the computer sphere, to identify key aspects of the development of legislation on cybercrime.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of the research was made up of scientific articles, statistical reports of government departmental structures, materials of judicial and investigative practices. The methodological basis is made up of commonly used scientific research methods, the application of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches to the study of an urgent problem.

Results. The article reveals the concepts and designates the relevant introduced norms, which are protected by legislation in the field of information protection, and explains the reasons for the need to differentiate responsibility for fraudulent actions related to personal data. In addition, a systematic analysis of the main types of fraud on the Internet was carried out, which confirmed the relevance and relevance of the topic under consideration.

Conclusions. Modern Russian criminal legislation is facing a major challenge: the need to quickly develop and implement an effective mechanism for the suppression and prevention of cybercrimes, which will inevitably appear due to the rapid development of technology. To date, Russia has already implemented a wide range of measures aimed at combating cybercrime, but these measures, as a rule, focus on the "physical" component – on the control of couriers, service infrastructure and equipment. However, the world of cybercrime is much more complex and multifaceted than just hardware and wires. The creation of specialized government agencies and cyber forces is undoubtedly an important step towards becoming a secure State. An important stage in this area of work was the creation on October 11, 2022 of the Office for the Organization of the Fight against the Illegal Use of Information and Communication Technologies. However, it is important to remember that this is only part of the solution to the problem, since the work of this department requires continuous improvement of legislation, its testing in law

enforcement practice and adaptation to the rapidly changing conditions of cyberspace, as well as close cooperation between government agencies, the banking sector and the international community for the rapid exchange of information and joint, fruitful work on prevention cyber threats (cyber-attacks). Without a comprehensive approach combining technological, legal and human aspects, achieving real cybersecurity will remain a difficult and long-term task for our state.

Keywords: cybercrime, artificial intelligence, Internet fraud, phishing, vishing, pyramid scheme, pharming

For citation: Kuzina S. I., Pukhkalova M. O., Tsykora A. V. Fraud in the digital space and its features. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):112–124. (In Russ.). EDN [HTHQAA](#)

Введение

Интернет-пространство формирует новую сферу для жизни и взаимодействия современного общества. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций и Интернета (РАЭК), в 2020 году число россиян, пользующихся Интернетом, превысило 95 миллионов человек, а на начало 2023 года в РФ насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей, что составляет около 88,2% населения страны. В связи с чем «количество преступных деяний в сети «Интернет» значительно повышается с каждым годом, а уровень раскрываемости киберпреступлений, по данным Генеральной прокуратуры РФ, составляет 4,4%»¹.

Таким образом, одной из важных задач отечественного уголовного законодательства на данном этапе является создание механизма для эффективного пресечения и предупреждения уже существующих киберпреступлений, а также разработка мер по противодействию и контролю новых видов преступлений в рамках киберпространства, такие как преступления с использованием нейронных технологий и искусственного интеллекта.

Авторы статьи при проведении своего исследования ставили **целью** охарактеризовать особенности мошенничества в компьютерной сфере, а также определить ключевые аспекты развития законодательства в отношении киберпреступности.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные статьи и публикации. Эмпирическую основу исследования – статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

Современный прогресс в области цифровых технологий не стоит на месте. Именно эта динамичность и практически безграничные возможности киберпространства создают колоссальные трудности для правоохранительных органов. Требуется фундаментальное изменение подхода к подготовке кадров, включающее не только теоретическую базу, но и практическую отработку методик расследования, использование новейших технологий анализа данных и понимание тонкостей работы нейронных сетей и искусственного интеллекта, использующихся уже в повседневной жизни, бизнесе и государстве.

Интернет играет ключевую роль в современном мире, позволяя людям многое в онлайн-сфере – общение, покупку товаров и услуг, образование, работу и т.п. Также он является платформой для современного бизнеса и банком хранения неограниченного количества данных – конфиденциальных, финансовые и персональные. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в российское уголовное законодательство было внесено несколько изменений, касающихся главы 21 «Преступления против собственности» УК РФ, а именно помимо основной статьи 159 «Мошенничество» УК РФ, были добавлены специальные нормы предусматривающие ответственность за мошенничество совершенные различными способами или в разных областях и сферах общества².

¹ О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104/> Загл. с экрана. (Дата обращения: 03.12.2024).

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 N 207-ФЗ- // Официальный интернет-портал правовой информации Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. Загл. с экрана. (Дата обращения: 03.12.2024).

После изменения законодательства перед права примирителями встал ряд вопросов относительно того, какие именно объекты охраняются в соответствии с новыми нормами в области защиты данных. Для начала необходимо прояснить причины предложенной дифференциации ответственности за мошеннические действия и рассмотреть какие именно изменения были внесены в законодательство. Предлагается разобрать статью 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» УК РФ как наиболее часто совершаемый состав¹, которая предусматривает состав мошенничества, когда люди добровольно перечисляют деньги злоумышленникам или предоставляют данные своих банковских карт под влиянием заблуждения относительно содержания веб-сайта. Мошенничество в сфере компьютерной информации предусматривает совершения мошенничества через информационно-телекоммуникационные сети. Указанные мошеннические схемы, разворачивающиеся в сети, целью которых является хищение денежных средств с банковских счетов, мобильных телефонов и электронных кошельков пользователей, отличаются высокой степенью изощренности и масштабируемости, что значительно затрудняет работу правоохранительных органов по их предотвращению и раскрытию.

Один из наиболее распространенных методов – создание поддельных веб-сайтов, практически неотличимых от оригинальных ресурсов банков, платежных систем или популярных онлайн-сервисов. Злоумышленники мастерски копируют дизайн, логотипы, адреса и даже используют SSL-сертификаты, чтобы внушить пользователю доверие и заставить его ввести конфиденциальную информацию: номера банковских карт, пароли, CVV-коды, данные для доступа к онлайн-банкингу и прочее. Получив доступ к этим данным, преступники могут осуществить несанкционированные транзакции, похитив значительные суммы денег. При этом географическая дистанция не является препятствием – мошенничество может быть совершено из любой точки планеты, что делает расследование и преследование виновных невероятно сложным процессом, требующим международного сотрудничества правоохранительных структур. В настоящее время данный способ становится актуальным в период все возможных аукционных распродаж, скидок и предложений дополнительного заработка.

Основные виды мошенничества в сети Интернет представлены на рис. 1.

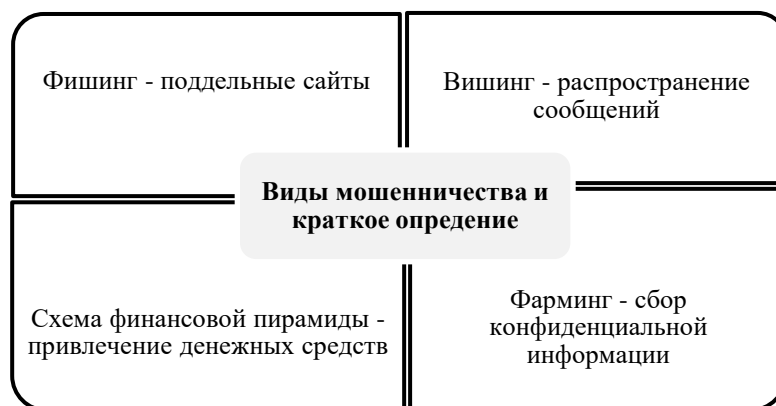

Рис. 1. Основные виды мошенничества в сети интернет

Fig. 1. The main types of fraud on the Internet

Фишинг (англ. phishing, от fishing – рыбная ловля, выуживание) – «вид интернет-мошенничества, который заключается в направлении жертве электронного письма от известного юридического лица» [1, с. 68]. Метод фишинга, который представляет собой рассылку электронных писем, SMS-сообщений или сообщений в мессенджерах, содержащих ссылки на поддельные веб-ресурсы и (или) приложения. Эти сообщения часто маскируются под официальные уведомления от банков, государственных организаций или интернет-магазинов, содержат срочные просьбы о подтверждении данных, угрозы блокировки счетов или обещания получения выгодных предложений. Наживка в таких

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024)) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

сообщениях зачастую настолько убедительна, что даже опытные пользователи могут стать жертвами обмана.

Вишинг – (англ. vishing – voice phishing – голосовой фишинг) – является распространенной разновидностью сетевого мошенничества. Вишинг схож с фишингом. Отличие вишинга от фишинга состоит в том, что при вишинге используется телефонная связь. Злоумышленники звонят своим жертвам, представляясь сотрудниками банков, служб поддержки, правоохранительных органов или других организаций, и выманивают конфиденциальную информацию под различными предлогами. Они могут использовать психологическое давление, угрозы или манипуляции, чтобы заставить человека раскрыть свои личные данные. «Такими конфиденциальными данными могут являться: номер банковской карты, пароли от личного кабинета мобильного банка, PIN-коды, приходящие в смс, коды доступа или другую личную информацию в тоновом наборе» [2, с. 118]. Такие сообщения могут распространяться и через игры, акцентируя внимание на подростковом поколении, и социальные сети, мессенджеры.

Схема финансовой пирамиды, применяемая в настоящее время в сфере интернет-инвестиций и быстрого заработка, полностью аналогична классической финансовой пирамиде. Обещания быстрой и высокой прибыли привлекают множество жертв, которые вкладывают свои средства и заемные в том числе, полагаясь на ложные обещания организаторов пирамиды. В конечном итоге, большинство участников таких схем терпят убытки, а организаторы уносят с собой украденные деньги.

Фарминг (англ. farming – фермерство), однако «здесь пользователя компьютера обманывают программным способом, как правило, путем применения вредоносного программного обеспечения, способного изменять навигационную систему компьютера» [3, с. 25]. Это более изощренный вид мошенничества, при котором злоумышленники перенаправляют трафик с легитимных веб-сайтов на свои поддельные ресурсы. Это осуществляется путем подмены DNS-записей или инфицирования компьютера вредоносным программным обеспечением. Жертва, введя в адресной строке браузера правильный адрес, попадает на поддельный сайт, где может быть обманута и лишена своих средств. Такие программы рассылаются в мессенджерах, на электронные почты. Сейчас распространен такой вид фарминга в форме сообщений «Это ты на фото посмотри» и ссылка на вредоносное программное обеспечение, жертва переходит по ссылке, далее уже работает прикрепленный вирус, он получает доступ ко всем данным телефона – к банковским приложениям и контактам. Когда достигнута последняя цель вирус начинает рассылать сообщение с такой же информацией всем контактам первоочередной жертвы.

В борьбе с киберпреступностью крайне важно повышать осведомленность пользователей о существующих методах мошенничества. Необходимо быть внимательными при получении подозрительных электронных писем, SMS-сообщений и телефонных звонков, не переходить по ссылкам из неизвестных источников, не раскрывать конфиденциальную информацию третьим лицам и использовать только надежные антивирусные программы и средства защиты от киберугроз. Только совместными усилиями пользователей и правоохранительных органов можно эффективно противостоять распространению киберпреступности и защитить себя от мошеннических действий в интернете.

Другой распространенный способ мошенничества – «рассылка ложных сведений от лица финансовых, кредитных и других организаций. Мошенники общаются с жертвой, выдавая себя за сотрудников указанных организаций, и требуют передачи ими определенных сведений, в том числе финансовых. Это дает возможность мошенникам получить доступ к денежным средствам жертвы или иным ее финансовым инструментам. Еще один распространенный способ мошенничества - размещение в сети «Интернет» несуществующих предложений о продаже товаров или услуг на выгодных условиях. Жертве предлагается внести определенную сумму денежных средств в качестве предоплаты, но после их получения все контакты прекращаются, сайты и интернет-страницы блокируются или удаляются, телефоны аннулируются» [4, с. 90-91].

Профессор Е. Р. Россинская указывает на то, что: «способы компьютерных преступлений являются полно структурными, причем могут быть выбраны различные технологии подготовки, совершения и сокрытия, слабо коррелирующие с видом преступления» [5, с. 195]. Вместе с тем необходимо учитывать, что «указанные виды преступного поведения достаточно латентны, развиты, а потому принять своевременное решение о том, что в отношении конкретного лица было совершено преступление не всегда представляется возможным» [6, с. 290]. Что говорит нам о еще одной стороне рассматриваемых деяний – это их латентности в обществе, не все потерпевшие обращаются

к правоохранительным органам с целью поиска преступников, так как считают, что вернуть свои средства не представляется возможным. Латентны преступления с наименьшим ущербом, но если мы посчитаем комплексный ущерб от мошенничеств небольшой тяжести в сумме, то официальная статистика увеличится еще в несколько раз.

Для каждого способа мошенничества в сети Интернет будут свои способы предупреждения, профилактики и избегания мошеннических уловок.

Некоторые из них включают: «Установка антивирусных программ и firewall (рус. межсетевой экран) на компьютере. Эти программы помогают обнаружить и предотвратить атаки злоумышленников, которые пытаются получить доступ к компьютеру и украсть личные данные. Использование сложных паролей и двухфакторной аутентификации. Это поможет защитить ваш аккаунт от взлома. Никогда не используйте один и тот же пароль для нескольких аккаунтов. Осторожность при нажатии на ссылки и скачивании файлов. Никогда не открывайте вложения от незнакомых отправителей и не переходите по ссылкам, которые кажутся подозрительными. Использование защищенных соединений. При покупках онлайн убедитесь, что сайт использует защищенное соединение и имеет SSL-сертификат. Цифровой сертификат (SSL-сертификат) – это электронный или печатный документ, подтверждающий принадлежность владельцу открытого ключа или каких-либо атрибутов» [7, с. 32]. Предоставление личных данных только на доверенных сайтах, детальное изучение реквизитов веб-страниц, которые размещаются на хостинге, уникального доменного имени и иных технических данных, с целью обезопасить свои личные сведения на сайтах, которые кажутся ненадежными. Подача заявления в правоохранительные органы, если становишься жертвой мошенничества в сети Интернет. Проведение образовательной работы по повышению уровня информированности людей об опасностях в Интернете и методах защиты от мошенничества. Курсы по информационной безопасности, семинары и мероприятия, проводимые правительственными и частными организациями, могут помочь людям узнать о различных видах мошенничества и научиться защищаться от них.

В свою очередь особенности видов мошенничества в сети Интернет разграничиваются по сфере общественных отношений, в которой совершаются преступления, предмет и способ совершения преступления. Особенность состава преступления заключается в том, что при модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки, передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, а именно в банковский счет и таким обманным путем будут похищены безналичные средства платежа.

Уголовное деяние в сфере информационно-телекоммуникационных технологий считается оконченным с момента похищения денежных средств или электронных денег, а не с момента их использования.

Работа правоохранительных органов часто сталкивается со сложными случаями, где преступные действия демонстрируют признаки, характерные для мошенничества, но одновременно обладают и другими, не позволяющими однозначно квалифицировать их именно как мошенничество. Это создает значительные трудности для следователей и оперативных сотрудников, требуя от них глубокого анализа всех обстоятельств дела, кропотливого изучения деталей и тщательного сопоставления фактов с нормами действующего законодательства. Отсутствие четкой, однозначной квалификации влечет за собой риск неправильного применения закона, что может привести к несправедливому осуждению или, наоборот, к безнаказанности преступника. Подобные ситуации требуют не только высокого профессионализма, но и огромного опыта, способности к логическому мышлению и умения разбирать сложные, запутанные цепочки событий. В частности, любая ошибка в квалификации может иметь далеко идущие последствия, в том числе и для жертвы преступления.

Особую сложность представляет мошенничество в сфере компьютерной информации. Хотя включение ответственности за него в главу 21 УК РФ (посягательства на собственность) указывает на основной объект преступного посягательства – имущественные отношения, реальность оказывается значительно сложнее. Дело в том, что компьютерные преступления часто затрагивают и другие правоотношения, например, связанные с информационной безопасностью. Здесь мы сталкиваемся не только с посягательством на имущество, но и с нарушением конфиденциальности, несанкционированным доступом к информации, повреждением данных и другими видами вреда, не всегда поддающимися простой денежной оценке.

Мошенничество в компьютерной сфере характеризуется активными действиями со стороны преступника. В отличие от традиционных способов мошенничества, основанных на обмане или злоупотреблении доверием, киберпреступления имеют свои специфические черты, проявляющиеся

в объективной стороне преступления. Статья 159.6 УК РФ описывает эти особенности, упоминая такие действия, как введение, удаление, блокирование или модификация компьютерной информации, а также «иное вмешательство»¹. Рассмотрим подробнее каждый из этих терминов, чтобы полнее понять суть и сложность квалификации подобных преступлений.

Введение информации – это не простое добавление данных, а целенаправленное внесение информации в конкретную базу данных, часто с использованием специальных программных средств или технических устройств. Это может быть введение ложных сведений, фальсификация данных, подмена информации или добавление информации, предназначенной для введения в заблуждение. Необходимо тщательно изучать методы, использованные преступником, для определения намерений и степени вреда, нанесенного жертве.

Удаление информации – это полное или частичное уничтожение данных. Здесь важно определить значимость удаленной информации, ее ценность для жертвы и цели преступника. Было ли удаление целенаправленным актом мошенничества, или это было случайным действием, не имеющим прямого отношения к мошенническим целям.

Блокирование информации – это ограничение доступа к информации. Это может быть временное или постоянное блокирование, полное или частичное. Цель такого действия – часто вымогательство, блокирование важной информации в обмен на выкуп. Важно установить цель преступника и ущерб, нанесенный жертве в результате блокирования информации.

Модификация информации – это изменение существующих данных. Это может быть изменение цифр на банковском счете, изменение персональных данных, подмена документов и т.д. Важно определить характер изменений и их влияние на правоотношения между участниками.

Иное вмешательство – это широкое понятие, охватывающее все прочие действия, связанные с неправомерным доступом и манипуляциями с компьютерной информацией. Это может быть вирусное поражение, несанкционированный доступ к системе, отказ в обслуживании и другие действия, направленные на нарушение нормального функционирования компьютерных систем и причинение вреда жертве.

Квалификация мошеннических действий в сфере компьютерной информации требует глубокого анализа всех обстоятельств дела, тщательного изучения действий преступника, целей преступления и нанесенного вреда. Только при учете всех нюансов можно принять обоснованное решение и правильно квалифицировать совершённое преступление.

Нашему законодателю также необходимо ввести новые правовые положения, регулирующие ответственность за «фишинг», а также более тщательно контролировать оборот биометрических данных. Биометрия может использоваться для множества целей, в том числе для общественно-опасных. В России уже действует система «Госуслуги.Биометрия», облегчающая такие действия, как получение банковских услуг, заключение договоров связи и оформление электронной подписи. Однако без надёжной защиты эти технологии могут стать целями для злоумышленников, пытающихся использовать личные данные жертв для совершения юридически значимых действий.

Подобно технологии «deepfake», о которой говорилось ранее, «фишинг» также «не имеет официального определения в российском законодательстве, что значительно затрудняет его квалификацию. Однако проблематика «фишинга» в нашем праве уже толковалась. В 2017 году Верховный суд Российской Федерации дал подробные разъяснения относительно правовых аспектов мошенничества в сфере компьютерной информации»². Согласно этим разъяснениям, «фишинг» необходимо квалифицировать как кражу, а не как мошенничество.

Однако мы считаем, что верховному суду требовалось более подробно рассмотреть специфику «фишинга», поскольку деяние всегда проходит без непосредственного контакта между преступником и жертвой, но не обязательно совершается тайно, как кража. Поэтому, в науке предлагается «квалифицировать «фишинг» по статье 159.6 как мошенничество в сфере компьютерной информации» [8, с. 52–57], что представляется более разумным и рациональным, однако полностью не раскрывает суть явления.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024)) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 11.12.2017. № 280.

Под статью 159.6 подпадает вмешательство в работу информационных систем, но «фишинг» обычно строится на обмане пользователей через сообщения или звонки. Поэтому необходимо разрабатывать отдельную статью для наказания за «фишинг» и установить его описание в нормативных актах. Поэтому на данном этапе требуется предусмотреть отдельный уголовно-правовой состав для нового вида преступления – «фишинга» и ответственность за его совершение, а также в рамках других нормативных правовых актов установить описание его видов.

Мы считаем, что ключевой составляющей развития уголовного законодательства в сфере киберпреступности также должна стать формализация принципов стратегического противодействия этим видам преступлений с целью обеспечения успешного реагирования на ее проявления. «Важными составляющими такой стратегии могут стать создание в каждом регионе специализированных подразделений, непосредственно занимающихся детальной разработкой местного законодательства и внедрением различных программ по профилактике киберпреступлений, а также соответствующая подготовка и повышение квалификации правоохранительных и судебных органов в этой сфере» [9].

Мы убеждены, что ключевым аспектом развития законодательства в отношении киберпреступности должно стать создание стратегии противодействия таким преступлениям для обеспечения более эффективного ответа на их появление. Элементы этой стратегии могут включать создание специализированных подразделений в каждом регионе для детальной проработки местного законодательства, внедрение программ профилактики киберпреступлений и повышение квалификации сотрудников правоохранительных и судебных органов.

Также на данном этапе крайне важно опираться не только на собственный опыт борьбы с киберпреступностью, но и анализировать последние международные методики и лучшие практики, подходы к классификации и криминализации преступлений в сфере компьютерной информации. Международный обмен информацией по новым видам преступлениям может способствовать изменению или созданию законодателем нормативных правовых актов, касающихся информационной сети, поскольку каждая уголовная политика имеет свои уникальные элементы.

В этой связи необходимо провести анализ раздела обзора о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 г., представленного ФКУ «Главным информационно-аналитическим центром» Министерства внутренних дел Российской Федерации, в ходе которого можно сделать вывод о том, что принимаемые государством меры по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий приносят положительные результаты в одних складывающихся условиях и имеют некоторые сложности в других ситуациях. Сводную информацию можно видеть в табл. 1¹.

Так, не наблюдается общее снижение рассматриваемого вида преступлений, всего количество деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации увеличилось на 13,1% по сравнению с аналогичным периодом 2023 г., имеется снижение на 13,1% преступлений, совершенных с использованием или применением: расчетных (пластиковых) карт, на 61,8% с использованием фиктивных электронных платежей и значительное снижение мошенничества с использованием электронных средств платежа ст. 159.3 УК РФ на целых 88,9% и на 25,9 % – мошенничества в сфере компьютерной информации ст. 159.6 УК РФ, что подтверждает правильную и компетентную работу правоохранительной системы в данной сфере.

Возможно на динамику повлияло отключение трансграничных платежей по международным картам, а также нахождение существенной доли «бенефициаров» и исполнителей мошеннических схем за пределами Российской Федерации, которые на время потеряли возможность работать, замедление общих темпов роста мошеннических атак на критические объекты инфраструктуры и банковские предприятия. Многие компании успели выработать и внедрить меры по защите своих ресурсов, адаптироваться к новым условиям работы. Переориентация мошенников на другие задачи, взаимодействие МВД России и Центральным Банком России, в рамках которого в режиме реального времени организован информационный обмен между госорганами, практически исключён пропуск иностранного трафика с использованием подмены телефонных номеров, также банкам предоставлено право на двое суток приостанавливать операции по переводу средств со счетов клиентов.

¹ Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/60248328/file:///C:/Users/An/Downloads/Sbornik_UOS_2024.pdf. Загл. с экрана. (Дата обращения: 20.03.2025).

**Таблица 1 – Сведения о преступлениях, совершенных с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий
или в сфере компьютерной информации за 2024 год**

Table 1 – Information on crimes committed using information and telecommunication technologies
or in the field of computer information in 2024

Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	Зарегистрировано (в отчетном периоде)		В том числе, выявленных сотрудниками		
	Всего	+,- В %	Следственных органов Следственного комитета Российской Федерации	Органов внутренних дел	Органов Федеральной службы безопасности
Всего преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	765365	13,1	2862	755094	4890
из них тяжких и особо тяжких	369267	7,8	1847	363375	3060
в том числе совершенных с использованием или применением: расчетных (пластиковых) карт	115469	-13,1	339	114734	242
компьютерной техники	42347	16,4	225	40357	1197
программных средств	13461	10,6	82	13023	251
фиктивных электронных платежей	615	-61,8	4	536	63
сети «Интернет»	649064	23,2	2273	640897	4035
средств мобильной связи	346035	14,3	560	344070	980
в том числе кража ст. 158 УК РФ	105937	-11,1	454	105330	27
мошенничества ст. 159, 159.3, 1159.6 УК РФ	380344	6,8	222	379445	278
из них мошенничества ст. 159 УК РФ	379762	7,5	213	378887	267
мошенничества с использованием электронных средств платежа ст. 159.3 УК РФ	273	-88,9	6	261	2
мошенничества в сфере компьютерной информации ст. 159.6 УК РФ	309	-25,9	3	297	9

К положительным примерам также мы можем отнести, частичный рост уровня финансовой грамотности населения, граждане всё чаще распознают уловки мошенников и передают их номера для блокировки, осуществляется информировании о том, что денежные средства на счёте потерянной/найденной карты принадлежат её владельцу, а их незаконное использование влечёт уголовную ответственность, что необходимо уведомить о находке кредитную организацию (по телефону горячей линии или в отделении банка). Сообщения в информационном поле и на стендах кредитных организаций о том, что если поблизости есть офис финансовой организации, выпустившей найденную карту, можно отнести её туда - сотрудник банка заблокирует доступ к карте, утилизирует пластик и сообщит владельцу об этом. В научных трудах имеются обобщения данного вида криминальных явления, например, Д. Н. Ветровым предложены следующие способы совершения хищений:

«• Использование найденной и ли украденной карточки для оплаты товаров и услуг или/и получения наличных денег из банкоматов,

- Подделка самой пластиковой карты или ее оттисков,
- Получение незаконным путем оттисков настоящей пластиковой карты,
- Мошенничество с картами, не полученными законным держателем,
- Получение преступниками настоящих пластиковых карт путем оформления заявок на подставных лиц,
- Использование слабых мест технологии обработки платежей, совершенных с помощью «пластиковых» денег,
- Мошенничества, совершаемые законными держателями пластиковых карт» [10, с. 48-49].

Снижение на 11,1 % в категории кража ст. 158 УК РФ объективно объясняется изменением квалификации деяний в процессе предварительного следствия и судебного разбирательства, связанные с разъяснениями данными Верховным судом Российской Федерации, так как судебная практика по применению приведённых в отчете статей противоречива. По остальным показателям имеется положительный рост. Также, как мы видим, большая доля мошенничеств в информационной среде выявляются сотрудниками органов внутренних и относятся к их компетенции, что подтверждает загруженность следователей указанным видом преступлений при значительном кадровом дефиците.

Заключение

Действующее российское законодательство в сфере киберпреступности нуждается в обновлении и совершенствовании. На данном этапе важно «разработать меры по предупреждению и пресечению киберпреступлений, повышению уровня их раскрываемости, а также на формирование эффективного законодательного механизма, направленного на совершенствование и регулирование проблемных или неурегулированных проблем данной сферы» [11].

Нельзя не обозначить проблему нехватки специализированных средств и современных методов расследования – одна из главных проблем. Ситуация осложняется недостаточной подготовкой сотрудников правоохранительных органов в сфере кибербезопасности. Многие специалисты, работающие в традиционных областях правоохранительной деятельности, просто не обладают необходимыми знаниями и навыками для эффективного расследования киберпреступлений. Также, необходимо серьезно усилить материально-техническое обеспечение подразделений, занимающихся расследованием киберпреступлений. Это касается как специального программного обеспечения для анализа данных и выявления преступной активности, так и современного оборудования для мониторинга сети и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Без значительного увеличения финансирования этих направлений реально эффективная борьба с киберпреступностью будет невозможна.

В результате рассмотренных и новых постоянно обновляющихся опасностей в киберпространстве необходимо реализовать комплексную стратегию противодействия киберпреступности как на национальном, так и на международном уровне, а также разработать конкретные методы борьбы с этой проблемой.

По результатам исследования и анализа статистических данных относительно числа кибератак за начало 2023 г., численности интернет-пользователей, наиболее популярных социальных сетей в РФ, расценок на услуги киберпреступников в Telegram, были сделаны следующие выводы: происходит непрерывный рост числа интернет-пользователей, в том числе хакеров, в связи с чем расценки на их услуги понижаются, и растет количество совершаемых кибератак, однако в данной ситуации число таких атак может зависеть и от других факторов, например, международная обстановка, процесс совершенствования IT-технологий, репутация юридических лиц и другое¹.

По результатам изучения данных статистики МВД РФ за 2023 год, исходя из которых наблюдался стабильный рост киберпреступности, были сформулированы следующие причины: в качестве положительных выступает возможное повышение качества работы правоохранительных органов, однако, можно назвать и ряд негативных причин. В их число входит достаточно сложная система киберпространства, а также широкий масштаб распространения киберпреступлений.

Из этих двух причин вытекает третья – достаточно долгий процесс расследования данного вида преступлений. Также стоит отметить, что большинство из них латентны в виду факта сокрытия

¹ DIGITAL 2023: Глобальный обзорный отчет // DataReportal: сайт. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report>. Загл. с экрана. (Дата обращения: 03.12.2024).

либо профессиональных навыков преступников и др. Зачастую, ввиду строгой «палочной системы» в органах МВД РФ, ввиду бесперспективности дела, сотрудники в статистических карточках указывают другую квалификацию совершенного преступления (обычное мошенничество вместо кибермошенничества – 159 УК РФ вместо 159.6 УК РФ и др.)

Одним из достаточно проблемных аспектов раскрытия подобного вида преступлений является анонимизация интернет-пространства (мессенджер Telegram). Участились случаи мошенничества с использованием усовершенствованных мошеннических схем. По результатам анализа данных уровня защищенности крупнейших российских компаний от кибератак, было установлено, что порядка 96 % компаний имеют уязвимости в своих IT-системах, что говорит о высоком риске атак на их кибербезопасность, а затем и на конфиденциальные данные и счета в банках¹. Следует подчеркнуть, что регулирование информационной сферы, с учетом сложившейся современной обстановки и мощной активизации преступной деятельности, требует особого внимания.

Также стоит отметить, что создание специализированных государственных органов и кибервойск является важным шагом на пути к становлению безопасного государства. Как показывает практика, без правильного и эффективного правового регулирования целесообразность любых нововведений теряется, поэтому, считаем необходимым, провести пересмотр действующего законодательства и внести соответствующие изменения, для защиты национальных интересов и борьбы с постоянно растущими киберугрозами.

В эпоху цифровизации решение о том, как организовать подобное подразделение – создать отдельное ведомство или включить его в состав уже существующих силовых структур, таких как ФСБ, МВД или Росгвардия, требует детального анализа задач, возможностей и особенностей данных служб.

Создание отдельного самостоятельного ведомства («Кибервойска») конечно же имеет ряд преимуществ:

- отдельное ведомство будет полностью сосредоточено на предотвращении и расследовании киберугроз, включая как внешние (хакерские атаки из-за рубежа), так и внутренние.
- сможет координировать усилия между различными государственными структурами, включая министерства, силовые ведомства и другие органы, то есть иметь высшую степень координационной деятельности.
- позволит объединить человеческие ресурсы различных специалистов по кибербезопасности из разных ведомств, возможно стран, что обеспечит единый подход к поставленным задачам с использованием передовых технологий.

В этом контексте стоит отметить, что привлечение экспертов и специалистов из гражданских отраслей IT может проходить более лояльнее нежели при приеме на службу в традиционных силовых структурах.

- двойственность возложенных функций (оборона и нападение) - защита критической инфраструктуры/предотвращение атак и ответная реакция в отношении противников в рамках национальной стратегии.

Но не стоит забывать, что формирование нового ведомства потребует значительных ресурсов, включая инфраструктуру, штат сотрудников и материально-техническую базу, увеличение бюрократической нагрузки на систему госуправления.

Создание специализированной службы в рамках существующих ведомств представляется более экономически эффективным решением, так как, например, ФСБ уже отвечает за защиту национальной безопасности, включая кибербезопасность, и имеет соответствующий опыт и ресурсы, при сосредоточении только на внутренней безопасности, что может уменьшить внимание к международным аспектам киберугроз; МВД активно занимается расследованием киберпреступлений и уже имеет подразделения, отвечающие за борьбу с киберпреступностью в уголовном направлении; Росгвардия обеспечивает защиту стратегически значимых объектов, что можно дополнить задачами защиты критической информационной инфраструктуры, но служба ориентирована на физическую безопасность, и кибер-фокус для ведомства полностью не соответствует профилю.

В связи с этим, авторам представляется оптимальным вариантом создание гибридной модели: создание службы в одном из существующих ведомств с усиленной координацией и автономией.

¹ Positive Technologies: 96% крупнейших компаний России уязвимы к кибератакам // Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/699628/>. Загл. с экрана. (Дата обращения: 20.03.2025).

Создание отдельного ведомства («Кибервойска») выглядит перспективно, но на данном этапе может быть слишком затратным и избыточным. Оптимальным решением является создание специализированной автономной службы в рамках ФСБ, которая будет сосредоточена на защите критической инфраструктуры и данных, предотвращении международных атак, а также на проведении наступательных киберопераций. Это также обусловлено тем, что ФСБ уже играет ключевую роль в сфере национальной безопасности, а защита в цифровой сфере является её неотъемлемой частью.

Список источников

1. Дерюгин Р. А. О современных способах совершения мошенничества, связанного с использованием персональных данных пользователей сети интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. №1 (25). С. 65–74.
2. Фаина Ю. П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети Интернет // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1-2 (44). С. 117–121.
3. Бахтеев Д. В. О некоторых современных способах совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 3 (93). С. 24–26.
4. Милованова М. М., Шурухнов В. А. О способах мошенничества в сети «Интернет» // Имущественные отношения в РФ. 2021. №10 (241). С. 86–92.
5. Россинская Е. Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 190–200.
6. Каражелясков Б. А., Карпушева Л. Н., Юнусов М. Ф. Проблемы уголовной ответственности в сети интернет // Образование и право. 2022. № 11. С. 289–292.
7. Зубишин С. А. Роль SSL сертификатов в безопасной передаче данных // Молодой исследователь Дона. 2021. № 3 (30). С. 32–36.
8. Тарапанова Е. Л., Добкач Л. Я. Информационная безопасность личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. №3 (38). С. 52–57.
9. Крицкая Е. В. Цифровое мошенничество: современные тенденции, способы защиты и превенции // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 258–263.
10. Ветров Д. Н. Предупреждение хищений при использовании пластиковых денег в современных банковских системах (криминологический аспект): дис. ... канд юрид наук. М., 1998. 185 с.
11. Кузнецов П. С. Проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. 2020. № 15 (305). С. 210–212.

References

1. Deryugin R. A. On modern methods of committing fraud related to the use of personal data of Internet users. *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2023;1(25):65–74. (In Russ.)
2. Fadina Yu. P. Criminal and legal characteristics of fraud on the Internet. *Bulletin of Ugra State University*. 2017;1-2 (44):117–121. (In Russ.)
3. Bakhteev D. V. On some modern methods of fraud against the property of individuals. *Russian law: education, practice, science*. 2016;3(93):24–26. (In Russ.)
4. Milovanova M. M., Shurukhnov V. A. On the methods of fraud on the Internet. *Property relations in the Russian Federation*. 2021;10(241):86–92. (In Russ.)
5. Rossinskaya E. R. The concept of the doctrine of information and computer forensic models as the basis of methods for investigating computer crimes. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;2(97):190–200. (In Russ.)
6. Karazhelyaskov B. A., Karpusheva L. N., Yunusov M.F. Problems of criminal liability on the Internet. *Education and Law*. 2022;(11):289–292. (In Russ.)
7. Zubishin S. A. The role of SSL certificates in secure data transmission. *Young Researcher of the Don*. 2021;3(30):32–36. (In Russ.)
8. Tarapanova E. L., Dobkach L. Ya. Information security of personality. *Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences*. 2019;3(38):52–57. (In Russ.)
9. Kritskaya E. V. Digital fraud: current trends, methods of protection and prevention. *Young Scientist*. 2020;50(340):258–263. (In Russ.)

10. Vetrov D. N. *Prevention of theft when using plastic money in modern banking systems (criminological aspect)*: dis. ... Candidate of Law. Moscow; 1998. 185 p. (In Russ.)

11. Kuznetsov P. S. Problems of investigation of crimes in the field of computer information. *Young scientist*. 2020;15(305):210–212. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Кузина – доктор политических наук, профессор, ЮРИУ РАНХиГС; профессор, филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

М. О. Пухкалова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южный университет (ИУБиП), судья в отставке.

А. В. Цыкора – кандидат юридических наук, доцент, ДГТУ.

Information about the authors

S. I. Kuzina – Dr. Sci. (Polit.), Professor, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Branch of the Moscow University named after S. Yu. Vitte in Rostov-on-Don.

M. O. Pukhkalova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences, Southern University (IMBL).

A. V. Tsykora – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 16.05.2025.

К вопросу об организации оказания медицинской помощи лицам, отбывающим принудительные работы в исправительных центрах

Екатерина Александровна Мирошниченко¹, Ирина Ивановна Короленко²,
Евгений Александрович Паламарчук³

¹Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний по Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия, katiataranina@mail.ru

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, korolenko.irina.2013@mail.ru

³Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

³Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, epalamar@mail.ru

Аннотация

Введение. Любой гражданин нашей страны, согласно конституционным положениям, наделён правом на медицинскую помощь и охрану здоровья. Вместе с тем, для тех, кто осуждён и отправлен для отбывания принудительных работ в исправительные центры и участки исправительных центров, функционирующих на объектах предприятий, претворение в жизнь этого права осложнено рядом проблемных моментов.

Цель. Выявить и охарактеризовать проблемы, возникающие в процессе организации оказания медицинской помощи лицам, отбывающим принудительные работы в исправительных центрах, и предложить меры по их устранению.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. Сложности возникают относительно организации обращения к узкопрофильным специалистам, особенно находящимся вне пределов территории, где находится исправительное учреждение. Уравнение порядка обращения за медицинской помощью наряду с не осужденными лицами зачастую приводит к тому, что осужденные не получают её своевременно, в назначенный день приёма к врачу, например, в связи с наличием большой очереди и ограниченности рабочего времени доктора.

Указанные выше факты позволяют авторам полагать о назревшей необходимости введения в штат исправительных учреждений указанного типа медицинского работника.

Выводы. Важным аспектом на сегодняшний день является отсутствие запретов на законодательном уровне относительно отбывания наказания лицами, имеющими социально-опасные заболевания, что создаёт угрозу здоровью и качеству жизни как другим осужденным к принудительным работам, так и сотрудникам указанных выше исправительных учреждений. Кроме того, негативное состояние здоровья само по себе препятствует качественному выполнению работ, что противоречит самой сути принудительных работ. Исходя из этого, опираясь на позитивный опыт некоторых государств, авторы убеждены относительно объективной необходимости установления соответствующего запрета на уровне законодательства. Кроме того, также законодательно необходимо определить, какие заболевания относятся к социально-опасным.

Ключевые слова: осужденные, принудительные работы, наказание, медицинские работники, медицинские услуги, медицинская помощь, структура исправительного центра, социально-опасное заболевание, администрация исправительного центра, должность

Для цитирования: Мирошніченко Е. А., Короленко І. І., Паламарчук Е. А. К вопросу об организации оказания медицинской помощи лицам, отбывающим принудительные работы в исправительных центрах // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 125–131. EDN [HWSEGU](#)

On the issue of the organization of medical care for persons serving forced labor in correctional centers

Ekaterina A. Miroshnichenko¹, Irina I. Korolenko², Evgeny A. Palamarchuk³

¹Federal Penitentiary Service of Russia for the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia, katiataranina@mail.ru

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, korolenko.irina.2013@mail.ru

³Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia, epalamar@mail.ru

³Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. Any citizen of our country, according to the constitutional provisions, is entitled to medical care and health protection. At the same time, for those who have been convicted and sent to serve forced labor in correctional centers and sections of correctional centers operating at enterprise facilities, the implementation of this right is complicated by a number of problematic issues.

Purpose. Identify and characterize the problems that arise in the process of organizing medical care for persons serving forced labor in correctional centers and propose measures to eliminate them.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of the research was made up of scientific articles, statistical reports of government departmental structures, materials of judicial and investigative practices. The methodological basis is made up of commonly used scientific research methods, the application of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches to the study of an urgent problem.

Results. Difficulties arise regarding the organization of access to highly specialized specialists, especially those located outside the territory where the correctional institution is located. Equalization of the procedure for seeking medical help along with non-convicted persons often simply leads to the fact that convicts do not receive it on time, on the appointed day of the doctor's appointment, for example, due to the presence of a long queue and the limited working hours of the doctor.

The above facts allow the author to believe that there is an urgent need to introduce this type of medical worker into the staff of correctional institutions.

Conclusions. An important aspect today is the absence of prohibitions at the legislative level regarding the serving of sentences by persons with socially dangerous diseases, which poses a threat to the health and quality of life of both other persons sentenced to forced labor and employees of the above-mentioned correctional institutions. In addition, a negative state of health in itself hinders the quality of work, which contradicts the very essence of forced labor. Based on this, and based on the positive experience of some States, the author is convinced of the objective need to establish an appropriate prohibition at the legislative level. In addition, it is also legally necessary to determine which diseases are socially dangerous.

Keywords: convicts, forced labor, punishment, medical workers, medical services, medical care, correctional center structure, socially dangerous disease, correctional center administration, position

For citation: Miroshnichenko E. A., Korolenko I. I., Palamarchuk E. A. On the issue of the organization of medical care for persons serving forced labor in correctional centers. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):125–131. (In Russ.). EDN [HWSEGU](#)

Введение

На сегодняшний день не теряет актуальности вопрос медицинского обеспечения лиц, приговорённых к принудительным работам. Обратим внимание на составляющие элементы права на охрану здоровья в нашем государстве. Так, соответствующие положения можно обнаружить в ст. 41 Конституции РФ. Кроме того, важно обратить внимание на ст. 12 УИК РФ, где особо отмечено, что любой осужденной может беспрепятственно пользоваться правомочиями в части охраны здоровья и получения медицинской помощи в различных направлениях и форматах. Лица, осужденные за преступления и приговоренные к принудительным работам, не являются исключением.

Цель исследования. Выявить и охарактеризовать проблемы, возникающие в процессе организации оказания медицинской помощи лицам, отбывающим принудительные работы в исправительных центрах, и предложить меры по их устранению.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

В соответствии с Концепцией развития УИС РФ на период до 2030 года, один из критериев профессионального потенциала кадров представлен высокой квалификацией, что распространяется на медицинских работников ИЦ, УФИЦ и других органов, учреждений в структуре УИС. Это важно понимать.

Осуждённые к принудительным работам в любое время могут воспользоваться медицинской помощью в ситуациях ухудшения состояния здоровья. Первоочередное значение в регулировании отношений, связанных со сферой здравоохранения, имеет ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1, с. 221], согласно которому прописано, что осуждённые лица, пребывающие в исправительных учреждениях, обладают правом на медицинскую помощь. Но, невзирая на наличие чёткой регламентации рассматриваемого права, в УИК РФ до сих пор остались непроработанными механизмы оказания медицинской помощи осуждённым к принудительным работам, в частности: отсутствует ряд инструкций, которые определяют меры медицинской помощи, которые необходимо оказывать осуждённым при различных сложившихся обстоятельствах.

Несоответствие законодательных актов нарушает права осуждённых, суть которых сводится к игнорированию руководством исправительного учреждения нормативно-правовых актов относительно, предусмотренных законом случаев выездов осуждённых в иные медицинские организации, территориально находящиеся за его пределами, что вступает в противоречие с положениями, отражёнными в Правилах внутреннего распорядка исправительных центров.

Ни в коем случае не следует забывать о том, что любой осужденный обладает правом на получение медицинской помощи, в том числе в месте отбывания наказания. В ситуациях требующих оказание предварительного лечения, в обстановке нахождения в определённом учреждении здравоохранения, выписка и дальнейшее отправление осужденного лица к принудительным работам, в ИЦ или УФИЦ недопустима до выздоровления. В иной ситуации возникает нарушение ст. 41 Конституции России.

Отметим, что в разработанной на сегодняшний день Типовой структуре исправительного центра отсутствует указание на наличие в штате медицинского работника. Получается, ситуация при которой, администрация ИЦ не принимает участие в организации для приговоренных лиц оказания медицинской помощи, что следует оценивать, как пробел, упущение в свете следования конституционным правам.

Медицинские организации государственной или муниципальной системы здравоохранения обеспечивают такую помощь. Но не редкость, когда ИЦ (УФИЦ) дислоцируются на значительном расстоянии от них, что порождает очевидные проблемы. Бесспорен факт, что даже, если ввести в штат ИЦ (УФИЦ) медицинского работника, это решение не снимет с повестки дня все существующие вопросы в сфере предоставления медпомощи узконаправленными специалистами.

Важно отметить, что нередко участки, функционирующие как исправительные центры (УФИЦ), расположены при исправительных колониях, где функционируют санитарные медицинские части. Благодаря этому сотрудники этих учреждений имеют возможность взаимодействовать с осужденными в условиях отсутствия ограничения свободы.

Однако отсутствие медиков в местах, предназначенных для отбывания наказания, в том числе принудительных работ, негативно сказывается на функционировании соответствующих ИЦ, УФИЦ или других учреждений. Это выражается в отсутствии обязательных медицинских осмотров, первой помощи при потребности в ней и не только [2, с. 238].

В ст. 10 приказа Минюста России от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» сотруднику медицинской сферы предписано ежедневно в рамках рабочего времени посещать места дисциплинарного наказания, относительно же выходных и праздничных дней - только при обращении за медпомощью. Исходя из этого, надлежит чётко обозначить права и обязанности медиков относительно оказания медпомощи осужденным к принудительным работам как в рамках учреждений уголовно-исполнительной системы, так и государственных и муниципальных медицинских организаций.

Внимания заслуживает и тот факт, что законодательно установлено следующее: лица, приговоренные к принудительным работам, могут пользоваться медицинскими услугами абсолютно бесплатно, но только на уровне конкретного учреждения в структуре УИС. Проведенный нами опрос позволяет утверждать, что данное правомочие используется примерно 60,6 % преступников, отбывающих обозначенное наказание.

Стоит особо отметить, что процедуры получения медпомощи для лиц, лишенных свободы, и граждан, осужденных к принудительным работам, заметно отличаются.

В первом случае, о чем позволяет утверждать Приказ Министерства юстиции РФ № 285 от 28.12.2017, конкретное лицо должно обратиться к так называемому начальнику отряда. Задача последнего в данном контексте – проставление отметки в специальном журнале записи на прием к сотруднику локально функционирующей медицинской службы.

Для цели получения возможности отправления на приём к нужному специалисту, осужденные, которые отбывают наказание в виде принудительных работ, должны написать соответствующее обращение, содержащие просьбу разрешить выход за территорию исправительного центра (ИЦ) или участка, функционирующего как исправительный центр (УФИЦ), к начальнику или же лицу, которое его замещает. К заявлению надлежит приложение доказательства относительно подтверждения записи.

Осужденные, получая медицинскую помощь в общем порядке, находясь в очереди вместе с обычными гражданами, имеют высокую вероятность не успеть пройти осмотр в день, установленный начальником исправительного центра или участка, функционирующего как исправительный центр. В таких случаях требуется подача повторного заявления. Как видим, процедура получения медицинской помощи для рассматриваемой категории осужденных до конца не отрегулирована.

Отметим факт того, что большое количество осужденных, отправленных на исправительные работы, ранее получили более жесткое наказание в виде лишения свободы. Но имеет значение то, что медицинские карты, в которых зафиксированы данные о здоровье каждого из осужденных, хранятся в отдельных частях исправительного учреждения. Получается, что руководство конкретного ИЦ лишено доступа к объективным сведениям относительно состояния здоровья осужденных.

Так как в штате исправительного центра (ИЦ) отсутствует медработник, информация о специфике состояния здоровья заключенных передается сотрудникам ИЦ, не имеющим медицинского образования. Может возникнуть проблема, при которой здоровые осужденные и сотрудники ИЦ имеют вероятность подвергнуться риску заражения социально-значимыми заболеваниями.

Принимая во внимание этот факт, организационная структура исправительного центра представляется, по мнению автора статьи, не вполне эффективна. Ощутимым недостатком видится непредусмотренность в штате медицинских работников, что исключает в ряде ситуаций осуществление непрерывного контроля за лечебно-профилактическим и санитарным состоянием осужденных посредством врачей из государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. 60,87 % опрошенных в ходе опроса, проведенного в 2023 г. среди сотрудников УФИЦ при ИК-15 ГУФСИН России по РО в г. Батайске, выразили мнение в пользу необходимости введения в штат медицинского работника (рис. 1).

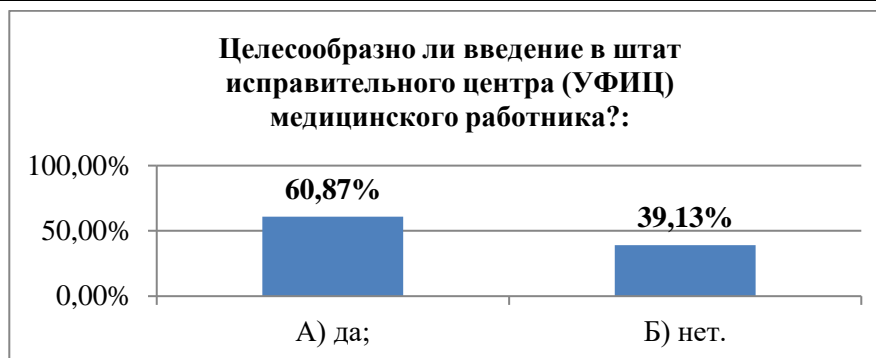

Рис. 1. Вопросы организации оказания медицинской помощи
осужденным к принудительным работам
Fig. 1. Issues of organization of medical care for those sentenced to forced labor

Осуждённый имеет право на выбор больницы и лечащего врача, но остается неурегулированность федерального законодательства, которая ведёт исправительные центры к нарушению прав и интересов осуждённых граждан. Необходимо отметить, что при оформлении осуждённых на работу во многих организациях они обязательно проходят медицинский осмотр.

Закключение

Медицинский осмотр регулируется трудовым законодательством. Осуществляя производственную деятельность, работники обязаны проходить медицинский осмотр за счёт работодателя, это правило распространяется на осуждённых к принудительным работам [3, с. 52]. Момент организации и правила деятельности администрации исправительного центра при осмотре в законодательстве не отрегулированы, также как и обязанность суда учитывать вид заболевания при определении режимных требований. Однако в некоторых государствах, например Молдова и Туркменистан, уголовный закон предусматривает, что при назначении различных наказаний по отношению к преступникам необходимо учитывать и анализировать, помимо прочего, физические и психические способности, текущее и вероятные состояния конкретного лица [4, с. 140].

Наличие заболеваний является препятствием к осуществлению трудовой деятельности осужденных к принудительным работам, что противоречит самой сути исполнения данного вида наказания.

Еще один минус в данном смысле сводится к тому, что суды пока не являются обязанными проверять состояние здоровья преступников при назначении исследуемого наказания.

Возникает уже обозначенная вероятность распространения заболеваний. Соответствующий риск типичен для: непосредственных осужденных лиц; сотрудников ИЦ и УФИЦ. Поэтому закономерен вопрос: не стоит ли запретить применять такую меру наказания, как принудительные работы, к этой категории лиц? Так как условия содержания в исправительных центрах полусвободные, то они могут благоприятно способствовать распространению опасных заболеваний [5, с. 23].

Анализ зарубежного опыта в данном контексте позволяет прийти к выводу, согласно которому законодательство ряда стран несколько опережает отечественные нормы. Примером можно считать Белоруссию, где предусмотрены специальные ограничения в части назначения принудительных работ по отношению к преступникам, больным: синдромом приобретенного иммунодефицита; туберкулезом; вирусом иммунодефицита человека [6, с. 48]. Такой опыт видится достаточно примечательным и требующим внедрения в российскую практику. Предполагается, что это снизит саму вероятность распространения социально-значимых болезней на уровне ИЦ и УФИЦ.

Видится целесообразным первоочередное излечение конкретного больного лица, если заболевание поддается устранению. Вместе с тем важно понимать, что негативное состояние здоровья исключительно отрицательно влияет на трудовую деятельность, что на практике в контексте отбывания наказания в виде принудительных работ снижает эффективность последних.

Необходимо на законодательном уровне запретить назначение принудительных работ людям, страдающим социально-опасными заболеваниями. Поскольку в исправительных центрах действует режим полусвободный, то это может привести к распространению этих болезней. Кроме этого,

необходимо разработать и принять нормативно-правовой акт, содержащий перечень социально-опасных заболеваний.

УИК РФ следует дополнить нормой, согласно которой осуждённые к принудительным работам, больные социально-значимыми заболеваниями, направляются в исправительные центры для отбывания наказания после прохождения ими курса лечения и (или) получения заключения медицинской организации либо иной организации, осуществляющей в установленном порядке медицинскую деятельность, о том, что их заболевание не представляет опасности для окружающих.

Рассмотрим также немаловажный аспект, связанный с оказанием психологической помощи, осужденным к принудительным работам. Согласно действующему законодательству участие осуждённых в мероприятиях, связанных с оказанием им психологической помощи, осуществляется на добровольной основе с письменного согласия осуждённых [7, с. 20].

Позитивен пример Шанхайского региона КНР, где психотерапевты на постоянной основе проводят скрининг психического здоровья осуждённых к принудительным работам, в отличие от нашей страны, где в Типовом штатном расписании исправительного центра не подразумевается наличие психолога [8, с. 36].

Необходимо функционирование психологических служб в рамках ИЦ и УФИЦ. Предполагается, что сотрудники подобных подразделений в перспективе способны улучшить работу, направленную на: исправление и перевоспитание осужденных; изменение их жизненных ориентиров и ценностных установок. Такая работа невозможна без введения в штатное расписание ИЦ и УФИЦ новой должности в виде психолога.

Итак, проблема оказания медицинской помощи осуждённым, отбывающим принудительные работы, весьма актуальна на сегодняшний день. Государственными и муниципальными медицинскими учреждениями оказываются услуги этой категории лиц. Вместе с тем, порой весьма значительная удалённость исправительных центров (УФИЦ) от указанных учреждений, порождает определённые сложности. Однако решение видится в том, что если в штат ИЦ (УФИЦ) ввести медицинского работника, ряд проблемных моментов снимется с повестки дня относительно обозначенной тематики.

Список источников

1. Клещина Е. Н. О некоторых проблемах применения наказания в виде принудительных работ и его профилактическом значении // Закон и право. 2024. № 12. С. 219–223. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-12-219-223
2. Щербакова Д. С. Влияние правил Нельсона Манделы на медицинское обеспечение осужденных к принудительным работам // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4). № 2. С. 235–242. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.235-242
3. Уголькова Е. И. Право осужденных на охрану здоровья и медицинскую помощь: понятие и содержание // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4). № 1. С. 49–57. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).1.049-057
4. Демидова О. В. Особенности уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Содружества Независимых государств // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21-23 нояб. 2017 г.): в 8 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. Т. 2 : Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства».
5. Бриллиантов А. В. Принудительные работы // Уголовное право. 2023. № 8. С. 21–28.
6. Павленко А. А. Состояние здоровья осужденных как элемент процедуры привлечения их к труду в странах Содружества Независимых государств // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4). №1. С. 44–50. DOI: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.044-050
7. Казберов П. Н. О некоторых аспектах и результатах работы по теоретико-концептуальному обеспечению функционирования психологической службы ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 5. С. 19–23. DOI: 10.18572/2072-4438-2022-5-19-23
8. Тимофеева Е. А. Пенитенциарная система Шанхайского региона: особенности подготовки кадров и функционирования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4. С. 28–32. DOI: 10.18572/2072-4438-2017-4-28-32

References

1. Kleshchina E. N. On some problems of the application of punishment in the form of forced labor and its preventive significance. *Law and Legislation*. 2024;(12):219–223. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-12-219-223. (In Russ.)
2. Shcherbakova D. S. The influence of Nelson Mandela's rules on the medical care of those sentenced to forced labor. *Penal Enforcement law*. 2022;17(1-4)2:235–242. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.235-242. (In Russ.)
3. Ugolkova E. I. The right of convicts to health protection and medical care: concept and content. *Penal enforcement law*. 2022;17(1-4)1:49–57. DOI: 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).1.049-057
4. Demidova O. V. Features of the penal enforcement legislation of the member states of the Commonwealth of Independent States. In: *III International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" : collection of theses, the ledge and the list of participants* (Ryazan, November 21-23, 2017) : in 8 volumes. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. Vol. 2 : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Improving the norms of criminal and penal enforcement legislation".
5. Brilliantov A.V. Forced labor. *Criminal law*. 2023;(8):21–28. (In Russ.)
6. Pavlenko A. A. The state of health of convicts as an element of the procedure for involving them in labor in the countries of the Commonwealth of Independent States. *Man: crime and punishment*. 2020;28(1-4)1:44–50. DOI: 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.044-050. (In Russ.)
7. Kazberov P. N. On some aspects and results of work on theoretical and conceptual support of the functioning of the psychological service of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penal enforcement system: law, economics, management*. 2022;(5):19-23. DOI: 10.18572/2072-4438-2022-5-19-23. (In Russ.)
8. Timofeeva E. A. The penitentiary system of the Shanghai region: features of personnel training and functioning. *Penal enforcement system: law, economics, management*. 2017;(4):28-32. DOI: 10.18572/2072-4438-2017-4-28-32. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Мирошниченко – помощник начальника Главного Управления по правовой работе – начальник юридической службы ГУФСИН России по Ростовской области.

И. И. Короленко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права РГЭУ (РИНХ).

Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России); профессор кафедры процессуального права ДГТУ.

Information about the authors

E. A. Miroshnichenko – Assistant to the Head of the Main Department for Legal Work – Head of the Legal Service, Federal Penitentiary Service of Russia for the Rostov Region.

I. I. Korolenko – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Rostov State University of Economics.

E. A. Palamarchuk – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Professor of the Department of Procedural Law, Don State Technical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Оценка эффективности работы следственных подразделений районного уровня: от сложности уголовного дела к срокам его расследования

Владислав Николаевич Зайцев^{1, 2}

¹Академия управления МВД России, Москва, Россия, police.1967@mail.ru

²Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Петрозаводск, Россия

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу современных подходов к оценке эффективности работы следственных подразделений МВД РФ в контексте категорий «сложного» и «простого» уголовного дела во взаимосвязи сроков его расследования. По мнению автора исследования, действующая система оценки работы следственных подразделений МВД РФ, установленная в соответствии с Распоряжением Заместителя Министра – начальника Следственного Департамента МВД РФ генерал-полковника юстиции Лебедева С.Н. от 19 июля 2021 года №1/8120 представляется не объективной и требует изменений в части дифференцировании уголовных дел на категории «сложных» и «простых» в зависимости от количества обвиняемых, количества эпизодов преступной деятельности, квалификации преступления, процессуального поведения участников уголовного судопроизводства и иных характеристик.

Цель. Обоснование взаимосвязи эффективности работы следственных подразделений МВД РФ со сложностью расследования находящихся в производстве уголовных дел и сроками их расследования.

Методы. Эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Частнонаучные методы: системное, грамматическое и логическое толкование. Специально-юридические методы: формально-юридический. Математические методы: метод математической индукции, математической дедукции, математического анализа. Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-правоведов, а также результаты изучения и анализа 4997 обвинительных заключений по уголовным делам, находившихся в производстве следователей МВД РФ.

Результаты. Установлено отсутствие объективности оценки деятельности следственных подразделений МВД РФ, непринятие во внимание взаимосвязи сложности и процессуальных сроков расследования уголовных дел. Установлена прямая взаимосвязь характеристики уголовного дела (количество обвиняемых, количество эпизодов преступной деятельности, квалификация преступления, процессуальное поведение участников уголовного судопроизводства) со сроками расследования уголовного дела.

Выводы. Действующая оценка эффективности работы следственных подразделений районного уровня представляется необъективной и требует корректировки. Ведомственная оценка сроков расследования уголовного дела не всегда позволяет сделать вывод об эффективности (неэффективности) работы следственного подразделения МВД РФ районного уровня. Управленческие решения, принимаемые на основе оценки деятельности следственных подразделений МВД РФ районного уровня не могут быть объективными ввиду несовершенства соответствующих показателей.

Ключевые слова: оценка эффективности работы, следственное подразделение, расследование уголовного дела, следователь, уголовно-процессуальные сроки

Для цитирования: Зайцев В. Н. Оценка эффективности работы следственных подразделений районного уровня: от сложности уголовного дела к срокам его расследования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 132–141. EDN [IBKSHW](#)

Problems of Procedural, Criminal Law and Criminology

Original article

Assessment of the effectiveness of the investigative units at the district level: from the complexity of the criminal case to the timing of its investigation

Vladislav N. Zaitsev^{1,2}

¹Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, police.1967@mail.ru

²Karelian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Petrozavodsk, Russia

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of modern approaches to assessing the effectiveness of the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the context of the categories of "complex" and "simple" criminal cases in relation to the timing of its investigation. According to the author of the study, the current system for evaluating the work of investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, established in accordance with the Order of the Deputy Minister – Head of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Colonel-General of Justice Lebedev S.N. No. 1/8120 of July 19, 2021, does not seem objective and requires changes in terms of differentiating criminal cases into categories of "complex" and "simple" depending on the number of defendants, the number of episodes of criminal activity, the qualification of the crime, the procedural behavior of participants in criminal proceedings and other characteristics.

Purpose. Substantiation of the relationship between the effectiveness of the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the complexity of the investigation of criminal cases under investigation and the timing of their investigation.

Methods. Empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private scientific methods: systematic, grammatical and logical interpretation. Special legal methods: formal legal. Mathematical methods: the method of mathematical induction, mathematical deduction, mathematical analysis. The theoretical basis of the study was made up of the works of Russian legal scholars, as well as the results of the study and analysis of 4,997 criminal indictments that were under investigation by investigators of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Results. The lack of objectivity in assessing the activities of the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the failure to take into account the relationship between the complexity and procedural timing of the investigation of criminal cases, has been established. A direct relationship has been established between the characteristics of the criminal case (the number of defendants, the number of episodes of criminal activity, the qualification of the crime, and the procedural behavior of participants in criminal proceedings). with the terms of the investigation of the criminal case.

Conclusions. The current assessment of the effectiveness of the investigative units at the district level is biased and needs to be adjusted. Departmental assessment of the timing of the investigation of a criminal case does not always allow us to draw a conclusion about the effectiveness (inefficiency) of the work of the investigative unit of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level. Management decisions made based on an assessment of the activities of the investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level cannot be objective due to the imperfection of the relevant indicators.

Keywords: performance assessment, investigative unit, criminal case investigation, investigator, criminal procedure terms

For citation: Zaitsev V. N. Assessment of the effectiveness of the investigative units at the district level: from the complexity of the criminal case to the timing of its investigation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):132–141. (In Russ.). EDN [IBKSHW](#)

Введение

Эффективность работы (труда) традиционно относится к числу наиболее важных и ключевых критериев деятельности любой организации (предприятия) и связана с достижением цели его развития, а также общества и государства в целом.

Термин «эффективность» рассматривается с различных точек зрения, в настоящее время не выработано единых подходов к пониманию сущности эффективности. Так, одни ученые связывают понятие эффективности с результативностью управления относительно субъекта управления [1], другие – с результативностью определенного действия, процесса, что измеряется соотношением между полученным результатом и затратами [2], третьи – с результативностью, которую определяет общая теория эффективной организации деятельности [3].

Несмотря на различие подходов, думается, что наиболее приемлемым признаком эффективности работы следственных подразделений МВД России является именно **результат** (выделено автором). Затраты на обеспечение работы МВД РФ в целом и, в частности, следственных подразделений не могут быть приняты во внимание ввиду проводимой Президентом РФ, Правительством РФ национальной и государственной политики по защите прав и свобод каждого человека и гражданина¹ вне зависимости от категории тяжести преступления, сложности расследования, общественного резонанса преступления, и иных критериев конкретного расследуемого уголовного дела. Иными словами нет «важных» и «не важных» уголовных дел, и государство не вправе оценивать человеческие, финансовые и иные затраты на расследование уголовного дела. Между тем, иногда, скажем финансовые затраты на раскрытие и расследование конкретного уголовного дела могут быть заведомо выше стоимости похищенного имущества или иного размера вреда, причиненного потерпевшему. В связи с чем, по мнению авторов, совершенно справедливо мнение многих ученых о том, что обязанность государства обеспечивать гарантии прав и свобод его граждан не может быть оценена с точки зрения финансовых затрат на это обеспечение [4–7].

Цель статьи – обоснование взаимосвязи эффективности работы следственных подразделений МВД РФ со сложностью расследования находящихся в производстве уголовных дел и сроками их расследования.

Постановка проблемы

Логичным представляется вопрос о том, с какой целью необходимо оценивать эффективность работы МВД РФ в целом и следственных подразделений в частности? Представляется, что однозначного ответа на этот вопрос не имеется и начальная попытка однозначного ответа на данный вопрос порождает еще больше вопросов.

Так, в силу положений приказа МВД России от 31 декабря 2013 г. №1040 целью оценки является определение эффективности деятельности территориальных органов МВД России по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности и выработка управленческих решений в отношении конкретного территориального органа МВД России с учетом условий его функционирования, однако как оценивать защищенность жизни и здоровья граждан? К примеру, если на обслуживаемой территории территориального органа МВД России по статистике минимальное количество преступлений указанной категории, свидетельствует ли это о защищенности граждан? или эти преступления просто не были зарегистрированы, расследованы и виновные в их совершении привлечены к уголовной ответственности? Как оценить уровень обеспечения общественной безопасности граждан? Если к примеру, на этой же территории зарегистрировано максимальное количество административных правонарушений, свидетельствует ли это о высоком уровне обеспечения общественной безопасности? или это отголоски той самой «палочной» системы, имевшей место до 2013 г.?

Вместе с тем, следует иметь ввиду, что оценка деятельности следственных подразделений МВД РФ с целью выработки управленческих решений весьма необходима. Прежде всего это связано с пониманием загруженности того или иного следственного подразделения, некомплекта его личного состава, соотношения криминогенной обстановки конкретного региона, иных характеристик.

¹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Консультант+ (дата обращения 15.04.25).

В научных работах же отмечается межнаучный, многоаспектный и многоуровневый и межотраслевой характер оценки современной организации расследования преступлений [8], однако, по нашему мнению, все гораздо проще и сводится к тому, что руководитель следственного подразделения **обязан знать и понимать** (выделено авт. – В. З.) человеческие ресурсы своих подчиненных, то есть должен понимать какое количество уголовных дел и по каким преступлениям подчиненный следователь может расследовать за определенный период времени, и исходя из этого руководитель следственного органа районного уровня должен планировать работу своего подразделения, оценивать ее эффективность.

Представляется, что такого рода оценка руководителя должна строиться исходя из понимания критериев сложности уголовных дел, расследуемых в конкретном следственном подразделении.

Результаты и обсуждение

Термин «сложность» уголовного дела встречается в уголовно-процессуальном законе несколько раз¹, однако не раскрыт и его сущность, признаки и критерии представляются весьма абстрактными, однако при упоминании в нормах права этой характеристики, законодатель определяет, как правило **более длительные сроки** (выделено авт. – В. З.) для совершения определенных действий и (или) принятия определенных решений. Думается, что сложность уголовного дела напрямую связана со сроками его расследования.

Содержание данного термина обнаруживается в положениях ст.6.1 УПК, введенной Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. и закрепившим в качестве принципов уголовного судопроизводства в «разумный срок уголовного судопроизводства», который так же, по совершенно справедливому мнению Аширбековой М. Т. и Кудина Ф. М., является оценочным понятием уголовно-процессуального права, при этом он имеет свои особенности – отражая количественно продолжительность производства по уголовному делу, он стимулирует субъектов, ведущих уголовный процесс, к качественной деятельности, по которой понимается своевременность, достаточность и эффективность процессуальных действий [9].

Между тем, в силу ч. 3 указанной статьи, при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, однако единого научного подхода к пониманию указанных характеристик не имеется: одни ученые считают, что понятия правовой сложности уголовного дела как отдельного критерия не существует [10], другие – принципиально вкладывают в понятие правовой сложности сложность квалификации действий лица при совершении деяния [11]. Мнение последних представляется не вполне рациональным по нескольким причинам.

Так, по мнению О. Баева, элементами правовой и фактической сложности уголовного дела как подсистемы системы факторов, которые необходимо учитывать при определении разумности сроков уголовного судопроизводства, являются уголовно-правовая и криминалистическая характеристика преступления [12]. Однако, прямым контраргументом такого мнения может считаться возможный факт простоты расследования уголовного дела по преступлению экономической направленности при соответствии сложности в расследовании уголовного дела по краже личного имущества. Таким образом, уголовно-правовая и криминалистическая характеристика преступления, по которому возбуждено и расследуется уголовное дело не всегда свидетельствует о его правовой и (или) фактической сложности. Уголовно-правовая характеристика преступления - это нормативное описание состава преступления, закрепленное законодателем в уголовном законе. Сама конструкция состава, по признакам которого возбуждается уголовное дело во всех статьях особенной части Уголовного закона одинакова, поэтому не может считаться более сложной или менее сложной.

Рассуждая на тему правовой сложности уголовного дела, возможно предположить, что речь идет о сложности квалификации совершенного деяния, подпадающего под признаки конкретного преступления, то есть о некоем соотношении нормы уголовного закона с происходившими в момент реального времени действиями (бездействиями). Такое соотношение действительно во многих случаях является сложным. К примеру, Т.А. Плаксина [13], Э.Ф. Побегайло [14], Н.Г. Иванов [15] придерживаются мнения о том, что убийство, сопряженное с иными преступлениями – это составное

¹ Ст. ст. 6.1, 109, 162, 163, 221, 223.2, 328 УПК РФ.

преступление, которое охватывается диспозицией соответствующего пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации за «сопряженное» преступление не требуется. К тому же М.В. Бавсун и К. Н. Николаев придерживаются мнения о том, что захват заложника и террористический акт не могут повлечь умышленное причинение смерти, так как захват и террористический акт могут быть сопряжены с убийством, являясь сложносоставными преступлениями, не выступать в роли первопричины нового деяния [16].

Несмотря на различие мнений, представляется, что критерий сложности уголовного дела (правовой и фактической) напрямую связан со сроками его расследования и, оценивая сроки расследования уголовных дел возможно определить их сложность и как следствие – оценить эффективность работы следственных подразделений в том числе районного уровня.

Необходимо отметить, что Распоряжением Заместителя Министра – начальника Следственного Департамента МВД РФ генерал-полковника юстиции Лебедева С.Н. от 19 июля 2021 г. №1/8120 в целях совершенствования оценки ведомственного контроля за деятельностью органов предварительного следствия территориальных органов МВД России и в соответствии с положениями приказа МВД России от 03 февраля 2012 г. №77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» утверждена соответствующая методика ведомственной оценки, приложением №2 которой установлен исчерпывающий перечень оцениваемых показателей эффективности работы, а также приложением №1 в качестве одного из основных направлений ведомственной оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия установлен показатель «сроки расследования уголовных дел».

Показатели оценки деятельности работы следственных подразделений районного уровня ежеквартально вносятся в соответствующую таблицу, на основании подсчёта баллов из которой то или иное следственное подразделение оценивается по соответствующему ранжиру (табл. 1).

Таблица 1 – Показатели оценки деятельности работы следственных подразделений районного уровня

Table 1 - Performance assessment indicators for investigative units at the district level

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СЛЕДСТВИЯ				КАЧЕСТВО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ		СРОКИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ			ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА	
Количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, постановлением о применении мер медицинского характера, постановлением в отношении н/летнего в порядке ч. 1 ст. 427 УПК, в отношении подозреваемого (обвиняемого) в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК, на 1 штатную единицу следователя	Количество преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд с обвинительным заключением, в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК на 1 шт. ед. следователя	Число обвиняемых по направленным в суд делам на 1 шт. ед. следователя	Удельный вес уголовных дел, прекращенных по пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК, от числа оконченных дел	Удельный вес дел, возвращенных прокурором для дополнительного расследования и судом в порядке ст. 237, от числа дел, направленных прокурору (с повторными)	Удельный вес уголовных дел, возвращенных судом с постановлением об отказе в удовлетворении ходатайства о назначении судебного штрафа (в порядке ч. 5 ст. 446.2 УПК) от числа дел, направленных в суд в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК	Удельный вес дел, оконченных в сроки свыше УПК РФ, за исключением возобновленных производством из числа ранее приостановленных дел, от числа направленных прокурору, в суд в порядке ч. 1 ст. 427, ч. 2 ч. 446.2 УПК РФ, и прекращенных	Удельный вес дел, приостановленных следователями по пп. 1, 2, 3 ст. 208 УПК РФ, от числа расследованных дел (с повторными)	Число лиц, условные дела или условное преследование в отношении которых прекращены следствием по реабилитирующим основаниям на 1000 обвиняемых и невиняемых по направленным в суд делам	Число лиц, уголовные дела о которых прекращены производством судом оправданные судом по реабилитирующим основаниям на 1000 обвиняемых и невиняемых по направленным в суд делам	Содержалось под стражей лиц, оправданных судом и в отношении которых уголовное преследование прекращено следствием по реабилитирующим основаниям, на 1000 обвиняемых и невиняемых по направленным в суд делам	Удельный вес возмещенного ущерба по оконченным делам (без повторных)	Удельный вес стоимости арестованного имущества от суммы ущерба по направленным в суд делам

Действительно, в одном из столбцов присутствует показатель «Сроки расследования уголовных дел», но правильно ли оценивать этот показатель недифференцированно относительно сложности оканчиваемых в следственном подразделении уголовных дел? То есть является ли окончание предварительного расследования «сложного» уголовного дела сроками, превышающие установленные УПК РФ отрицательным показателем работы следователя?

В этой связи для начала следует задаться вопросом о том, расследование каких именно уголовных дел, расследуемых в следственном подразделении районного уровня необходимо проанализировать для того, чтобы иметь критерии оценки работы того или иного следственного подразделения? Думается, что для ответа на данный вопрос необходимо установить уголовные дела, наиболее часто расследуемые в этих подразделениях, определить их сложность, выявить закономерность между «сложностью» уголовного дела и сроками его расследования.

На наш взгляд, утверждение В. В. Урбана, изложенное в монографии «Разумный срок и эффективность уголовного судопроизводства.» о том, что в соответствии с ведомственной системой оценки деятельности эффективность работы органов внутренних дел определяется, в основном, по количественным показателям где за основу берутся формальные критерии и сотрудники органов внутренних дел сосредотачивают свои усилия на преступлениях, не представляющих сложности при их расследовании [17], продолжает оставаться актуальным и убедительным, **поэтому** (выделено автором) необходимо первоначально определить какие уголовные дела наиболее часто расследуются в следственных подразделениях районного уровня и установить статистически значимые закономерности влияния ряда факторов на сроки расследования уголовных дел.

Автор статьи, как лицо, имеющее значительный практический опыт работы в следственных и оперативных подразделениях системы МВД России, имея представление о положении дел в настоящем времени, в ходе проведенного исследования обосновал выдвинутую гипотезу о том, что на сегодняшний день в следственных подразделениях МВД России районного уровня, как правило, расследуются уголовные дела, по имущественным преступлениям, а так же преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а так же то, что средний срок расследования уголовных дел, расследуемых в отношении 1 лица по 1 эпизоду преступной деятельности является меньшим, чем срок расследования уголовных дел с большим количеством эпизодов преступной деятельности и (или) в отношении нескольких лиц.

Ниже приводим результаты проведенного исследования и обоснование подтверждения выдвинутой гипотезы.

В ходе настоящего исследования проведен анализ обвинительных заключений по 4997 уголовным делам [18]. Так, были изучены сведения о квалификации расследуемого преступления, количестве обвиняемых, количестве расследуемых эпизодов, а также срок следствия в днях, указанных в приложении к обвинительному заключению.

Исследование проводилось с использованием методов математической статистики, включая анализ репрезентативности данных, дисперсионный анализ, корреляционный анализ, регрессионный анализ.

Анализ репрезентативности выборки относительно количества обвиняемых показал следующее: из 4997 дел в 4789 имелся один обвиняемый, в 208 случаях – два и более, при этом явное меньшинство уголовных дел, расследуемых в отношении трех и более обвиняемыми отдельно не учитывались, поэтому статистически полученные данные были разделены на два подмножества: дела с одним обвиняемым (95,84 %) и дела с двумя и более обвиняемыми (4,16 %).

Аналогичным образом была рассмотрена репрезентативность данных относительно количества расследуемых эпизодов. Дел с одним эпизодом среди 4997 насчитывалось в выборке 4039 (80,83 %), с двумя и более эпизодами – 958 (19,17 %). Ввиду незначительного количества дел с 3 и более эпизодами было также принято решение рассматривать два подмножества дел: дела с одним эпизодом и дела с двумя и более эпизодами.

В ходе исследования были проанализированы и квалификации составов преступлений, по которым возбуждали и расследовались уголовные дела в следственных подразделениях районного уровня, которые представлены ниже в виде сводной диаграммы, где видно, что как и предполагалось, абсолютное большинство (78 %) направляемых в суд уголовных дел составляют уголовные дела по имущественным преступлениям (кражи, мошенничества), а также по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (рис. 1).

Кроме того, авторы проведенного исследования, статистически оценивая сроки расследования уголовных дел, пришли к следующим выводам:

Средний срок расследования уголовных дел составил 88,95 дней, при этом сроки расследования часто встречающихся составов преступлений представлены ниже в табл. 2.

Исходя из полученных данных представляется, что расследование краж, как правило, не представляет особой сложности, сроки расследования по указанным преступлениям (в среднем) практически сходятся с нормативно установленным УПК РФ сроком расследования в 2 месяца, в то время как расследование мошенничеств практически в 2,5 раза сложнее расследования краж, что относит их к категории «сложных».

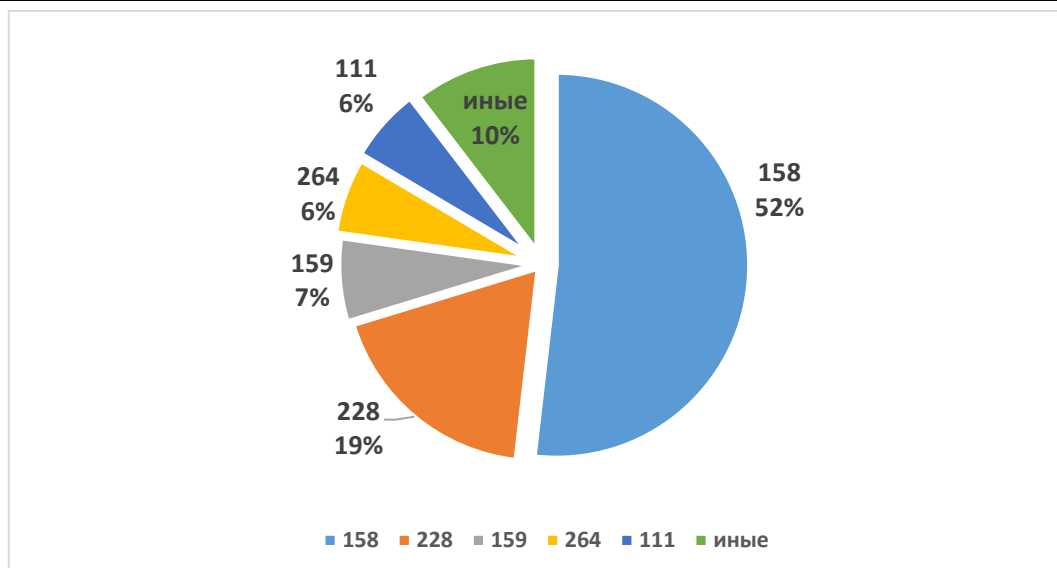

Рис. 1. Квалификации составов преступлений, по которым возбуждали и расследовались уголовные дела в следственных подразделениях районного уровня

Fig. 1. Qualifications of the elements of crimes for which criminal cases were initiated and investigated in the investigative units of the district level

Таблица 2 – Статистические данные сроков расследования уголовных дел

Table 2 – Statistical data on the terms of investigation of criminal cases

Ст. УК РФ	Кол-во дел	Средний срок расследования
ст. 158	2590	65,412
ст. 228	922	89,96
ст. 111	305	101,85
ст. 264	313	106,04
ст. 161	108	116,63
ст. 228.1	366	144,4
ст. 159	347	161,24
все	4997	88,65

В ходе проведения дальнейшего анализа установлено, что средний срок расследования дел с 1 обвиняемым и 1 эпизодом составляет 75,12 дней. В делах с одним обвиняемым средний срок расследования составил 87,65 дней, в делах с двумя и более обвиняемыми – 108,89 дня. Для дел с одним эпизодом средний срок расследования составил 76,78 дня, для дел с большим количеством эпизодов – 138,37 дней.

Таким образом, применение методов математической статистики показало подтверждение гипотезы относительно наличия взаимосвязи между сложностью уголовного дела и сроком расследования. Так, средний срок расследования дел с 1 обвиняемым и 1 эпизодом статистически значимо отличается:

а) от срока расследования дел с 1 обвиняемым и более, чем 1 эпизодом (138,37 дней, коэффициент 1,84);

б) от срока расследования дел с 1 эпизодом и более, чем 1 обвиняемым (108,89 дней, коэффициент 1,45).

За основу оценки эффективности работы следственных подразделений районного уровня целесообразно взять результаты работы по выявленным наиболее статистически часто встречаемым составам преступлений, а именно: ст. 158 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ, 159 УК РФ, ст. 264 УК РФ,

ст. 111 УК РФ, внутри которых также выявлены статистически значимые зависимости между сложностью уголовного дела (многоэпизодность и (или) более 1 обвиняемого) и сроков его расследования.

Кроме того, в ходе проведенного исследования проводился анализ промежутка времени, затрачиваемого обвиняемым и его защитником на ознакомление с материалами уголовного дела, что напрямую связано со сроками расследования уголовного дела.

Необходимо отметить, что процедура ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ – это чуть ли не единственное процессуальное действие, сроки проведения которого больше зависят не от эффективности работы следственного подразделения, а от скорости восприятия информации с пониманием обвиняемого. В этой части напрашивается вывод о том, что эффективность работы следственных подразделений районного уровня должна оцениваться, в том числе исходя из характеристик обвиняемых (возраст, образование, место работы и др.) и его процессуального поведения.

Проведенный анализ показал, что срок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела имеет взаимосвязь с характеристиками уголовного дела (квалификация преступления, количество обвиняемых, количество эпизодов преступной деятельности).

Исходя из полученных данных сделан вывод о том, что время ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела по мошенничествам в 2,3 раза больше чем по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, а значит может быть отнесено к категории более «сложных». Сроки ознакомления обвиняемых по уголовным делам по преступлениям, совершенным в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору либо в составе организованной преступной группы в 3,5 раза выше, чем по преступлениям с одним обвиняемым по одному эпизоду преступной деятельности.

Заключение

Таким образом, совершенствуя оценку эффективности работы следственных подразделений районного уровня, установив прямую закономерность сложности расследуемых наиболее часто расследуемых уголовных дел от сроков их расследования, по нашему мнению возможно создание типовой модели критерия «сложности» уголовного дела, исходя из количества эпизодов преступной деятельности и количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а так же конкретного состава преступлений.

Новая модель оценки эффективности работы следственных подразделений МВД РФ, основанная на учете характеристик уголовного дела (сложность расследования, количество обвиняемых, количество эпизодов преступной деятельности, квалификация преступления и др.), процессуального поведения участников уголовного судопроизводства во взаимосвязи со сроками расследования, позволит делать выводы об общей результативности работы конкретных территориальных органов внутренних дел, выделяя те из них, в которых имеется необходимость в принятии решений управленческого характера.

Помимо этого, в целях учета специфики отдельных регионов, возможно провести дополнительное исследование результативности деятельности органов предварительного следствия всех субъектов Российской Федерации по аналогичной методике.

Представляется, что подобный подход с высокой степенью достоверности позволит выявить проблемные регионы, а также те, где имеется положительный опыт организации оперативно-служебной деятельности.

Список источников

1. Проблема эффективности в современной науке : (Методологические аспекты) / [А. Д. Урсул, А. А. Жученко, О. Ю. Тарасов и др.]; Отв. ред. А. Д. Урсул. Кишинев: Штиинца, 1985. 256 с.
2. Андрийчук В. Г. Эффективность деятельности аграрных предприятий: теория, методика, анализ. М.: КНЭУ, 2013. 292 с.
3. Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе: под ред. Г. Х. Попова. М.: Экономика, 1975. – 269 с.
4. Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9. С. 54–62.

5. Головки Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе // Уголовная юстиция: связь времен / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калининский. М.: ЗАО «Аktion-Медиа», 2012. С. 24–31.
6. Зуев С. В. Информационное обеспечение уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 207 с.
7. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)Государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратег. разработок, 2018. 52 с.
8. Можаяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 54 с.
9. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. «Разумный срок» как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 21–25.
10. Аширбекова М. Т. Об уголовно-процессуальных функциях следователя // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. №4. С. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-81-85>.
11. Михайлова И. А., Рытькова В. Ю. Некоторые вопросы квалификации преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4. С. 65–69.
12. Баев О. Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М.: Юрлитинформ, 2012. 232 с.
13. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления : монография; под науч. ред. В. Д. Филимонова ; Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006 (Барнаул: Тип. ООО «Азбука»). 431 с.
14. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117.
15. Иванов Н. Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ). Критический взгляд» // Уголовное право. 2000. № 2. С. 21–25.
16. Николаев К. Д., Бавсун М. В. Проблемы юридической оценки против общественной безопасности, сопряженных с убийством // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 31–34.
17. Урбан В. В. Разумный срок и эффективность уголовного судопроизводства. Монография. М.: Проспект, 2020. 144 с.
18. Торопов Б. А., Урбан В. В., Зайцев В. Н. и др. Оптимизация оценки деятельности органов предварительного следствия с учетом фактической штатной численности и оптимальной нагрузки на следственные подразделения. Аналитические материалы с предложениями. М.: Академия управления МВД России, 2024. 53 с.

References

1. Ursul A.D., Zhuchenko A. A., Tarasov O. Yu. et al. *The problem of effectiveness in modern science: (Methodological aspects)*. Ed. by A.D. Ursul. Chisinau: Stiintca; 1985. 256 p. (In Russ.)
2. Andriychuk V. G. *Efficiency of agricultural enterprises: theory, methodology, analysis*. Moscow: KNEU, 2013; 292 p. (In Russ.)
3. Kotarbinsky T. *A treatise on good work*. Edited by G. H. Popov. Moscow: Economics; 1975. 269 p. (In Russ.)
4. Alexandrov A. S. How not to be a preliminary investigation. *State and law*. 2001;(9):54–62. (In Russ.)
5. Golovko L. V. Police reform in the context of modernization of pre-trial proceedings in the Russian criminal process. In: *Criminal justice: the connection of times* / comp. A.V. Smirnov, K. B. Kalinovsky. Moscow: CJSC Aktion-Media; 2012:24–31. (In Russ.)
6. Zuev S. V. *Information support of the criminal process*: dis. ... Cand. Sci. (Law). Omsk; 2002. 207 p. (In Russ.)
7. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. *The state as a platform. (Cyber)The state for the digital economy. Digital transformation*. Moscow: Center for Strategic Research; 2018. 52 p. (In Russ.)
8. Mozhaeva I. P. *Criminalistic teaching on the organization of crime investigation*: abstract of the dissertation. ... Dr. Sci. (Law). Moscow; 2014. 54 p. (In Russ.)
9. Ashirbekova M. T., Kudin F. M. "Reasonable time" as an evaluative concept in criminal procedure law. *Criminal proceedings*. 2011;(2):21–25. (In Russ.)
10. Ashirbekova M. T. On the criminal procedural functions of the investigator. *Law Bulletin of Samara University*. 2019;5(4):81–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-81-85> (In Russ.)

11. Mikhailova I. A., Rytikova V. Yu. Some issues of crime qualification. *Problems of law enforcement activity*. 2017;(4):65–69. (In Russ.)
12. Baev O. Ya. *Legal and tactical bases of discretion in criminal prosecution*. Moscow: Yurlitinform; 2012. 232 p. (In Russ.)
13. Plaksina T. A. *The social grounds of circumstances qualifying murder and their legal expression in the elements of a crime* : a monograph; edited by V. D. Filimonov ; Federal Agency for Education, Altai State University. Barnaul : Publishing House of the Altai University, 2006 (Barnaul: Type. Azbuka LLC). 431 p. (In Russ.)
14. Pobegailo E. F. The crisis of modern Russian criminal policy. *Criminal law*. 2004;(4):112–117. (In Russ.)
15. Ivanov N. G. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On judicial practice in cases of murder (art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). A critical look". *Criminal Law*. 2000;(2):21–25. (In Russ.)
16. Nikolaev K. D., Bavsun M. V. Problems of legal assessment against public safety associated with murder. *Russian Justice*. 2010;(1):31–34. (In Russ.)
17. Urban V. V. *Reasonable time and effectiveness of criminal proceedings*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2020. 144 p. (In Russ.)
18. Toropov B. A., Urban V. V., Zaitsev V. N. and others. *Optimization of the assessment of the activities of pre-trial investigation bodies, taking into account the actual staffing levels and the optimal load on investigative units. Analytical materials with proposals*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024. 53 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Н. Зайцев – адъюнкт Академии управления МВД России; преподаватель кафедры уголовного права и процесса Карельского филиала РАНХиГС, подполковник юстиции.

Information about the author

V. N. Zaitsev – Associate Professor at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure of the Karelian branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lieutenant Colonel of Justice.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.

Бесплатная правовая помощь в пенитенциарной системе: перспективы развития

Дарья Сергеевна Исакова¹, Наталья Абрамовна Василенко²,
Юлия Владимировна Гончарова³

¹Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Сахалинской области, Южно-Сахалинск, Россия, mxkx@yandex.ru

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия, nataly550207@mail.ru

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, korolenko.irina.2013@mail.ru

Аннотация

Введение. Институт оказания бесплатной правовой помощи осуждённым ввиду своей важности часто обсуждается в научных кругах, но существует ряд вопросов, которые так и не были законодательно урегулированы. Они связаны с качеством её оказания, территориальной доступностью, модернизацией самого процесса оказываемой услуги. В связи с этим подчеркнём, что именно правовая помощь представляет собой более ёмкое понятие, куда входит и правовое просвещение, которое в современных условиях цифровизации в местах лишения свободы так и не вышло на новый уровень.

Цель. Охарактеризовать порядок предоставления правовой информации лицам, находящимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, сформулировать предложения по повышению эффективности правовой помощи осуждённым.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют общеиспользуемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении актуальной проблемы.

Результаты. Действующие информационные терминалы исправительных учреждений зачастую не подключены к справочно-правовым системам либо подключены с минимальным доступом. В таких условиях осуждённые ограничены в праве на доступ к информации правового характера, гарантированном в основном законе. Представляется обоснованным получение лицами, которые пребывают в местах лишения свободы, либо, которые содержатся в следственных изоляторах, доступа не только к базовому и обязательному законодательству, но и к другим нормативным актам, затрагивающим: условия быта и медицинское обслуживание; трудовую деятельность (для осуждённых) и т.д.

Выводы. Немаловажным является вопрос относительно доступности правовой помощи осуждённым, находящимся на удалённых территориях, где ближайшие адвокаты находятся за десятки километров. Авторы полагают, что назрела практическая необходимость оказания бесплатной юридической помощи в удалённом формате, который должно обеспечить исправительное учреждение по ходатайству осуждённого.

Ключевые слова: правовая помощь, осуждённые, адвокат, исправительные учреждения, правовая информация, информационные терминалы, бесплатная юридическая помощь, консультации, юридические клиники, помилование, дистанционный формат

Для цитирования: Исакова Д. С., Василенко Н. А., Гончарова Ю. В. Бесплатная правовая помощь в пенитенциарной системе: перспективы развития // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 142–148. EDN [JHQQQR](#)

Free legal aid in the penitentiary system: development prospects

Darya S. Isakova¹, Natalia A. Vasilenko², Yulia V. Goncharova³

¹Federal Penitentiary Service of Russia for the Sakhalin Region, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, mxkx@yandex.ru

²Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia, nataly550207@mail.ru

³Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, korolenko.irina.2013@mail.ru

Abstract

Introduction. Due to its importance, the institution of providing free legal aid to convicts is often discussed in scientific circles, but there are a number of issues that have not been legally regulated. They are related to the quality of its provision, territorial accessibility, and modernization of the service itself. In this regard, we would like to emphasize that legal aid is a more comprehensive concept, which includes legal education, which has not reached a new level in modern conditions of digitalization in places of detention.

Purpose. To describe the procedure for providing legal information to persons in institutions of the penal system, to formulate proposals for improving the effectiveness of legal assistance to convicts.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of the research was made up of scientific articles, statistical reports of government departmental structures, materials of judicial and investigative practices. The methodological basis is made up of commonly used scientific research methods, the application of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches to the study of an urgent problem.

Results. The existing information terminals of correctional institutions are often not connected to legal reference systems or are connected with minimal access. In such circumstances, convicts are limited in their right to access information of a legal nature, guaranteed in the basic law. It seems reasonable for persons who are in places of deprivation of liberty or who are being held in pre-trial detention facilities to have access not only to basic and mandatory legislation, but also to other regulations affecting: living conditions and medical care; labor activity (for convicts), etc.

Conclusions. An important issue is the availability of legal aid to convicts located in remote territories, where the nearest lawyers are located tens of kilometers away. The author believes that there is a practical need to provide free legal aid in a remote format, which should be provided by a correctional institution at the request of a convicted person.

Keywords: legal aid, convicts, lawyer, correctional institutions, legal information, information terminals, free legal aid, consultations, legal clinics, pardon, remote format

For citation: Isakova D. S. Vasilenko N. A., Goncharova Yu. V. Free legal aid in the penitentiary system: development prospects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):132–141. (In Russ.). EDN [IHQGOR](#)

Введение

Лица, которые попадают в учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), получают особый правовой статус. В соответствии с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством они сталкиваются с определёнными ограничениями в своих правах и возможностях. Среди них – ограниченный доступ к разнообразной информации, включая нормативно-правовые акты. В связи с этим может возникнуть ситуация, когда лицам, находящимся в учреждениях УИС, потребуется юридическая помощь.

Цель проведенного исследования в данной статье: охарактеризовать порядок предоставления правовой информации лицам, находящимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, сформулировать предложения по повышению эффективности правовой помощи осужденным.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, статистические отчеты государственных ведомственных структур, материалы судебной и следственной практик. Методологическую основу составляют обще используемые методы научного исследования, применение которых обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении обозначенной проблемы.

Результаты и обсуждение

Лишение свободы – это наиболее строгое наказание, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). Оно предполагает существенные ограничения прав осуждённого. Однако даже в условиях заключения и изоляции человек не теряет полностью свою социальную жизнь. Это подтверждается статьёй 6 Всеобщей декларации прав человека. В ней закреплено право каждого на признание его правосубъектности.

В отличие от подозреваемых и обвиняемых, которым государство может предоставить адвоката, назначенного следствием или судом, осуждённые лишены такой возможности. Исключением являются случаи, когда осуждённый принимает участие с целью обжаловать приговор в судах апелляционной и кассационной инстанции.

Авторы статьи солидарны с мнением В. Ю. Максимова [1, с. 289] относительно того, что создание правовой культуры и оказание юридической помощи лицам, отбывающим наказание, способны защитить их интересы в полном объёме. Посредством осуществления квалифицированных юридических консультаций, осуждённые оказываются не оторванными от действующих правовых норм, осознают себя в качестве члена социума [2, с. 10].

Согласно статье 48 Конституции Российской Федерации, любой гражданин имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. В этой связи лица, которые находятся в местах лишения свободы, не являются исключением. В соответствии с частью 8 статьи 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) осуждённые вправе обратиться за помощью к адвокату или другим специалистам, уполномоченным на её предоставление.

Осуждённые вправе прибегнуть к услугам специалистов на базе соглашения, а также при соблюдении ряда обязательных условий, обозначенных в Федеральном законе от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и иных норм федерального законодательства и нормативных актах субъектов РФ, получить помощь бесплатно [3, с. 59]. Отметим, что такая безвозмездная поддержка предоставляется, к примеру, инвалидам I и II группы, малоимущим гражданам и другим категориям лиц, нуждающимся в защите своих прав (трудовых, социальных, жилищных и иных), а также желающим оспорить решения должностных лиц.

На основании части 4 статьи 89 УИК РФ, законодателем установлено право осуждённых на свидания со специалистами. Помимо этого они обладают правом ведения переписки в открытом формате, не подразумевающим осуществление цензуры. Однако существуют исключения, связанные с такими ситуациями, при которых содержание переписки включает в себя указание на готовящееся преступное деяние (часть 3 статьи 91 УИК РФ).

Бесплатная юридическая помощь предоставляется в двух форматах:

- Государственная. Её суть состоит в том, что органами государственной власти субъектов Российской Федерации выполняются положения Федерального закона о бесплатной юридической помощи посредством двух форм: создание государственных юридических бюро либо привлечение к работе адвокатов.

На сайтах государственных органов исполнительной власти, например министерства социальной защиты населения, комитетов по социальной политике и прочих, размещению подлежат обновлённые списки адвокатов, намеревающихся оказать бесплатную юридическую помощь. Упомянутые выше перечни подлежат актуализации каждый год.

20 апреля 2023 г. на XI Всероссийском съезде адвокатов был принят Стандарт, посвящённый регулированию деятельности адвокатов по предоставлению бесплатной юридической помощи. Указанным документом определены главные принципы и правила работы в рамках государственной системы оказания такой поддержки.

Статья 22 Федерального закона о бесплатной юридической помощи содержит указание на то, что фундамент негосударственной системы оказания рассматриваемой помощи составляет принципе добровольности. Такая система состоит из: юридических клиник, открываемых на базе высших учебных заведений, и негосударственных центров, которые формируют некоммерческие организации и профессиональные объединения юристов.

Официальные информационные ресурсы Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных подразделений содержат необходимые сведения касательно юридических клиник и негосударственных центров, связанных с предоставлением бесплатных юридических услуг.

На сегодняшний день система бесплатной юридической помощи подлежит активному развитию. В целях обеспечения осуждённым возможностью ознакомиться с порядком её получения, администрации учреждений надлежит предоставить информацию о соответствующих организациях посредством информационных терминалов и специализированных стендов.

Касательно реализации мероприятий, обеспечивающих правовое просвещение осуждённых, необходимо делать акцент на перечень правомочий по получению информации, носящей правовой характер, подробно разъяснять им, как можно воспользоваться этими правами в конкретном учреждении уголовно-исполнительной системы [4, с. 39].

Вот уже несколько десятилетий ведётся дискуссия о необходимости преобразования устаревших механизмов исполнения наказаний в России. Регулярно появляется информация о случаях нарушения прав заключённых, о жалобах на условия содержания в исправительных учреждениях [5, с. 114].

Большинство российских тюрем и колоний были построены давно и не соответствуют актуальным международным стандартам содержания заключённых.

Отсюда следует, что люди обращаются с вопросами о своём правовом статусе не только из-за искажённого понимания правовых норм. Вероятно, к этому приводит также недостаток знаний в области права или низкий уровень правовой осведомлённости.

В терминалах необходимо разместить нормативно-правовые акты, а также разнообразные сведения о функционировании учреждений уголовно-исполнительной системы и её подразделений на разных территориях. Также важно предоставить информацию о деятельности судов, государственных органов власти, прокуратуры и медицинских учреждений в рамках УИС.

Представляется необходимым размещение справочной информации относительно физических и юридических лиц, занимающихся оказанием бесплатной юридической помощи в соответствии с Федеральным законом о бесплатной юридической помощи.

В последние десять лет в исправительных учреждениях стали появляться информационные терминалы. Изначально идея по установке терминалов была реализована благодаря осуществлению государственных программ регионального уровня, преследующих своей целью обеспечить общественную безопасность и противодействовать преступным деяниям, содействовать занятости населения и повышать безопасность в субъекте. Вышеуказанные программы контролировались непосредственно органами государственной службы занятости.

Информационные терминалы, подлежащие размещению на сегодняшний день, имеют различия между собой по своему строению и программному комплексу. Отметим, что лишь незначительная часть из них содержит прямой выход справочно-правовым ресурсам.

Отметим, что программное обеспечение терминалов и справочно-правовые системы обновляют без централизованного подхода. Такой подход влечёт тот факт, что информация, содержащаяся в терминалах, часто оказывается неполной или устаревшей.

При анализе данных, размещённых на информационных терминалах в исправительных учреждениях, обнаружилось, что большая часть правовой информации представлена кодексами: УК РФ, УПК, УИК и СК РФ. Полагаем, что данных нормативно-правовых актов явно недостаточно, чтобы всесторонне защитить права и законные интересы лиц, пребывающих в местах лишения свободы, с целью реализации полноценной защиты в судебных инстанциях.

Представляется обоснованным получение лицами, которые пребывают в местах лишения свободы, либо, которые содержатся в следственных изоляторах, доступа не только к базовому и обязательному законодательству, но и к другим нормативным актам, затрагивающих:

- условия быта и медицинское обслуживание;
- трудовую деятельность (для осуждённых);
- обучение и получение образования;
- процедуру освобождения и реабилитации (для осуждённых).

Ввиду того, что лица, находящиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, не имеют доступа к интернету и во многих случаях не входят в категорию тех, кому по закону может быть оказана бесплатная юридическая помощь, а их финансовое положение часто не позволяет им обращаться за платными услугами юристов, представляется реально необходимым обеспечение их возможностью получать справочную информацию относительно подобных организаций (название,

адрес для отправки корреспонденции). С этой целью надлежит разместить указанные данные на информационных стендах и в терминалах.

Стоит подчеркнуть, что осуждённые могут получить правовую поддержку на разных этапах исполнения наказания. Специалисты в области права консультируют и оказывают поддержку по вопросам условий содержания, использования мер стимулирования и наказания. Кроме этого, они также помогают разобраться в вопросах досрочного освобождения, получения помилования или амнистии.

Подчеркнем, что осуждённые обладают правомочием на обращение за юридической помощью в случаях подачи обращений в Конституционный и Верховный суды Российской Федерации, а также в суды общей юрисдикции с целью урегулирования иных вопросов [6, с. 298].

В юридической практике имеются прецеденты, когда суд признавал незаконным отказ в свидании осуждённого лица с правозащитником, представителем и экспертом общественных организаций в рамках оказания бесплатной правовой помощи.

Так, например, в Куйбышевском районном суде города Иркутска рассматривалось дело под номером 2-817/2012¹. Истцом выступил В.В. Моляков, обратившийся с иском о признании решения администрации ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области неправомерным в связи с недопуском его защитника к нему.

Суд удовлетворил заявление Молякова и признал действия администрации учреждения неправомерными. В своём решении он подчеркнул, что недопуск общественного защитника Молякова И. Э. к осуждённому Молякову В. В. является нарушением права последнего на защиту. Поэтому заявление истца было обоснованно и должно быть удовлетворено в соответствии с законом.

Стоит отметить, что в процессе работы адвокаты сталкиваются с рядом трудностей. Так, при посещении изоляторов адвокаты не имеют возможности пронести технику для записи и фотографирования информации. Это относится к фотоаппаратам, диктофонам и мобильным телефонам, которые могли бы использоваться для этих целей. В одном из регионов адвокатам разрешается брать с собой ноутбук и мобильный принтер, но при этом их использование в присутствии подзащитного запрещено.

В другом регионе допускается пронос ноутбука без доступа в интернет, но только после получения разрешения от начальника исправительного учреждения. Такой подход создаёт дополнительные сложности, поскольку он не регламентирован законом и, следовательно, является произвольным. Он ограничивает права осуждённых на защиту. И только в одном регионе адвокатам и защитникам разрешено пронести с собой технику: фотоаппарат и телефон².

С первого дня лета 2024 г. начал действовать приказ Министерства юстиции Российской Федерации, который был утверждён двадцатого мая того же года под номером 157. Указанный документ устанавливает условия реализации бесплатной юридической помощи. Он адресован субъектам, именованным в соответствующих пунктах закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» № 324-ФЗ. Приказом помимо этого утверждён стандарт оказания рассматриваемой помощи и механизм контроля за его осуществлением.

Примечателен раздел V Стандарта под названием «Критерии доступности и качества оказания бесплатной юридической помощи». По окончании оказания такой помощи намечено проведение анкетирования лиц её получивших, для осведомления относительно уровня их удовлетворённости качеством услуг и отношением консультантов, в том числе адвокатов.

Проблемные моменты, осложняющие деятельность адвокатов при реализации своей социально-правовой функции: обеспечение доступа к субсидируемой и бесплатной юридической помощи для малоимущих граждан, их проживание в удалённых от областных и районных центров посёлках Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока. В горных сёлах Республики Алтай и Северного Кавказа ощущается дефицит адвокатов. На таких территориях либо они отсутствуют, либо их крайне минимальное количество [7, с. 41].

¹ Решение № 2-817/2012 от 27 марта 2012 г. по делу № 2-817/2012 [Электронный ресурс]. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QpEwj1YFv5IY/> (дата обращения: 20.01.2025).

² Национальный доклад «Соблюдение права на доступ к суду в местах лишения свободы ФСИН России» по итогам изучения ситуации с доступом к суду для заключённых в 13 регионах РФ. – URL: https://manandlaw.info/wp-content/uploads/2021/11/dostup-k-sudu_itog.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

Депутаты от Либерально-демократической партии России (ЛДПР) во главе с её лидером Леонидом Слуцким выступили с инициативой о внесении в Государственную думу законопроекта. Предлагается дополнить законодательство возможностью получения бесплатной юридической помощи для россиян в дистанционном формате.

Сегодня Министерство юстиции внедрило инновационное решение – информационную систему под названием «Правовая помощь». Это нововведение позволяет оперативно и эффективно предоставлять бесплатные юридические консультации в удалённом формате.

В 2025 г. планируется запуск федеральной государственной информационной системы «Правовая помощь» на территории всей страны. Она будет интегрирована с порталом госуслуг и включена в цифровую платформу «ГосТех», как сообщили в Министерстве юстиции [1]. Ожидается, что к системе присоединятся участники государственной программы бесплатной юридической помощи во всех регионах России. В их числе будут и бывшие осуждённые, однако пока нет сведений о предоставлении услуги лицам, находящимся в исправительных учреждениях.

Заключение

Таким образом, трудности, о которых идёт речь в этой статье, возникают из-за того, что не установлены чёткие правовые нормы и правила, регулирующие порядок предоставления правовой информации лицам, находящимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Полагаем, что сформулированные в данном исследовании предложения способны существенно повысить эффективность правовой помощи осужденным.

Список источников

1. Максимов В. Ю. Правовая помощь осужденным и ее роль в исправлении // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 287–290.
2. Еремеева А. А. Пенитенциарная социальная работа по восстановлению, поддержанию и укреплению социальных связей осужденных : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Еремеева Анна Андреевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»]. – Нижний Новгород, 2022. 34 с.
3. Троян Н. А. К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи в субъектах Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 59–64.
4. Хван Т. С. О доступности нормативно-правовой информации лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости УИС. 2023. № 12. С. 38–48.
5. Петров О. В. О проблемах соблюдения основных прав и свобод человека в местах лишения свободы в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 114–119. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-4-114-119
6. Дуничева Т. А. Право осужденных на получение юридической помощи: субъекты и особенности осуществления // Молодой ученый. 2023. № 47 (494). С. 297–299.
7. Кругляков С. В. О некоторых вопросах оказания адвокатами бесплатной юридической помощи: история и современность // Евразийская адвокатура. 2024. №4 (69). С. 38–46. DOI: 10.52068/2304-9839_2024_69_4_38

References

1. Maksimov V. Y. Legal aid to convicts and its role in correction. *Young Scientist*. 2020;48(338):287–290. (In Russ.)
2. Eremeeva A. A. *Penitentiary social work for the restoration, maintenance and strengthening of social ties of convicts* : abstract of the dissertation of the Candidate of Sociological Sciences :[Place of defense: FGAOU VO "National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky"]. Nizhny Novgorod; 2022. 34 p. (In Russ.)
3. Troyan N. A. On the issue of providing free legal aid in the subjects of the Russian Federation. *Law enforcement monitoring*. 2020;2(35):59–64. (In Russ.)

¹ Бесплатная юрпомощь появится на госуслугах во всех регионах РФ. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50505/> (дата обращения: 20.01.2025).

4. Khvan T. S. On the accessibility of regulatory and legal information to persons detained in institutions of the penal system of the Russian Federation. *Vedomosti of the Penal System*. 2023;(12):38–48. (In Russ.).

5. Petrov O. V. On the problems of observing fundamental human rights and freedoms in places of deprivation of liberty in the Russian Federation. *Criminological Journal*. 2023;(4):114–119. (In Russ.). DOI: 10.24412/2687-0185-2023-4-114-119

6. Dunicheva T. A. The right of convicts to receive legal aid: subjects and features of implementation. *Young Scientist*. 2023;47(494):297–299. (In Russ.).

7. Kruglyakov S. V. On some issues of lawyers providing free legal aid: history and modernity. *Eurasian Advocacy*. 2024;4(69):38–46. (In Russ.). DOI: 10.52068/2304-9839_2024_69_4_38

Информация об авторах

Д. С. Исакова – помощник начальника управления по правовой работе – начальник юридической службы УФСИН России по Сахалинской области.

Н. А. Василенко – ст. преподаватель кафедры гражданского права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), адвокат.

Ю. В. Гончарова – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

D. S. Isakova – Assistant to the Head of the Legal Work Department – Head of the Legal Service of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Sakhalin Region.

N. A. Vasilenko – Senior lecturer of the Department of Civil Law, Rostov Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Advocate.

Yu. V. Goncharova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 24.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Использование и развитие высоких информационных технологий в уголовном судопроизводстве зарубежных азиатских государств: Сингапура, Казахстана, Китайской Народной Республики

Александр Сергеевич Дворянинов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
offline@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5859-3206>

Аннотация

Введение. Цифровизация судебных систем становится глобальным трендом, направленным на повышение доступности, скорости и прозрачности правосудия. В статье исследуется опыт азиатских государств – Сингапура, Казахстана и КНР – в интеграции информационных технологий в уголовное судопроизводство. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации современных технологических решений в российской правовой практике.

Цель. Провести сравнительный анализ внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство Сингапура, Казахстана и Китайской Народной Республики для выявления эффективных моделей цифровизации, оценки их преимуществ, рисков и возможностей адаптации в российской судебной системе.

Методы. Методологическую основу составили сравнительно-правовой анализ, изучение законодательных актов, судебной практики и научных публикаций. Использованы данные открытых источников, включая государственные порталы, научные статьи и отчеты. Для анализа применены методы систематизации, классификации и критической оценки.

Результаты. Статья посвящена анализу внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство Сингапура, Казахстана и Китайской Народной Республики. Автор рассматривает ключевые аспекты цифровизации судебных систем: использование электронного документооборота, видеоконференцсвязи, искусственного интеллекта и онлайн-платформ. Особое внимание уделено законодательным реформам, направленным на повышение прозрачности и эффективности правосудия. В статье выделены преимущества и риски технологических инноваций, такие как сокращение сроков рассмотрения дел, минимизация коррупционных рисков, а также этические вопросы применения искусственного интеллекта. Проведен сравнительный анализ опыта трех стран, предложены рекомендации для адаптации лучших практик в российской судебной системе.

Выводы. Цифровизация уголовного судопроизводства повышает прозрачность и скорость процессов. Для РФ целесообразно внедрение единой платформы судебной практики по модели Сингапура и развитие онлайн-взаимодействия с участниками процесса. Этические риски применения искусственного интеллекта требуют разработки нормативных ограничений.

Ключевые слова: цифровые технологии, уголовное судопроизводство, электронное правосудие, искусственный интеллект, Сингапур, Казахстан, КНР, судебная система, электронный документооборот, прозрачность.

Для цитирования: Дворянинов А. С. Использование и развитие высоких информационных технологий в уголовном судопроизводстве зарубежных азиатских государств: Сингапура, Казахстана, Китайской Народной Республики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 149–156. EDN [KBHKJN](#)

Use and development of high information technologies in criminal procedure of foreign Asian states: Singapore, Kazakhstan, People's Republic of China

Aleksander S. Dvoryaninov

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia,
offline@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5859-3206>

Abstract

Introduction. The digitalization of judicial systems is becoming a global trend aimed at increasing the accessibility, speed and transparency of justice. The article examines the experience of Asian countries – Singapore, Kazakhstan, and China – in integrating information technology into criminal proceedings. The relevance of the topic is due to the need to adapt modern technological solutions in Russian legal practice.

Purpose. To conduct a comparative analysis of the introduction of information technologies into the criminal justice system in Singapore, Kazakhstan and the People's Republic of China in order to identify effective digitalization models, assess their advantages, risks and adaptation opportunities in the Russian judicial system.

Methods. The methodological basis was made up of comparative legal analysis, the study of legislative acts, judicial practice and scientific publications. The data from open sources, including government portals, scientific articles and reports, were used. The methods of systematization, classification and critical evaluation are used for the analysis.

Results. The article is devoted to the analysis of the introduction of information technologies in the criminal proceedings of Singapore, Kazakhstan and the People's Republic of China. The author examines the key aspects of the digitalization of judicial systems: the use of electronic document management, videoconferencing, artificial intelligence and online platforms. Particular attention is paid to legislative reforms aimed at increasing the transparency and effectiveness of justice. The article highlights the advantages and risks of technological innovations, such as reducing the time required to consider cases, minimizing corruption risks, and ethical issues related to the use of artificial intelligence. A comparative analysis of the experience of the three countries has been conducted, and recommendations have been proposed for adapting best practices in the Russian judicial system.

Conclusions. Digitalization of criminal proceedings increases transparency and speed of processes. It is advisable for the Russian Federation to introduce a unified judicial practice platform based on the Singapore model and to develop online interaction with participants in the process. The ethical risks of using artificial intelligence require the development of regulatory constraints.

Keywords: digital technologies, criminal proceedings, electronic justice, artificial intelligence, Singapore, Kazakhstan, People's Republic of China, judicial system, electronic document management, transparency

For citation: Dvoryaninov A. S. Use and development of high information technologies in criminal procedure of foreign Asian states: Singapore, Kazakhstan, People's Republic of China. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):149–156. (In Russ.). EDN [KBHKJN](#)

Введение

Особенности применения информационных технологий в странах азиатского корпуса, на примере Сингапура, занимающего в рейтинге стран мира по индексу развития электронного правительства 12 место. В Республике Сингапур уже в конце XX века Правительство осознало необходимость внедрения цифровых средств в систему правосудия. Устремление к внедрению электронной судебной системы способствовало созданию и осуществлению ряда современных технологических инициатив в Верховном суде Сингапура.

Первым этапом стало оснащение высокотехнологичных залов для судебных заседаний, первый из которых был запущен в 1995 г. Эти залы укомплектованы современными средствами, такими как видеоконференцсвязь и разнообразные аудиовизуальные инструменты, а также оборудованы системой цифровой записи.

Использование цифровых технологий позволяет значительно улучшить контроль над процессом судебного производства, включая управление судебными разбирательствами, а также сбор и презентацию доказательств с применением видеоконференцсвязи, и осуществление записи заседаний.

Цель статьи: провести сравнительный анализ внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство Сингапура, Казахстана и Китайской Народной Республики для выявления эффективных моделей цифровизации, оценки их преимуществ, рисков и возможностей адаптации в российской судебной системе.

Теоретические основы

Согласно исследованию Е. В. Купчиной, внедрение информационных технологий в Республике Сингапур началось с создания системы электронных обращений, что привело к кардинальным изменениям в судебной системе. Эта система включает в себя электронный сервис для подачи документов, сервис для электронных выписок, систему электронного обслуживания документов и электронную информационную службу [1].

Сервис подачи документов автоматически осуществляет проверку всех поступивших документов на соответствие процессуальным требованиям, после чего они направляются в соответствующий реестр для дальнейшей обработки, что существенно сокращает время, необходимое для обработки судебных заявлений без участия сотрудников.

Еще одним важным элементом цифрового правосудия в Сингапуре является электронная служба подачи документов, которая включает в себя систему электронных выписок. Ранее для получения выписок из документов или их копий требовалось личное обращение, но благодаря электронным выпискам это стало возможно сделать удаленно, без посещения офиса или суда.

Существующая платформа для электронного документооборота предоставляет возможность одновременно направлять процессуальные документы как в суд, так и другим участникам судебного разбирательства. Данная услуга значительно ускоряет процесс доставки документов, снижает затраты на почтовые расходы и уменьшает вероятность случайного повреждения или утраты документов. В дополнение к этому, имеется электронная информационная система, которая позволяет юридическим фирмам осуществлять запросы в судебные базы данных в электронном режиме прямо из их офисов.

Доступ к данной услуге осуществляется через платформу LawNet, являющуюся важной национальной информационной сетью в области права и составляющей частью IT-инфраструктуры Сингапура. LawNet основывается на ряде компьютеризационных инициатив, инициированных правительством для юридической отрасли. Эта система предоставляет возможность поиска документов как в базе данных Верховного суда Сингапура, так и в архивах нижестоящих судов.

Чтобы найти необходимую информацию, достаточно ввести один или несколько из следующих критериев: номер дела, номер документа, идентификационный код заявителя, имя судьи, либо имена сторон и их представителей.

Результаты и обсуждение

Конфиденциальность данных имеет принципиальное значение в цифровом пространстве. Для безопасного обмена и доступа к информации в электронном формате используются цифровые подписи, а также смарт-карты с уникальным идентификационным номером и паролем. Каждый зарегистрированный пользователь получает один из электронных ключей [2].

В Сингапуре веб-сайты судебных органов созданы с целью помочь людям, не обладающим юридическим образованием. На странице, посвященной альтернативному разрешению споров, предлагается онлайн-медиация, которая позволяет уладить конфликты до судебного разбирательства, что экономит как время, так и деньги. После подачи иска формируется график обязательных предварительных конференций, на которых решаются две основные задачи: анализируются позиции сторон по поводу возможности мирного разрешения спора и определяются основные вопросы конфликта, а также прогнозируется общий ход судебного разбирательства. Для экономии времени участников обычно применяются видеоконференции, что позволяет подключаться тем, кто не может присутствовать лично. Весь процесс фиксируется на видео, и судья может обратиться к любой его части.

Говоря о современных технологиях в судебной системе, стоит упомянуть, что с 2020 г. в Сингапуре разрешено использовать цифровые подписи. С 2022 г. истцы могут воспользоваться SG-Notify для отправки уведомлений через приложение Singpass тем, кому трудно вручить документы. С 2023 г. в судах испытан генеративный искусственный интеллект.

Эксперимент проходит в судах мелких тяжб, рассматривающих около 10 000 дел в год, где не требуется участие адвокатов. В дальнейшем ИИ планируется использовать и в других судебных инстанциях. Алгоритмы смогут отвечать на вопросы пользователей, помогая тем, кто защищает свои интересы самостоятельно. Главный специалист по трансформации и инновациям судебной системы Сингапура Тан Кен Хви отметил, что ИИ будет предоставлять конкретную информацию на основе законодательства и судебной практики.

Рассмотрим особенного информатизации уголовного правосудия ещё одной страны азиатского спектра, бывшей союзной республики – государства Казахстан.

В статье Е. П. Шульгина подчеркивается, что в Казахстане система электронного судопроизводства является важной составляющей государственного управления [3].

В 2009 г. была разработана Концепция правовой политики, рассчитанная на период с 2010 по 2020 гг., которая охватывает вопросы регламентации электронного судопроизводства и внедрения информационных технологий в деятельность судов, что включает в себя улучшение взаимодействия между судебными учреждениями и государственными органами, а также возможность осуществления процессуальных действий с использованием видеосвязи.

В 2012 г. стартовали проекты «Электронный КУЗИ» и «Электронный талон», которые предоставляют прокурорам, руководителям органов и заявителям возможность следить в режиме реального времени за процессом рассмотрения заявлений о преступлениях.

В декабре 2013 г. подписан приказ, касающийся перехода на электронный формат единого учета информации о преступлениях, уголовных делах, результатах расследований и прокурорского надзора.

С целью повышения прозрачности уголовного процесса и обеспечения онлайн-доступа к уголовным делам, в 2017 г. в рамках программы «Цифровой Казахстан» Генеральная прокуратура разработала модуль «Электронное уголовное дело» (е-УД), который был интегрирован с судебной информационной системой «ТереМк»¹.

Правительством РК 12.12.2017 года утверждена государственная программа «Цифровой Казахстан» на 2018–2022 годы, которая четко определила векторы цифрового развития РК. Целями Программы являются процессы ускорения темпов развития экономики страны, и улучшение качества жизни населения за счет применения цифровых технологий.

В декабре 2017 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан были внесены изменения, которые позволяют следователям самостоятельно принимать решение о проведении уголовного процесса в электронной форме (ст. 42-1 УПК). В марте 2018 г. подписан Совместный приказ, касающийся поэтапного перехода к цифровизации уголовного судопроизводства. Генеральный прокурор утвердил Инструкцию по проведению уголовного судопроизводства в электронном виде приказом № 2 от 03.01.2018 г.

Эта инструкция содержит определение понятия электронного уголовного дела, которое представляет собой отдельное производство, осуществляемое органами уголовного преследования в электронном формате с использованием возможностей модуля е-УД.

Для проведения расследований подобного рода действуют разнообразные средства. В их числе – доступ с использованием трехфакторной аутентификации, 350 типовых образцов процессуальных документов, возможность подписания на графическом планшете, а также доступ к государственным информационным базам. Существует также система «SMS-повестка» для уведомления участников процесса, веб-портал «Публичный сектор» для сотрудничества с адвокатами и платформа «е-Жалоба» для подачи жалоб в онлайн-формате. Кроме того, доступны АРМ «Криминалист» и «Эксперт» для проведения экспертиз.

¹ Телеу Б. Электронное – уголовное дело [Электронный ресурс]. – URL: https://auil-zhanaligi.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=3810:2017-09-28-03-27-54&catid=1:2011-11-15-11-49-39

Участники судебного процесса могут получить доступ к информации о своем деле через специальный информационный портал, где размещены материалы и копии документов, а также есть возможность подавать заявления и получать на них ответы.

В процессе цифровизации судебной системы реализуется проект «SMART COT».

Все судебные залы теперь оснащены современными системами для записи аудио и видео, а также возможностью ведения электронных протоколов. Это нововведение привело к уменьшению числа жалоб на ведение судебных заседаний и замечаний к протоколам, что, в свою очередь, способствовало повышению прозрачности и оперативности правосудия, а также снижению ненужных контактов, не связанных с процессом.

Как подчеркивают Тлеубаев Д. К., Иманбаев С. М., Карымсаков Р. Ш., в настоящее время в Казахстане электронное уголовное дело охватывает все стадии, включая регистрацию уголовных преступлений, предварительное расследование, сам судебный процесс и исполнение наказания [4].

В своем диссертационном исследовании Раисов А. А. подчеркивает, что перевод судебных дел в Казахстане в электронный формат дал возможность участникам процесса, обладающим соответствующим доступом, в реальном времени дистанционно следить за развитием расследований. Они могут ознакомиться с материалами уголовного дела, включая процессуальные документы, протоколы следственных действий и фото-, видео- и аудиозаписи. Кроме того, всем участникам предоставлена возможность в электронном виде подавать жалобы на решения и действия государственных органов. Это нововведение значительно упрощает взаимодействие сторон и способствует повышению прозрачности судебного процесса [5].

Автор признает, что эта открытость делает невозможным органам досудебного расследования фальсифицировать материалы уголовного дела.

Согласно мнению А. А. Раисова, внедрение электронного судопроизводства значительно уменьшает время процесса и ускоряет разбирательства по сложным и многоэпизодным делам. Например, ознакомление обвиняемых и их защитников с материалами «Хоргосского дела», состоящего из более тысячи томов, заняло около года. Это нововведение также принесет выгоду государству за счет значительного снижения затрат на бумагу, почтовые услуги и транспорт [5, с. 80].

Кроме того, следует подчеркнуть, что исключается риск утери уголовных дел и снижаются возможности для коррупции, так как человеческий фактор, способный повлиять на результаты расследования, минимизирован. Преимуществом является также то, что прокурорам не нужно запрашивать уголовные дела для ознакомления, так как они могут получить к ним доступ в любое время, что позволяет оперативно реагировать на процессуальные нарушения. Наконец, значительным плюсом является сокращение избыточного документооборота, что, в свою очередь, снижает риск нарушений в процессе расследования и учета уголовных дел.

В уголовно-процессуальном законодательстве существует такое понятие, как «электронный документ», под которым определяется – «документ, в котором информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи» (п. 15, ст. 7 УПК РК). Нормы ст. 42-1 УПК РК позволяют правоохрнительным органам уголовное судопроизводство осуществлять как в бумажном, так и в электронном формате.

Таким образом, на сегодня в Республике существует правовое поле, позволяющее правоохрнительным органам осуществлять досудебное расследование в электронном формате.

Далее предлагается рассмотреть цифровизацию судопроизводства в Китайской Народной Республике, которая занимает в рейтинге стран мира по индексу развития электронного правительства лишь 43 место, однако, отличается интересным государственным подходом, в том числе активным внедрением искусственного интеллекта, о чем далее автором будет рассказано подробнее.

Для наилучшего понимания нынешней цифровизированной системы китайских судов, обратимся к предпосылкам. Первым значимым шагом стало создание в 2013 г. в Китае портала судебных решений, который содержит информацию о судебных решениях по гражданским, административным и уголовным делам (за исключением решений по делам, касающимся государственной тайны, интересов несовершеннолетних и т.д., публикация которых запрещена). В этом же году в пользование введена платформа, с помощью которой ведутся прямые трансляции судебных разбирательств, а видеозаписи процессов собираются и архивируются. Далее, в 2014 г. начали работать следующие

платформы: платформа для предоставления онлайн-доступ к актуальной информации о судебных процессах и платформа для публикации сведений об исполнении судебных решений [6].

Обратим внимание на то, что идеи поставить ИИ на службу унификации судебной практики начали высказываться в 2014–2015 гг., когда Верховный народный суд, ориентируясь на решения ЦК Коммунистической партии Китая провозгласил принцип «аналогичные решения по аналогичным делам».

Невозможно проигнорировать тот факт, что «аналогичность» дел не всегда может являться поводом рассматривать дело по шаблону. В таком случае есть риск в погоне за скорейшим рассмотрением дела упустить анализ важных деталей, которые могут коренным образом изменить приговор. С 2015 г. в Китае проходит судебная реформа, в ходе которой правительство с помощью информационных технологий стремится создать открытый, динамичный и удобный судебный механизм. В 2015–2016 гг. Верховный народный суд Китая разработал концепцию «умных судов», которые должны активно внедрять современные информационные и коммуникационные технологии, такие как интернет, облачные вычисления, большие данные и искусственный интеллект. Главная цель «умных судов» заключается в том, чтобы оперативно и экономично разрешать растущее количество онлайн-споров и поддерживать судей, сталкивающихся с высокой нагрузкой.

В 2017 г. в Ханчжоу был открыт первый интернет-суд, занимающийся делами, связанными с сетью: от нарушения авторских прав до споров по доменным именам и интернет-магазинам. Эти суды в Китае стали первыми, где вся процедура осуществляется полностью в интернете, включая регистрацию документов, сбор доказательств, проведение заседаний, вынесение решений и их исполнение, а также апелляции. Также в систему интернет-судов входит досудебное посредничество, а онлайн-заседания проходят через видеоконференции.

Кроме того, доступно удобное мобильное приложение – «мобильный суд», функционирующее через WeChat. Аутентификация участников осуществляется с помощью распознавания лиц, и пользователи могут подавать иски непосредственно через приложение. Во время разбирательства у сторон есть возможность общаться с судьей, отправлять видео-сообщения и загружать доказательства. Все участники – истец, ответчик и судья – могут совместно войти в приложение для досудебного посредничества.

Наконец, проанализируем, как искусственный интеллект влияет на систему правосудия в Китае. Согласно сведениям, предоставленным китайской газетой South China Morning Post, Верховный суд Китая предписывает судьям обращаться за консультациями к искусственному интеллекту при принятии решений. Нейронная сеть автоматически проводит анализ судебных дел, находит релевантные ссылки и предлагает соответствующие законы и постановления, которые относятся к рассматриваемому конфликту. Искусственный интеллект также содействует в выполнении судебных решений, например, имущество ответчиков может быть немедленно конфисковано или отправлено на онлайн-аукцион. Если судья решает не следовать советам ИИ, ему необходимо предоставить письменное объяснение своего выбора.

Заключение

Проанализировав информационные технологии в уголовном судопроизводстве зарубежных стран на примере Сингапура, Казахстана и КНР, тезисно выделим основные позитивные положения в их законодательстве.

1. Интересен опыт Сингапура в структурировании судебной практики Верховного суда и нижестоящих судов в единый государственный сервис, с возможностью поиска по различным фильтрам, в том числе: по ключевым словам, по идентификационному номеру заявителя или виду документа. Ресурс курируется государством через стратегическую национальную информационную сеть и позволяет гражданам бесплатно изучать опубликованные документы.

В свою очередь, в Российской Федерации существуют порталы судебной практикой – ГАС «Правосудие», сайты судов, Справочно-правовая система КонсультантПлюс (доступ к судебной практике платный), Справочно-правовая система Гарант (доступ к судебной практике платный).

Вместе с тем, юристы недовольны системой ГАС «Правосудие» из-за частых технических перебоев, недружелюбного интерфейса и примитивных фильтров.

Суды общей юрисдикции публикуют свои решения на сайтах в разделах «Судебное делопроизводство», а о резонансных делах пишут в новостном блоке. Однако, фильтр на сайтах судов не позволяет искать решения по ключевым словам.

Коммерческие ресурсы (СПС КонсультантПлюс и СПС Гарант) доступны не всем гражданам, что создает своего рода помехи в изучении необходимой судебной практики, по большей части содержащейся именно в коммерческих версиях справочно-правовых систем.

2. В уголовное правосудие Казахстана внедрен модуль «Электронное уголовное дело», объединяющий различные подразделы, в том числе «Криминалист», «Эксперт» (для взаимодействия с соответствующими службами в рамках рассмотрения уголовного дела), подраздел «Публичный сектор» (электронное взаимодействие органов уголовного преследования с адвокатами и участниками процесса).

В Российской Федерации в 2024 г. планируется запуск платформы «Правосудие онлайн», точный функционал программы в настоящее время не ясен, однако, предполагается, что с её помощью можно будет знакомиться с материалами дел, получать судебные решения в электронном виде, однако, какое-либо взаимодействие с государственными органами платформой не предусматривается.

3. Опыт КНР в части внедрения платформы для онлайн трансляции судебных разбирательств представляет особый интерес для уголовного процесса Российской Федерации.

Так, в Российской Федерации возможно проведение судебного заседания с помощью системы видео-конференц-связи, однако, не предусмотрено транслирование видеоматериалов в публичный доступ.

Вместе с тем, согласно ст. 12 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», граждане имеют право присутствовать в открытом судебном заседании, однако, присутствие в заседании гораздо легче и удобнее с помощью онлайн подключения, что не требует непосредственного нахождения в зале суда и никаким образом не мешает участникам процесса, т.к. они даже не будут знать, кто конкретно «просматривает» их судебный процесс онлайн¹.

Полагаем, что используемая в КНР система трансляции судебных заседаний онлайн для неограниченного круга лиц максимально отвечает требованиям прозрачности и доступности правосудия.

Список источников

1. Купчина Е. В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура / Инновационные аспекты развития науки и техники. Сборник избранных статей Международной научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 92–99. EDN: P1NHTY
2. Купчина Е. В. Цифровые доказательства в гражданском процессе Японии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 90–93. EDN: BENSBF
3. Шульгин Е. П. Организация деятельности органов, осуществляющих производство в электронном формате (опыт зарубежных стран) // Юрист-Правоведъ. 2019. № 4(91). С. 187–191. EDN: QGGHBT
4. Тлеубаев Д. К., Иманбаев С. М., Карымсаков Р. Ш. Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-journal. 2021. № 11-2 (98). С. 31–37. DOI: 10.24412/2520-6990-2021-1198-31-37
5. Раисов А. А. Проблемы и перспективы развития органов прокуратуры Республики Казахстан в досудебной стадии уголовного процесса: дис. магистра юрид. наук. Косшы, 2020. 96 с.
6. Драгилев Е. В., Драгилева Л. Л., Дровалева Л. С., Паламарчук С. А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 54–59. EDN: FVJZNI

¹ Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» // Российская газета. 26.12.2008.

References

1. Kupchina E. V. Digital justice in the countries of the Asia-Pacific region: Singapore's experience. In: *Innovative aspects of science and technology development*. Collection of selected articles of the International Scientific and Practical Conference. Saratov; 2020:92–99. EDN: PIHHTY. (In Russ.)
2. Kupchina E. V. Digital evidence in Japanese civil procedure. *Eurasian Law Journal*. 2020;6(145):90–93. EDN: BENSBF. (In Russ.)
3. Shulgin E. P. Organization of the activities of bodies carrying out production in electronic format (experience of foreign countries). *Jurist-Pravoved*. 2019;4(91):187–191. EDN: QGGHBT. (In Russ.)
4. Tleubaev D. K., Imanbaev S. M., Karymsakov R. Sh. Digitalization of the criminal process in the Republic of Kazakhstan: formation and practice of application. *Colloquium-journal*. 2021;11-2(98):31–37. DOI: 10.24412/2520-6990-2021-1198-31-37. (In Russ.)
5. Raisov A. A. *Problems and prospects of development of the Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan in the pre-trial stage of the criminal process*: dis. Master's degree in Law. sciences'. Kosshy; 2020. 96 p. (In Russ.)
6. Dragilev E. V., Dragileva L. L., Drovaleva L. S., Palamarchuk S. A. Informatization of the judicial system of China. *Legal Science*. 2022;(8):54–59. EDN: FVJZNI

Информация об авторе

А. С. Дворянинов – аспирант кафедры процессуального права ЮРИУ РАНХиГС, помощник мирового судьи судебного участка № 5 Советского судебного района г. Ростова-на-Дону.

Information about the author

A. S. Dvoryaninov – Post-Graduate Student of the Department of Procedural Law, South Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Assistant Justice of the Peace of the judicial district No. 5 of the Sovetsky Judicial District of Rostov-on-Don.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 22.05.2025.

The article was submitted 15.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 22.05.2025.

Вклад профессора Ш. Б. Магомедова в развитие отечественной юриспруденции

Джамбулат Хамидович Сайдумов^{1, 2}

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

²Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Аннотация

Введение. Магомедов Шихтимер Баширович – выдающийся отечественный ученый правовед, научно-педагогическое творчество и профессиональный путь которого неразрывно связаны с Дагестанским государственным университетом. Современное обращение к его научно-педагогическим достижениям направлено на понимание вклада в научную школу права, сложившуюся в регионе еще в советский период и продолжаемую в наши дни Юридическим институтом Дагестанского государственного университета.

Цель. Охарактеризовать основные направления деятельности отечественного ученого Ш.Б. Магомедова, его профессиональный вклад, доминирующую роль как организатора и вдохновителя современной дагестанской школы конституционного права.

Методы. Применен биографический метод, опирающийся на различные конструктивные теории профессионального и творческого направления. Фактографическая основа профессиональной деятельности оформлена с помощью отдельных профессиональных характеристик биографического метода применимо к личности известного ученого и организатора.

Результаты. Изложена краткая профессиональная биография и проведен обзор некоторых научных исследований известного российского ученого правоведа профессора Ш.Б. Магомедова, внесшего существенный вклад в процесс развития дагестанской научной школы права, являющейся неотъемлемой частью единого российского научного мира. Представлены отдельные достижения Юридического института Дагестанского государственного университета, занимающего одни из ведущих позиций на Юге России в вопросах юридического образования и науки. Выделено значение Дагестанского государственного университета как методического центра для других региональных вузов, в т.ч. обозначена практическая помощь Чеченскому государственному университету в процессе его возрождения (2001–2006 гг.) и становления юридической науки на базе данного университета. Выделены определенные достижения Юридического института, являющегося не только ведущим научно-педагогическим и научно-исследовательским подразделением Дагестанского государственного университета, но и научным центром правовой мысли, деятельность которого перманентно ориентирована на повышение уровня правовой культуры населения, воспитание молодежи в духе патриотизма, нетерпимости к экстремистским, террористическим и иным деструктивным явлениям.

Создана базовая биографическая и творческая характеристика современного российского ученого, сочетающего в себе качества в т.ч. умелого профессионального организатора и проводника научно-образовательного процесса в Республике Дагестан.

Выводы. Профессиональный подход профессора Ш.Б. Магомедова при научно-методической организации Юридического института ДГУ к постановке и решению наиболее актуальных и перспективных отраслевых вопросов в юриспруденции способствовал заслуженному признанию в нашей стране заслуг дагестанской научно-образовательной школы права. Под его руководством на базе Юридического института ДГУ успешно функционирует ряд научно-исследовательских подразделений.

Статья ориентирована на широкий информационно-просветительский охват в научно-педагогической среде как среди начинающих исследователей, так и авторитетных специалистов-правоведов, для формирования устойчивого элемента знания достижений старших коллег и наставников, выстраивания вертикали преемственности, уважительного отношения к труду и вкладу коллег, внесших значительный вклад в развитие отечественной юриспруденции на Юге Российской Федерации с начала 90-х гг. по настоящее время.

Ключевые слова: Магомедов Ш. Б., государство, конституция, конституционное право, личная свобода, нормативная система, нравственность, российская наука, регионы, ученый, школа права

Для цитирования: Сайдумов Д. Х. Вклад профессора Ш. Б. Магомедова в развитие отечественной юриспруденции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 157–166. EDN [BUDWMQ](#)

Personalities

Review article

Contribution of professor Sh. B. Magomedov to the development of national jurisprudence

Dzhambulat Kh. Saidumov^{1, 2}

¹Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

bulatto@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Abstract

Introduction. Shikhtimer Bashirovich Magomedov is an outstanding Russian legal scholar, whose scientific and pedagogical work and professional path are inextricably linked with Dagestan State University. The modern appeal to his scientific and pedagogical achievements is aimed at understanding the contribution to the scientific school of law that developed in the region during the Soviet period and is continued today by the Law Institute of Dagestan State University.

Purpose. To characterize the main activities of the Russian scientist Sh. B. Magomedov, his professional contribution, and his dominant role as the organizer and inspirer of the modern Dagestan school of constitutional law.

Methods. The biographical method based on various constructive theories of professional and creative direction is applied. The factual basis of professional activity is formulated using separate professional characteristics of the biographical method applicable to the personality of a famous scientist and organizer.

Results. A brief professional biography is presented and a review of some scientific studies of the famous Russian legal scholar Professor Sh.B. Magomedov, who made a significant contribution to the development of the Dagestan scientific school of law, which is an integral part of the unified Russian scientific world, is conducted. The article presents some achievements of the Law Institute of Dagestan State University, which occupies one of the leading positions in Southern Russia in matters of legal education and science. The importance of Dagestan State University as a methodological center for other regional universities is highlighted, including practical assistance to the Chechen State University in the process of its revival (2001-2006) and the formation of legal science on the basis of this university. The author highlights certain achievements of the Law Institute, which is not only a leading scientific, pedagogical and research unit of Dagestan State University, but also a scientific center of legal thought, whose activities are permanently focused on raising the level of legal culture of the population, educating young people in the spirit of patriotism, intolerance to extremist, terrorist and other destructive phenomena.

A basic biographical and creative characteristic of a modern Russian scientist has been created, combining the qualities of a skilled professional organizer and conductor of the scientific and educational process in the Republic of Dagestan.

Conclusions. The professional approach of Professor Sh. B. Magomedov at the scientific and methodological organization of the DSU Law Institute to the formulation and solution of the most pressing and promising industry issues in jurisprudence contributed to the well-deserved recognition in our country of the merits of the Dagestan scientific and educational school of law. Under his leadership, a number of research units are successfully operating on the basis of the DVSU Law Institute. The article focuses on a wide information and educational coverage in the scientific and pedagogical environment among both novice researchers and reputable legal experts, in order to form a stable element of knowledge of the achievements of senior colleagues and mentors, build a vertical line of succession, respect for the work and contribution of colleagues who have made a significant contribution to the development of domestic jurisprudence in the South of the Russian Federation since early 90s to the present.

Keywords: Magomedov Sh. B., state, constitution, constitutional law, personal freedom, regulatory system, morality, Russian science, regions, scientist, school of law

For citation: Saidumov Dzh. H. Contribution of professor Sh. B. Magomedov to the development of national jurisprudence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):157–166. (In Russ.). EDN [BUDWMQ](#)

Введение

Магомедов Шихтимер Баширович – выдающийся отечественный ученый правовед, научно-педагогическое творчество и профессиональный путь которого неразрывно связаны с Дагестанским государственным университетом. Современное обращение к его научно-педагогическим достижениям направлено на понимание вклада в научную школу права, сложившуюся в регионе еще в советский период и продолжаемую в наши дни Юридическим институтом Дагестанского государственного университета. Школа сформировалась на протяжении многих лет за счет упорного труда специалистов, искренне преданных избранной профессии, многочисленных научных исследований в области советского федерализма, российского конституционализма, проблем уголовного права и процесса, гражданского права и процесса. Будучи директором Юридического института Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Дагестан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Ш. Б. Магомедов неустанно развивает правовую науку в классическом университете Республики Дагестан. За его авторством (соавторством в т.ч.) вышло свыше 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 16 монографий.

В середине 90-х гг. XX столетия Ш. Б. Магомедов скрупулезно исследовал конституционно-правовой статус Республики Дагестан и других субъектов на Юге Российской Федерации. Выделяя отличительные черты, свойственные региону, выстраивая ретроспективные композиции государственно-правового развития в историческом прошлом и на современном этапе новейшей истории, чем внес существенный вклад в развитие конституционного права России с учетом федеративной основы нашего государства.

Многолетнее практическое участие в процессах государственно-правового развития Северного Кавказа сделало Ш.Б. Магомедова экспертом в области конституционных отношений, институтов федерализма и ряда других компетенций, относящихся к высоким категориям государства, общества и личности. Известный не только в нашей стране, но и за пределами Российской Федерации отечественный специалист в области конституционного права С. А. Авакян на различных дискуссионных площадках, объединяющих специалистов в области конституционного права, всегда высоко отмечает весомый профессиональный вклад профессора Ш. Б. Магомедова в развитие науки конституционного права Российской Федерации.

Заслуги профессора Ш. Б. Магомедова в отечественной конституционно-правовой науке позволяют отнести его к плеяде выдающихся отечественных ученых-конституционалистов. Шихтимер Баширович Магомедов за многие годы неустанной и самоотверженной работы в научно-образовательной сфере Российской Федерации сформировал известную не только на Юге России, но и в целом в стране современную дагестанскую научную школу права, которая выступает составным и важным элементом единой российской науки. Её деятельность за десятилетия развития юридического факультета (позднее института) характеризуется большим количеством глубинных по своему содержанию научных трудов и учебно-методических работ, введенных в научный оборот как в советский период,

так и по настоящее время как им лично, так и его коллегами. Научные труды Ш. Б. Магомедова оказали заметное влияние на формирование современной доктрины конституционного права России с учетом в т.ч. региональных особенностей.

Сфера научных интересов Ш. Б. Магомедова охватывает многочисленные аспекты общей теории конституционного права, проблематику организации и функционирования различных институтов конституционного права. В научной сокровищнице Ш. Б. Магомедова большое число работ, посвященных исследованию общетеоретических проблем конституционного права: перспектив совершенствования текущих положений и их дальнейшего развития с учетом современных тенденций и дальнейшей стратегии российской государственности. На протяжении многих лет его научно-исследовательская деятельность посвящена целенаправленному изучению и совершенствованию вопросов отечественной государственности.

В самый сложный и драматический период становления российской государственности в 90-е гг. XX в. профессор Ш. Б. Магомедов внес своими разработками существенный вклад в теорию и практику нормативного регулирования современного федерализма. Им были исследованы многие теоретические и практические сложности в становлении новой российской государственности и нормативно-правовой базы субъектов, обусловленные в т.ч. определенными противоречиями в сфере основ конституционного строя Российской Федерации. В частности, в целях выработки основ научной концепции совершенствования конституционно-правовых отношений в Российской Федерации, с учетом особенностей правового положения в первую очередь субъектов из числа республик Юга России, Ш. Б. Магомедов одним из первых в отечественной юриспруденции обратился к исследованию проблем разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами. Республика Дагестан, являясь супермногонациональным субъектом Российской Федерации, стала одной из арен политических и правовых сценариев развития российской государственности в сложные 90-е гг. XX столетия. Здесь сошлись интересы как внутренних элит, внешний фактор (в т.ч. международный), ввиду особого географического положения и коммуникационно-ресурсного потенциала. Все это требовало участия в т.ч. и научно-образовательных сил, которые не позволили бы раскатать ситуацию по межнациональным вопросам. И в этой связи роль последовательного сторонника сохранения и гармонизации отношений как внутри республики, так и с соседними братскими регионами принадлежит таким личностям, как профессор Ш.Б. Магомедов.

Теоретические основы

Одним из защитников и проводников идей цивилизованного государственного строительства и конституционности политико-правовых процессов в Республике Дагестан с 90-х гг. XX столетия был и есть профессор Ш.Б. Магомедов. Именно его патриотизм, верность долгу перед Отечеством, глубокая научная мысль, энергия легли в основу многих поступательных движений в деле правового развития государственности такого сложного и многогранного субъекта Российской Федерации, каким является Республика Дагестан. Это проявлялось как на практике, так и в разработке научных трудов доктринального значения. При этом особое место в этой работе всегда уделялось укреплению прочного фундамента правового образования и юридической науки в Республике Дагестан, заложенной еще в советский период выдающимися практиками и теоретиками: М. А. Казанбиевым, Г. Ш. Каймаразовым, Б. О. Кашкаевым, А. Л. Летифовым, А. М. Магомедовым, Н. М. Костровой и рядом других исследователей. Продолжателями которых являются признанные своими глубокими научными исследованиями современники: М. Н. Абдуллаев, Р. М. Акутаев, М. М. Айбатов, В. Т. Азизова, А. З. Арсланбекова, А. Ч. Асильдаров, С. М. Габиева, А. Ш. Гаджиев, Н. А. Газимагомедова, Д. З. Зиядова, М. А. Исмаилов, Д.В. Камилова, Н.А. Кибкало, Д.Б. Магомедов, М.М. Мугудинов, А.М. Муртазалиев, Д. Ю. Мусаева, З. М. Мусалова, Р. А. Ниматулаева, Д. Ш. Пирбудагова, Т. Б. Рамазанов, А. Х. Рамазанов, Э. Т. Рамзанова, А. К. Халифаева и др. Помимо перечисленных в системе Дагестанского государственного университета работают прославленные ученые из других научных отраслей, которые вносят и ныне своим трудом аналогичный вклад в развитие институтов государственности и общества, среди таковых – доктор исторических наук, профессор Р. М. Касумов, доктор исторических наук, профессор Б. Б. Булатов.

Научные исследования ученых юристов Юридического факультета Дагестанского государственного университета занимают достойное место среди трудов российских правоведов. Регулярное обращение к их разработкам, высокий уровень научного цитирования трудов ученых Юридического института ДГУ является индикатором эффективности и востребованности.

Среди научных работ профессора Ш. Б. Магомедова выделим исследования, затрагивающие наиболее актуальные и важные темы современной юриспруденции. Они разноаспектные, их ценность заключается не только в постановке чрезвычайно важных вопросов, но и в конкретных действенных предложениях практического применения в настоящем и в обозримом будущем.

Результаты и обсуждение

К глубокому сожалению из полного списка научных работ (являющегося профессиональным и творческим активом ученого) в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) доступна лишь некоторая часть научных работ Ш. Б. Магомедова, введенных им в научный оборот за четверть века. Но и те, что находятся в свободном доступе, представляют ценность для осмысления и позволяют сделать выводы о глубине мысли и вкладе в отечественную науку известного российского правоведа. В рамках настоящей статьи остановимся на наиболее интересных с нашей точки зрения работах, где во главу угла в т.ч. ставится в частности теоретическое осмысление места и роли правового воспитания в формировании личности через элементы позитивного правосознания, сознательное отношение индивида к праву, законодательству и в целом к законодательной системе, его готовность соблюдать в реальной жизни основные принципы, нормы и требования права, формирование позитивного правосознания личности через координацию усилий всех базовых институтов правовой социализации, среди которых известный российский ученый красной линией регулярно обозначает целенаправленную правовоспитательную работу. Как верно отмечает Ш. Б. Магомедов и его коллеги: немаловажная роль в её формировании отведена знанию человеком правовых обычаев, правового опыта и традиций народа, воплощённых в так называемом обычном этническом праве. И они ведь действительно своим авторитетом влияют на правовое воспитание молодого поколения [1]. Здесь проявляется глубинное понимание (и желание решения) вопроса с учетом возможностей симбиоза позитивного и обычного права, что называется в контексте знания региона.

Профессор Ш. Б. Магомедов вместе с коллегами скрупулезно уделяет повышенное внимание проблемам обеспечения информационной безопасности как неотъемлемому элементу национальной безопасности Российской Федерации. Ведущую роль в обеспечении информационной безопасности он и его коллеги отводят государству и его эффективным по целевой направленности правовым актам, призванным обеспечить информационную безопасность, в целях соблюдения интересов личности и государства в целом [2].

Обращение к научным трудам и вкладу в юридическую науку профессора Ш. Б. Магомедова обусловлено рядом приоритетных задач, в т.ч. научно-педагогического значения. Среди таковых обозначим: понимание студентами юристами вклада, внесенного их наставниками в развитие науки и образования, освещение трудового опыта и одновременно важность непрерывного процесса подготовки квалифицированных юридических кадров и популяризации необходимых правовых научных изысканий для нашей страны. Нельзя отождествлять и ограничивать российскую науку, лишь проецируя ее на городах федерального значения. Наука в наши дни формируется в регионах. И этот созидательный процесс стал еще более системным и целенаправленным, в т.ч. и ввиду возросшего уровня региональных специалистов и негласной конкуренции между центром и перифериями. В определенном ключе развития научной мысли (с учетом знания потребностей на уровне региональных специфик) вклад последних в развитие науки бывает востребованным. Именно на такое понимание ориентирована академическая и вузовская наука на Юге нашей страны, в т.ч. в лице дагестанской научной школы права.

Экспериментальная форма проведения научных семинаров, внедренная Ш. Б. Магомедовым с 2000 г. на базе Юридического института Дагестанского государственного университета, способствовала повышению качества научных работ – как среди профессорско-преподавательского состава, так и среди студентов, начавших исследовательские изыскания. Индивидуальная работа со студентами, повышение уровня выпускных работ, стимулирования научных исследований при параллельном упорядочении преподавательской нагрузки занятых в исследовательском

процессе сотрудников института сделали возможным формирование мощного и многопланового подразделения в структуре Дагестанского государственного университета. При этом институт руководствуется тактикой и стратегией открытого и контактного (к сотрудничеству и взаимному обмену опытом) учреждения для профильных институтов из соседних регионов. Этот фактор делает его научно-образовательным центром правовой отрасли среди аналогичных подразделений на Юге Российской Федерации. Привлечение в научно-образовательную работу института авторитетных специалистов с общероссийским и мировым именем из различных научных отраслей, повышение качества содержания научных публикаций в реферируемом издании «Юридический вестник Дагестанского государственного университета» есть характерный профессиональный стиль профессора Ш. Б. Магомедова.

Профессиональная концепция профессора Ш. Б. Магомедова по развитию науки и образования на протяжении многих лет является авангардной в Северо-Кавказском регионе, как в высшей школе, так и на иных ступенях образования в самых важных и значимых аспектах: учебно-методическом, нравственно-воспитательном и, конечно же, научно-исследовательском.

Отмечая вклад профессора Ш. Б. Магомедова в развитие правовой науки в Республике Дагестан и в целом на Юге нашей страны, считаем особо значимым отметить сформировавшийся за годы его труда на научно-образовательной ниве высокий уровень уважения к нему и непоколебимый авторитет в кругах ученых, политиков, правоохранителей, общественников, студенчества. Все это в совокупности – заслуженное многими годами вознаграждение за служение науке и образованию. Большой благодарностью и уважением он пользуется и в студенческой среде. Несколько поколений воспитанников Ш. Б. Магомедова зарекомендовали себя блестящими специалистами в самых различных отраслях на просторах нашей Родины.

В самые сложные годы для системы образования и науки Чеченской Республики (2000–2006 гг.) при прямой поддержке профессора Ш. Б. Магомедова юридическому факультету Чеченского государственного университета была оказана масштабная научно-образовательная, методическая поддержка. И сегодня во многом его личный авторитет и уважение делают Юридический институт Дагестанского государственного университета центром притяжения крупных специалистов в области конституционного, уголовного, гражданского права.

Регулярное проведение крупных научно-образовательных форумов на базе Юридического института Дагестанского государственного университета способствует обмену мнениями и выработке действенных предложений совершенствования законодательной базы не только на региональном уровне, но и полезных рекомендаций в рамках федерального масштаба. Личная концепция развития юридического образования и науки, в т.ч. уделение повышенного внимания практической юридической педагогике со свойственным высоким фактором ответственности и контроля, оказывают действенное влияние на университетское образование в целом, что эффективно способствует популяризации в т.ч. правовых знаний, необходимых для правовой культуры в регионе.

Труды профессора Ш. Б. Магомедова вызывают широкий интерес и обсуждение в научных кругах, они посвящены вопросам конституционного закрепления в т.ч. экономической безопасности, где детально проанализированы различные подходы к осознанию широты понятия «экономическая безопасность» [3]. В фокусе внимания Ш.Б. Магомедова проблемы развития социального государства, дальнейшие перспективы совершенствования с учетом настоящих реалий и возможных тенденций. Нельзя не согласиться в этой связи с мнением российского ученого в части того, что современное социальное государство призвано обеспечивать требуемые условия жизни специфическим категориям населения, заблаговременно понимая, что никаких положительных ответных действий по созданию благ со стороны этих категорий населения в настоящий момент нет. Здесь очевидна потребность в расширении социальных гарантий и введении новых форм их обеспечения. Это и есть одна из форм развивающегося социального государства [4]. Профессор Ш.Б. Магомедов системно анализирует механизмы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации и совершенствования деятельности органов государственной власти, где делает акцент на улучшение качества подготовки нормативных правовых актов, увеличение взаимодействия правотворческих органов Российской Федерации и ее субъектов [5].

Еще в 2008 г., размышляя над вопросами существующих многочисленных коллизий (наблюдаемых масштабно с начала 2000-х гг. в стране как устойчивую политику того времени, реализуемую региональными элитами, принимавшими нормативные акты такого наполнения) несоответствия федеральному законодательству и заимствования исключительных компетенций Российской Федерации на региональном уровне, профессором Ш. Б. Магомедовым и Д. В. Камиловой предлагалось четкое отражение в Конституции Российской Федерации предметов ведения, относящихся к исключительной компетенции федерального центра, и предметов ведения субъекта Российской Федерации [6].

Трудом и профессионализмом научно-педагогических работников Юридического института Дагестанского государственного университета, вовлеченностью в этот процесс студентов и аспирантов под руководством Ш. Б. Магомедова за последние годы достигнуты весомые научные результаты: а) посредством комплексного и всестороннего анализа законодательства Российской Федерации и зарубежных стран в сфере противодействия терроризму разработаны научно обоснованные предложения по совершенствованию действующего российского законодательства в области противодействия экстремизму и терроризму, а также использованию в практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в целях повышения эффективности в борьбе с экстремизмом и терроризмом; б) разработаны предложения по оптимизации механизма регулирования уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступлений террористического характера; в) проведен комплексный анализ теоретико-правовых и отраслевых основ процессов межотраслевого взаимодействия [7].

Только за 6 лет (с 2015 по 2021 г.) на базе института было проведено 20 международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций, на повестке которых были актуальные вопросы юридической науки, развития образования на современном этапе, укрепления российской государственности, информационного права, информационной безопасности и правовой информатики в современных условиях развития информационного общества, теории и практики судебной экспертизы, организации и деятельности судебной власти в Российской Федерации, национальных и федеративных отношений, конституционно-правовых основ противодействия коррупции [7].

Заключение

Профессиональный подход профессора Ш. Б. Магомедова при научно-методической организации Юридического института ДГУ к постановке и решению наиболее актуальных и перспективных отраслевых вопросов в юриспруденции способствовал заслуженному признанию в нашей стране заслуг дагестанской научно-образовательной школы права. Под его руководством на базе Юридического института ДГУ успешно функционируют научно-исследовательские подразделения: научно-исследовательский институт права, научно-образовательный центр «Право», научно-исследовательская лаборатория социально-правовых исследований и сравнительного правоведения; научно-исследовательская лаборатория обычного права Дагестана под руководством доктора юридических наук, профессора М. А. Исмаилова, своими разработками применения обычного права известная как в России, так и в странах Закавказья, Республике Казахстан; научно-исследовательская лаборатория национальных и федеративных отношений; научно-исследовательская лаборатория уголовно-правовых и криминологических исследований; научно-исследовательский центр по изучению правовых проблем противодействия экстремизму, терроризму и коррупции.

Результативность данных подразделений имеет свои качественные достижения. Так, Центром регионального законодательства был разработан проект закона Республики Дагестан «О профилактике и предупреждении экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Научно-образовательным центром «Право» осуществлен проект «Разработка эффективных механизмов взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации по борьбе с экстремизмом» [7].

В нашей стране известны имена выдающихся правоведов Юга нашей страны. Среди таковых не лишним будет отметить: П. П. Баранова, Б. Д. Бахмадова, Р. С. Мулукаева, Ю. Х. Калмыкова, Л. П. Рассказова, Д. Ю. Шапсугова, Б. С. Эбзеева.

Каждый из перечисленных российских ученых внес, и многие продолжают вносить существенный вклад в развитие отечественной юриспруденции. В этой связи отметим некоторые заслуги отмеченных выше.

Баудин Дадаевич Бахмадов – известный чеченский ученый, профессор, внесший ценный вклад в зарождение и становление юридического факультета Чеченского государственного университета. Защитник конституционного строя ЧИАССР, ЧИР, ЧР в начале 90-х гг. XX столетия. Автор бесценных для современников и потомков научных и научно-публицистических работ, последовательно и системно раскрывших сущность и содержание процессов государственно-правовых изменений в ЧИАССР, ЧР, с которыми столкнулась республика в 1991–1994 гг. [8]

Дамир Юсуфович Шапсугов на протяжении многих лет успешно объединяет и развивает сборную команду ученых на Северном Кавказе в рамках важных для региона и государства научно-исследовательских проектов. Под руководством профессора Д.Ю. Шапсугова защитили кандидатские диссертации свыше 30 исследователей. В 1997 г. он стал инициатором создания «Северо-Кавказского юридического вестника», научного издания, входящего в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки Российской Федерации. Он также является научным руководителем уникального проекта – составление и публикация «Антологии памятников права народов Кавказа», которая включает все известные правовые источники обычного права народов Кавказа. Серия насчитывает более 30 томов. Результатом совместной работы ученых нашей страны стал изданный Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Академией наук Чеченской Республики том 13, посвященный чеченскому народу. Данная антология одобрена и рекомендована к изданию Комитетом по региональной политике Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации¹.

Как справедливо отмечают исследователи, несомненным лидером современной отечественной правовой науки является Борис Сафарович Эбзеев – выдающийся отечественный юрист, педагог, авторитетный ученый, в научном фокусе которого постоянно находятся наиболее актуальные теоретические и практические вопросы конституционного права. Научные труды профессора Б.С. Эбзеева способствовали широкому влиянию на развитие конституционно правовых основ федерализма, прав человека, организации публичной власти и судебного контроля. Он принимал практическое участие в подготовке проекта действующей Конституции Российской Федерации 1993 г., входил в состав рабочей группы Конституционного совещания [9].

Ю. Х. Калмыков для нескольких поколений юристов, ученых, политиков, коллег-преподавателей остается недостижимым мерилом честности и порядочности, образцом служения науке и торжеству закона. Как саратовскую цивилистику трудно представить без выдающегося отечественного юриста Юрия Хамзатовича Калмыкова – не просто талантливого ученого, но и глубоко порядочного человека, оставившего после себя добрую память и научное достояние в виде нетленных трудов [10], так и олицетворением современной дагестанской правовой школы является, на наш взгляд, профессор Шихтимер Баширович Магомедов, делающий для развития юридической науки и образования на Юге нашей страны много полезного и необходимого. Требовательный, решительный, вникающий в глубину вопроса, поставленного для реализации, способный к компромиссу, исключительно с позиции необходимости для науки и образования, он всегда выстраивает баланс среди коллег и студентов, что неизменно дает искомый положительный результат.

Профессор Ш. Б. Магомедов в 2020 г. активно поддержал крупное и необходимое совершенствование Конституции Российской Федерации, являясь последовательным проводником правовых идей Президента РФ В. В. Путина. На местах в Республике Дагестан профессором Ш. Б. Магомедовым была проведена широкомасштабная разъяснительная информационно-просветительская работа по значению вносимых поправок для развития российской государственности. В этот процесс были вовлечены весь профессорско-преподавательский и студенческий состав Юридического института Дагестанского государственного университета. Что в немалой степени способствовало пониманию гражданами значения вопроса для развития нашей страны.

¹ Чеченский том пополнил серию «Антология памятников права народов Кавказа». Режим доступа: www.grozny-inform.ru/news/society/53682/ (дата обращения: 13 марта 2025).

Лейтмотив всего массива конституционно-правовых разработок, осуществленных за многие годы (успешно продолжаемых в настоящее время), ориентирован на концепт конституционно-правового совершенствования публичной власти в современном государстве с позиции, опирающейся исключительно на принципы конституционализма, где главным регулятором и доминатором выступает верховенство права и всеобъемлющего уважения прав человека и гражданина.

Отводя Конституции Российской Федерации главенствующее место в сохранении и развитии суверенитета Российского государства в интересах многонационального народа в настоящем и в будущей перспективе долгосрочного развития, Ш. Б. Магомедов последовательно реализует миссию ученого и организатора.

Список источников

1. Гусейнов О.М., Магомедов Ш.Б., Гусейнов Г.О. Проблемы формирования правовой культуры личности // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 34. № 2. С. 27–32.
2. Магомедов Ш.Б., Ильясов С.М. К вопросу об обеспечении информационной безопасности как элементе национальной безопасности России // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 48. №4 (68). С. 66–71.
3. Магомедов Ш.Б. К вопросу о конституционном содержании обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. № 1. 2019. С. 10–15.
4. Магомедов Ш.Б., Бутаев Г.Р. Теоретические основы социального государства на современном этапе // Российский юридический журнал. №1(82). 2012. С. 7–17.
5. Магомедов Ш.Б., Закариев Я.А. К вопросу о механизмах обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации // Закон и право. № 6. 2010. С. 5–8.
6. Камилова Д.В. Магомедов Ш.Б. Обеспечение государственной целостности в условиях Российской Федерации // Закон и право. 2008. № 7. С. 21–22.
7. Рамазанов Т.Б. Дагестанский государственный университет – центр юридической науки и образования: история и современность // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 43. № 3. С. 7–13.
8. Сайдумов Д.Х. Вклад Б.Д. Бахмадова в становление юридического образования и науки в Чеченской Республике: некоторые штрихи к биографическому портрету человека, стоявшего на защите конституционных интересов и государственности ЧИАССР, ЧИР, ЧР // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. №3 (35). 2019. С. 180–189.
9. Комбарова Е.В. Научные взгляды профессора Б.С. Эбзеева на отечественное развитие публичной власти // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 256–262.
10. Хмелева Т.И. Ю.Х. Калмыков как один из основоположников саратовской цивилистической школы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. №4 (111). 2016. С. 47–49.

References

1. Huseynov O. M., Magomedov Sh. B., Huseynov G. O. Problems of formation of legal culture of personality. *Law herald of Dagestan State University*. 2020;34(2):27–32. (In Russ.)
2. Magomedov Sh. B., Ilyasov S.M. On the issue of ensuring information security as an element of national security of Russia. *Law herald of Dagestan State University*. 2023;48(4(68)):66–71. (In Russ.)
3. Magomedov Sh. B. To the question of the constitutional content of ensuring economic security in the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*. 2019;(1):10–15. (In Russ.)
4. Magomedov Sh. B., Butaev G. R. Theoretical foundations of the social state at the present stage. *Russian Law Journal*. 2012;1(82):7–17. (In Russ.)
5. Magomedov Sh. B., Zakariyev Ya. A. On the issue of mechanisms to ensure a common legal space in the Russian Federation. *Law and Legislation*. 2010;(6):5–8. (In Russ.)
6. Kamilova D. V. Magomedov Sh. B. Ensuring state integrity in the conditions of the Russian Federation. *Law and Legislation*. 2008;(7):21–22. (In Russ.)

Personalities

Saidumov Dzh. H. Contribution of professor Sh. B. Magomedov to the development of national jurisprudence

7. Ramazanov T. B. Dagestan State University - the center of legal science and education: history and modernity. *Law herald of Dagestan State University*. 2022;43(3):7–13. (In Russ.)

8. Saidumov D. H. Contribution of B. D. Bakhmadov to the formation of legal education and science in the Chechen Republic: some touches to the biographical portrait of a man who stood for the protection of the constitutional interests and statehood of the Chechen Autonomous Soviet Socialist Republic, the Chechen Republic, and the Chechen Republic. *Bulletin of the A. A. Kadyrov Chechen State University*. 2019;3(35):180–189. (In Russ.)

9. Kombarova E. V. Scientific views of Prof. B.S. Ebzeyev on the domestic development of public authority. *Legal Policy and Legal Life*. 2025;(1):256–262. (In Russ.)

11. Khmeleva T.I. Y.H. Kalmykov as one of the founders of the Saratov civilist school. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2016;4(111):47-49. (In Russ.)

Информация об авторе

Дж. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; профессор Чеченского государственного педагогического университета.

Information about the author

Dzh. H. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Chechen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

80-летию Великой Победы посвящается

* * *

18 апреля 2025 года в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС кафедрой уголовно-правовых дисциплин была организована и проведена **международная конференция «Память и уголовное право»**, ставшая заметным событием в юридической и политической жизни Южного федерального округа России и стран СНГ. По ее итогам формируется к изданию тематический сборник научных работ, лучшие статьи докладчиков будут размещены в ближайших номерах нашего журнала, а редколлегия сочла необходимым опубликовать принятое на форуме заявление.

«Обращение участников конференции»

Участники Всероссийской научной конференции с международным участием на тему «Память и уголовное право», посвящённой 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-45 годов, состоявшейся на базе Южно-Российского института управления Президентской академии в Ростове-на-Дону 18 апреля 2025 года, в процессе которой выступили с докладами и сообщениями учёные различных вузов и академических учреждений из 7 федеральных округов России и 16 представителей уголовно-правовой науки из пяти стран СНГ, в преддверии «Дня единых действий – в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками»,

заявляют, что

в мире возрождается идеология нацизма и расовой исключительности, растут реваншистские настроения, чреватые новой мировой войной, которая станет для человечества самоуничтожительной и последней; юридические итоги Второй мировой войны не подлежат пересмотру, ибо многие годы они служили и ещё могут послужить миру и безопасности всех народов планеты; 80-летие победного завершения войны странами антигитлеровской коалиции является важной датой для повышения миротворческой активности учёных и правозащитников, а равно бдительности политиков;

поддерживают

усилия политических лидеров и правительств своих стран по строительству многополярного мира в противовес прежней гегемонии и неоколониальным порядкам так называемых «цивилизованных народов»; объединительные процессы между независимыми государствами – бывшими союзными республиками в составе СССР, имеющими многовековой опыт взаимовыгодного культурного строительства и экономических обменов; стремления стран Третьего мира к подлинному суверенитету и освобождению от финансовой кабалы международных банков; практику Республики Беларусь по привлечению к уголовной ответственности виновных в геноциде их народа в годы Великой Отечественной войны;

считают, что

Вторая мировая война, развязанная милитаристской Германией при попустительстве западных элит, законно воспринимается в странах бывшего СССР **Отечественной** или **Священной** в силу критичности ситуации (выживание населения и сохранение государственности) и огромных жертв наших народов, а также **Освободительной** для Европы и Дальнего Востока; основной вклад в общую Победу стран антигитлеровской коалиции внёс Советский Союз; потомки победителей обязаны чтить память своих предков, в том числе посредством военных парадов и праздничных манифестаций граждан с приглашением ветеранов и лидеров других государств;

призывают коллег

к активности по разъяснению справедливости и огромной исторической важности Ялтинской мирной конференции руководителей СССР, США и Великобритании 1945 года, переговоров Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов, Хабаровского процесса

1949 года; к углубленной разработке феномена памяти и определения её значимости для сохранения национальной идентичности, суверенности и надёжной эволюции этносов; к опоре на исторические факты о войне 1941-45 годов, максимальной объективности, самостоятельности и принципиальности в распространении знаний и собственных оценок драматических событий прошлого века; к признанию геноцида советского народа в годы войны;

обязуются

быть активными исследователями, проповедниками и защитниками исторической памяти о Великой Отечественной войне; поддерживать миротворческие усилия политического руководства своих стран; разделять идеи бескорыстного волонтерства в отношении защитников Родины и народного движения «Бессмертный полк»; откликаться благодарственными словами и оказанием помощи активистам «Поискового движения России», занимающимся поиском останков воинов и мирных граждан, погибших в годы войны, и их перезахоронением; своими публикациями и выступлениями предупреждать попытки реабилитации нацизма и героизации нацистских преступников.

разделяют

предложение докладчика конференции, являющегося и правоведом, и священнослужителем Русской православной церкви, о введении в уголовное или административное законодательство России нормы об ответственности за «склонение женщины к искусственному прерыванию беременности путём уговоров, предложений, подкупа, обмана либо выдвижения ультимативных требований», поскольку Россия находится в кризисе рождаемости, что может привести к исчезновению народа как носителя исторической памяти и основы самого Российского государства.

Обращение принято по итогам его обсуждения участниками конференции с поручением Оргкомитету распространить настоящий текст в максимально доступной публичной среде».

**Председатель Оргкомитета конференции
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
ЮРИУ РАНХиГС
А. И. Бойко**

* * *

22 апреля 2025 г. в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС прошла **Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне как национальный приоритет Российской Федерации»**. Цель мероприятия состояла в юридическом просвещении, повышении научно-исследовательской активности и обсуждении актуальных вопросов, связанных с разработкой юридического механизма охраны исторической памяти о Великой Отечественной войне. Соорганизаторами конференции стали шесть высших учебных заведений г. Ростова-на-Дону, г. Нальчик, г. Махачкала, г. Елец, г. Белгород.

На конференции обсуждались такие вопросы, как о праве войны и мира в политико-правовой мысли; юридические механизмы сохранения памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.; лучшие практики правового просвещения в годы Великой Отечественной войны; историческая память как объект правовой охраны; государственная политика Российской Федерации по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне; социально-политическое значение мемориального законодательства; деятельность советских юристов в годы Великой Отечественной войны; развитие советской юридической науки в годы Великой Отечественной войны; проблемы юридической ответственности за фальсификацию исторических событий и др.

Участие в качестве соорганизаторов конференции Законодательного Собрания Ростовской области обеспечило ее включение в исторический форум «Наша история – наша победа», организуемого Законодательным Собранием Ростовской области.

С пленарными докладами на конференции выступили:

Никонов Вячеслав Алексеевич, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам, д. и. н.;

Шапсугов Дамир Юсуфович, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС, д. ю. н., профессор, заслуженный юрист РФ. Тема выступления: «О праве войны и мира: от Гуго Гроция до Нюрнбергского процесса»;

Рамазанов Ахмед Хидирович, д. и. н., профессор, заслуженный деятель науки РД, заслуженный работник высшей школы РФ, Дагестанский государственный университет, зав. кафедрой истории государства и права. Тема выступления: «Методологический дискурс по Второй мировой войне в контексте сохранения исторической памяти (правды) о Великой Отечественной войне как национальный приоритет России»;

Овчинников Алексей Игоревич, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ, профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС, иерей. Тема выступления: «Память как традиционная духовно-нравственная ценность: философско-правовой аспект»;

Небратенко Геннадий Геннадиевич, д.ю.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. Тема выступления: «Историческая память о Великой Отечественной войне и об участии в ней личного состава НКВД СССР»;

Сафронова Елена Викторовна, д.ю.н., профессор Белгородского государственного национального университета, директор Центра трансграничных правовых исследований юридического института НИУ «БелГУ». Тема выступления: «Проблемы правовой защиты исторической памяти»;

Шатковская Татьяна Владимировна, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «"Знать законы – значит защищать Родину": правовое просвещение в СССР в 1941–1945 гг.»;

Данилов Андрей Геннадьевич, д. и. н, профессор кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «Память о Великой Отечественной войне и самоидентификация современной российской молодежи»;

Трапш Николай Алексеевич, к. и. н., доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС. Тема выступления: «Великая Отечественная война в современном массовом сознании: дискурс исторической политики и исторической памяти»;

Литвинов Владимир Петрович, д. ю. н., доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина; старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета. Тема выступления: «Нюрнбергский процесс (1945-1946): раскрытие пантюристских замыслов нацистов»;

Власов Василий Иванович, д. ф. н., профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева. Тема выступления: «Разгром гитлеровской коалиции и установление нового миропорядка в 1945 году»;

Муртазалиев Абулмуслим Магомедович, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой теории государства и права Дагестанского государственного университета. Тема выступления: «Теоретико-правовые проблемы сохранения традиционных ценностей российского общества в контексте исторической памяти».

Всего в конференции приняли участие свыше 150 ученых, аспирантов, магистрантов и студентов.

*Шатковская Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой теории и истории права и государства
ЮРИУ РАНХиГС*

Дискуссионная площадка научного журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»

29 мая 2025 года в Южно-Российском институте управления РАНХиГС состоялась *дискуссионная площадка научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»*. Участниками стали ученые из городов – Тюмени, Москвы, Грозного, Нальчика, Ростова-на-Дону, представители вузов: **Владислав Валерьевич Денисенко** – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права, МГИМО МИД России (г. Москва); **Авдеев Дмитрий Александрович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (г. Тюмень); **Сайдумов Джамбулат Хамидович** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва), профессор Чеченского государственного педагогического университета (г. Грозный); **Маремкулов Арсен Нажмудинович** – доктор юридических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик); **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления РАНХиГС (Москва); **Шатковская Татьяна Владимировна** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону); **Радачинский Юрий Николаевич** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).

Инициаторами проведения дискуссионной площадки выступили – главный редактор научного журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» **Шапсугов Дамир Юсуфович**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС; директор учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС кандидат экономических наук, доцент **Брюханова Наталья Владимировна** и начальник отдела развития научных журналов ЮРИУ РАНХиГС **Садовая Людмила Леонидовна**.

Темой дискуссионной площадки № 9 стало обсуждение статьи *«Об истории юридической науки как процессе становления культуры творчества: размышления и краткие зарисовки о правовой эврикологии (науке о творчестве в познании и осуществлении права)»* профессора **Дамира Юсуфовича Шапсугова**, опубликованной в научном журнале «Северо-Кавказский юридический вестник» № 1 2025. (<https://vestnik-uriru.ranepa.ru/wp-content/uploads/2025/03/11-26-1.pdf>).

В выступлении автора статьи была отмечена одна из особенностей кризиса современной юридической науки, которую можно определить как наличие в ней большого числа стереотипов, тормозящих развитие научного знания, а представляя собой логическую систему, могут уводить познание от познания истины. Далее он проанализировал один из основных стереотипов в современной юридической науке – отождествление правового и юридического мышления, обусловленного неустановленностью различия в истории юридической науки фундаментальной и прикладной наук, в единстве образующих классическую юридическую науку. Выступающий обратил внимание на то, что в процессе дискуссии желательно анализировать не только основной текст статьи, но и афоризмы, помещенные в начале материала, и примерную схему, кратко отражающую процесс становления юридической науки с точки зрения реализации идеи культуры творчества в ней. Выступающий отметил, что очень надеется, что дискуссия будет интересной как для автора, так и для всех участников.

Дискуссионная площадка прошла на высоком уровне. Представленная к обсуждению научная статья профессора Д. Ю. Шапсугова получила большой резонанс среди участников мероприятия, которые отметили ее новаторский характер и значимую роль для дальнейшего развития юридической науки.

**О совместном тематическом проекте научных журналов
«Северо-Кавказский юридический вестник»,
«Журнал политических исследований»,
«Государственное и муниципальное управление. Ученые записки»**

Во вторых номерах журналов «Северо-Кавказский юридический вестник», «Журнал политических исследований», «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» впервые помещена новая рубрика, посвященная сотрудничеству с другими научными журналами по наиболее актуальным проблемам современного политико-правового развития российского общества и государства.

Первое обращение к реализации этой идеи посвящено чрезвычайно важной теме для современного этапа развития института выборов – цифровизации избирательного процесса в России.

О значимости института выборов свидетельствует ряд факторов: с помощью гласных, альтернативных, состязательных и транспарентных выборов формируется большая часть аппарата публичной власти в России, результаты волеизъявления граждан отражают политические предпочтения избирательного корпуса, легитимизируют избранные путём прямых всеобщих равных выборов органы государственной власти и местного самоуправления, наделяют выборных должных лиц поддержкой большинства российских избирателей.

Учитывая большую значимость данного института в развитии народовластия, в рубрике критически проанализирован как практический опыт его реализации в нашей стране, так и научные работы в этой области.

Об актуальности представленных в рубрике материалов свидетельствует в том числе и факт, что в 2025 году в единый день голосования (14 сентября 2025 г.) пройдут выборы (предположительно около пяти тысяч избирательных кампаний разного уровня) в более чем восьмидесяти субъектах Российской Федерации (в ходе которых избиратели выберут 20 глав регионов, ещё одного главу региона будет избирать законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации, также будут сформированы 11 региональных legislatures) и целом ряде муниципальных образований. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, осуществляющая подготовку и мониторинг за ходом избирательных процедур и практик, внесла предложение о логотипе Единого дня голосования – 2025 г., который будет посвящён 80-летию со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Избирательный марафон будет продолжен в единый день голосования в 2026 г. в тех регионах, где полномочия глав субъектов РФ истекут после середины июня 2025 г. (республике Коми, Новосибирской, Ростовской, Белгородской и Челябинской областях). На основании поправок в избирательное законодательство, внесённых весной 2025 г., дополнительные выборы парламентариев регионального масштаба не могут проводиться в год, предшествующий основным выборам данной legislatures.

Надеемся на поддержку читателей и редакций научных журналов по развитию предлагаемой формы сотрудничества, в том числе и по другим направлениям научных исследований.

*Редакционная коллегия журнала «Северо-Кавказский юридический вестник»
Редакционная коллегия журнала «Журнал политических исследований»
Редакционная коллегия журнала
«Государственное и муниципальное управление. Ученые записки»*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

ЖИЗНЬ В НАУКЕ И ДЛЯ НАУКИ (к Юбилею П. П. Баранова)

14 мая 2025 г. отметил **75-летний юбилей** известный российский ученый-правовед, теоретик и конституционалист, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, заведующий кафедрой конституционного и муниципального

права доктор юридических наук, профессор Павел Петрович Баранов. Его научный путь начался с обучения на юридическом факультете Ростовского государственного университета, ныне Южного федерального университета. В студенческие годы преподаватели отмечают его склонность к научной деятельности. Сразу после получения диплома юриста молодой выпускник Павел Баранов поступает в очную целевую аспирантуру университета.

В 1979 г. под руководством доктора юридических наук, профессора Рябко Ивана Федоровича в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского П.П. Баранов блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Правовое воспитание граждан СССР в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма». В 1992 г. он защитил в г. Москве докторскую диссертацию на тему: «Проблемы профессионального правосознания работников органов внутренних дел». В 1994 году получил ученое звание профессора.

Свой трудовой путь П.П. Баранов начал в должности научного сотрудника Северо-Кавказского научного центра высшей школы. В 1978 г. поступил на работу в Ростовский филиал МФЮЗО при Академии МВД СССР, сначала в должности преподавателя, затем его деловые качества и профессионализм были замечены руководством, и он был назначен начальником кафедры, а затем – заместителем и с 1996 по 2008 год начальником Ростовского юридического института МВД.

В 1997 г. Павлу Петровичу Баранову было присвоено звание генерал-майора внутренней службы. Баранов Павел Петрович является основоположником научного направления, содержание которого связано с изучением проблем профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел. Именно этой теме посвящены монографии: «Теоретические и методологические основы изучения профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел», «Работники органов внутренних дел как носители (субъекты) профессионального правосознания», «Проблемы сформированности профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел (теоретические проблемы)», «Теория систем и системный анализ правосознания личного состава органов внутренних дел».

В 2003 г. по инициативе П. П. Баранова в РЮИ МВД России был открыт диссертационный совет Д.203.011.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, председателем которого он был назначен. Под руководством Павла Петровича в институте был создан научно-исследовательский центр по изучению проблем деятельности органов внутренних дел Северо-Кавказского региона.

Павел Петрович Баранов – блестящий докладчик, обладающий глубокими знаниями во многих областях юридической науки, энциклопедическим кругозором и аналитическим подходом, он множество раз организовывал и выступал на ведущих международных конгрессах и конференциях. Его яркие выступления всегда интересны и оставляют неизгладимое впечатление для студентов и ученых. Научные труды П.П. Баранова получили признание, ими руководствуется не одно поколение правоведов. С 1995 и по 2008 годы П.П. Баранов выезжал в научные творческие командировки в США, Великобританию и Германию.

Павел Петрович опубликовал 36 научных статей в зарубежных журналах Канады, Италии, Германии, Индии, входящих в базы Scopus и Web of Science. В центре сегодняшних научных интересов профессора П. П. Баранова находятся ряд общетеоретических проблем: сущность права и проблемы онтологии права, позитивистское правопонимание в юридической науке и практике, право в цифровую эпоху, правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта, кризис юридической науки в современном мире.

Большой цикл научных работ П. П. Баранова посвящен анализу различных конституционно-правовых проблем: политические ценности и интересы в конституционном праве, внутренние и внешние угрозы конституционному строю России, легитимность государственной власти, конституционализм и современные политические элиты, конституционно-правовая элитология, конституционно-правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений, права и свободы человека в цифровую эпоху.

П. П. Баранов является автором около 500 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий и 12 учебников. В 2005 году было опубликовано пять томов избранных произведений П. П. Баранова по проблемам теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания (общий объем – 120 п.л.). П. П. Баранов – известный деятель российской юридической науки, действительный член РАЕН, проводит большую работу по пропаганде правовых знаний, принимает активное участие в работе ряда диссертационных советов, много сил и энергии отдает подготовке научных кадров. Под его научным руководством защищено 19 докторских и 216 кандидатских диссертаций. Среди его учеников А. И. Овчинников, А.П. Мясников, Т. В. Шатковская, В. Я. Любашиц, С. А. Воронцов, А. Ю. Мордовцев, С. И. Тиводар, Н.Н. Седова, И.Г. Напалкова и другие доктора юридических наук. В течение восьми лет он был членом экспертного совета по праву ВАК Минобрнауки России и членом экспертного совета при Председателе Государственной Думы Российской Федерации. П. П. Баранов стоял у истоков создания и развития журналов «Философия права» и «Юристъ-Правоведъ». Много лет был их главным редактором и до сих пор остается членом их редакционных коллегий, а также входит в состав редколлегий журналов «Северо-Кавказский юридический вестник» и «Вестник Юридического факультета ЮФУ».

Всё это подтверждает поистине значимый вклад Павла Петровича Баранова в российскую правовую науку. Его энергия, талант, умение работать, ставить и решать актуальные научные задачи служат примером, который воодушевляет коллег и студентов.

За свой многолетний доблестный труд Павел Петрович Баранов награжден Орденом Почета, 15-ю государственными и ведомственными медалями, Почетным знаком РАЕН «За заслуги в развитии науки и экономики», личным наградным оружием.

Коллектив Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, редакционная коллегия журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» поздравляют Павла Петровича с Юбилеем и напоминают ему о том, что юридическая наука России уверенно ждет от него традиционно глубокой проработки новых проблем правового развития российского общества и государства.

Доброго здоровья Вам, Павел Петрович, и всяческой внешней поддержки Вашей творческой деятельности!

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть от 15 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы).

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовки статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»;

- аннотация (200-250 слов). Аннотация должна быть структурирована, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (не менее 10). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68-71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

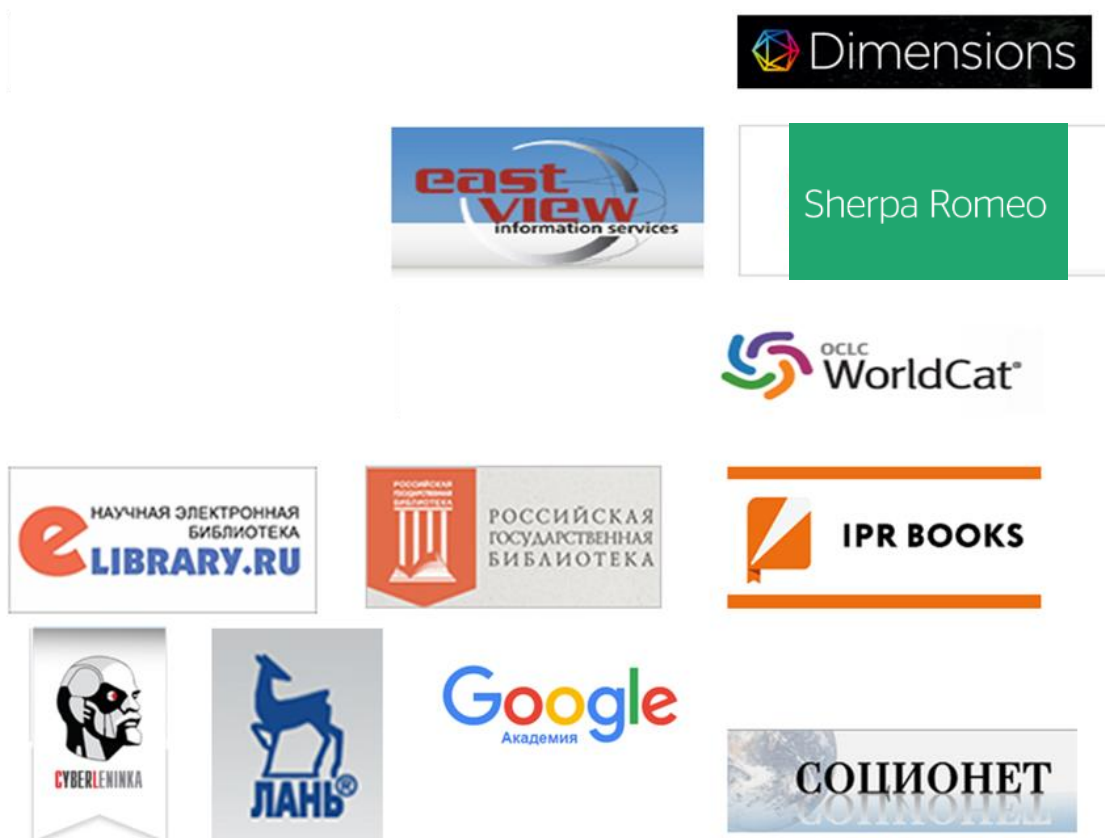
Статьи принимаются по адресу: 344002. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54. ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник».

Тел. 8-863-279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

**Мы не запрещаем позитивизм,
но стремимся определить его действительное место в познании права**

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 2, 2025

Выход в свет 30.06.2025. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3127-25

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru